

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Оксана ДЕМЧЕНКО

СЕМЬ ЛЕГЕНД
МИРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Мир Релата

Оксана Демченко
Семь легенд мира

«Автор»

2010

Демченко О.

Семь легенд мира / О. Демченко — «Автор», 2010 — (Мир Релата)

Если твои имена и прозвища уже давно стали легендой, если они внушают страх и уважение каждому, если золота у тебя до бессмысленности много, — согревает ли душу такая слава? Окрыляет, наполняет жизнь смыслом? Нет! Ни деньги, ни страх не восполнят дракону, утратившему крылья, радости полета. Тогда как найти свой путь? Просто ослабить повод и дать свободу коню. Вмешаться в течение чужих судеб, подставить свой непобедимый клинок под удар, назначенный другому... Позволить себе обзавестись друзьями, заранее зная, что переживешь их и снова будешь одинок. Это трудно и больно. Но именно так утратившие крылья учатся снова... летать.

© Демченко О., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Книга I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Оксана Демченко

Семь легенд мира

Книга I

Утраченные крылья

Легенда первая. Демон Кэбир

Старики рассказывают, что в те далекие времена, когда одинокий воин, полагаясь на свои клинок и удачу, мог стать шейхом и повелителем целого народа, жил в пустыне Кэ-рабих древний демон. Говорят, тот демон умел строить дворцы и превращать сухие пески в зеленый и живой мир. Был он могуществен. Был ли зол? Возможно, да, а может – нет. Разное говорят старики.

Встретил его в песках молодой купец, пообещал одарить золотом и камнями – и получил воду, а еще в придачу бесценное умение проследживать путь по звездам. Встретил юноша, ищущий славы лекаря, и получил знания и травы, за которые позже должен был десятикратно воздать учителю.

Но люди и в те давние времена не умели держать свое слово, а глаза их горели жадностью. Купец более не водил через черные пески свои караваны, а юноша повзрослел и стал лекарем при дворе великого шейха. Оба познали богатство и славу, оба забыли об их источнике.

И вот однажды, много лет спустя, миновав морем опасные черные пески и потеряв на этом три месяца, купец вышел с караваном в дикую северную степь. Там его ограбили разбойники – жилунгэ, увели всех верблюдов, угнали коней, пленили слуг. Их было не более дюжины, захвативших караван. И взмолился купец: «Как же вы одолели мою охрану, откройте мне хоть перед смертью свою тайну?» Рассмеялись разбойники и сказали, что за половину денег от продажи каравана и его добра наняли самого Кэбира, который давно желал повидать своего должника. Указали своими кривыми саблями на черного всадника, недвижно замершего поодаль. Плача и раздирая лицо ногтями, подполз ставший нищим в тот день богач к копытам вороного скакуна, столь совершенного, что конюхи шейха пали бы замертво, увидев его, а сам шейх лишился бы рассудка от неотступного желания заполучить дивное животное. Во всаднике купец узнал демона, ничуть не изменили его лика прошедшие годы. И тогда понял, что плату за свою жизнь и тайное знание все же отдал сполна, хотя мог бы вернуть ее раньше, и не столь ужасно. Демон усмехнулся и молвил: «Я дам тебе еще раз флягу воды и немного золота, чтобы твоя семья не оплакивала тебя, глупый человек. И добавлю совет, не требующий оплаты. Слово – дороже золота, а честь превыше жадности наживы. У тебя теперь хватит времени обдумать мой второй дар».

Лекарь великого шейха добился полной славы, ему не было равных. Но возжелал еще больше денег и могущества. И когда восьмой сын повелителя пришел и попросил изготовить для отца и братьев яд, который уничтожит правителя и иных наследников, после чего власть перейдет в его незаконные руки (а мудреца возведет в ранг первого советника и поставит над всеми людьми страны, и детей его сделает равными среди вельмож и шейхов), – лекарь создал яд, незаметный и смертоносный. Шейх угасал быстро и мучительно, страшные боли донимали и его, и старших братьев нечестивца. Не осталось времени позвать лучших лекарей мира – снавей, способных поднять умирающего, – оказались они слишком далеко. Ведь снавей не живут при дворе, они помогают каждому, независимо от его достатка, таков их удел.

Когда же настали последние часы повелителя, у его дворца возник конь, сводящий с ума всех знатоков своей статью, черный, как безлунная ночь. Всадник спешил, прошел в покои

шейха. Никто не посмел его остановить, ибо многие слышали о силе демона. Кэбир поднял шейха с ложа смерти. Вылечил и наследников. И предложил ученику выбор: выпить собственный яд или рассказать о причинах его составления. Лекарь рассказал все, и обоих заговорщиков казнили в тот же день. А демон взял с шейха плату, которую обещал ему ученик, и ни монетой больше.

Много есть историй про этого демона, ибо он не стареет и по-прежнему бродит по миру людей. И до сих пор он могуществен. Стал ли он с древних времен более зол или добр? Возможно, да, а может – нет. Разное говорят старики. Но в одном они сходятся: слово, данное однажды, следует держать, демону оно дано или человеку – не важно. Оно дороже золота.

* * *

Закат в тот день не удался.

Непривычные и чужие для юга слоистые облака ползли узким клином с тусклого востока, темные и блеклые, в рыжих разводах поздних отблесков света. Будто нерадивый воин после боя не вычистил свой меч, и теперь, спустя изрядное время, сталь покрылась позорной и неопрятной бахромчатой ржавчиной. Смотреть противно. Он бы шею свернул за такое отношение к оружию.

Еще вечер плох потому, что за пологим холмом, одним из последних, еще довольно полно и надежно скрепленных чахлыми стелющимися травами, начинается гиблая, опасная и мертвая на многие недели пути пустыня Кэ-рабих. Для него – начинается. А для идущего с восхода под клинком туч каравана, едва показавшегося на гребне этой долины, которую он пока не видит, но прекрасно представляет, как раз заканчивается. Верблюды давно рассчитывают на толковый отдых у воды и сами прибавляют шаг, благо жара нескончаемого дня пошла на убыль. Погонщики утомлены последним и оттого весьма длинным – кому нужна еще одна ночь в мертвых песках – переходом. Они сегодня слишком беззаботны. Напрасно: ржавую сталь небо кажется не просто – предупреждает внимательных и опытных в чтении подобных примет.

Самое время снарядить лук и перевести коня на шаг. Пусть отдохнет, хоть Актам и не из тех жалких созданий, что способны легко утомиться. Но не стоит быть небрежным – пусть вороной неспешно взберется вверх по бронзовому склону, залитому закатом, кося хитрым глазом на опустившего повод седока и выхватывая на ходу редкие, почти сухие стебли. Пока еще длится спокойное время тишины, и не к чему его торопить.

От вершины он глянет вниз и решит – стоит ли продолжить прямой путь и вмешаться. Или обойти стороной то, что неизбежно разорвет тишину вечера. Здесь, в низине, близ кромки пыльно-серой ночной стороны холма, бронзовый бок которого топчет Актам, и подсвеченного закатом склона соседнего, он никому и ничего не должен и лезть в чужие дела едва ли станет. Люди так многочисленны и схожи, что их убогие драки за юктасский шелк или пряности с берега Эргис ничего не изменят в мире. Как и их смерть. Караван поджидают не новички – подготовились они отменно. Следы он приметил давно – конные прошли, как и он, с заката. Большой отряд, свежие лошади без поклажи. Долинка испокон века – место засад. И что с того? Верблюдам все равно, кто поведет их к воде. А ему? В общем-то, тоже. Почти.

Вороной распробовал, насколько трава подобна старому суну, и потерял к ней интерес. Он, уж без сомнения, достаточно хорош, чтобы претендовать на лучший ужин. И прекрасно знает себе цену. Вскинул сухую голову, подобрался и прибавил шаг. Сзади недовольно всхрапнул заводной, хромой полуторагодовалый жеребенок. Еще одна забота – нахмурился седок. Глупо было его брать, тем более – за полную цену взрослого коня.

В последнее время он вообще делает много глупостей. Вот хотя бы: что он вообще хочет увидеть с гребня? Невелик интерес смотреть на обычную резню разбойников, еще не получив-

ших достаточно золота, чтобы снарядить караван, с более успешными соплеменниками. Он слишком много знает о происхождении достатка купцов, чтобы лезть в драку. В большинстве – это ожиревшие и по-прежнему жадные пройдохи. Некогда сами выбившиеся из лихих людей, но уже накопившие достаток и вместе с ним – страх за свою жизнь, ставшую удобной и размеренной. Или спесивые богачи, мечтающие породниться со знатью и оттого заранее окружающие себя толпой слуг с гибкими спинами. А еще – холодноглазые скупцы, ради выгоды загоняющие насмерть и скот, и людей.

Гребень придвинулся вплотную.

Ржавая сталь облаков окрасилась темной кровью позднего заката. В долине тишину разорвал визгливый сигнал рога. Коротко свистнули стрелы. Вот докатились и конский храп, гомон голосов, а теперь и звук соприкоснувшейся стали. Хорошей стали, особенно певуч один восточной клинок, даже на слух заметно, издали. Впрочем, оружие – его давняя слабость, оттого и вслушивается внимательно, и оценивает безошибочно.

Наконец вершина холма.

Караван оказался велик и богат. Огромные ухоженные верблюды, десятки! Они всё еще выходят в долинку от перелома дальнего холма, красные в закатном свете. Всадники из охраны, толковые воины, отлично вооруженные и при хороших конях. Все это зря. Ждали именно их, нет сомнения. Первая дюжина охранников уже выведена из строя, кони хрипят и бьются с пробитыми шеями и переломанными ногами. Короткая выйдет схватка и очень кровавый догорит закат, мрак ночи напитается сполна черной остывающей кровью.

Он заметил погонщиков, умело управляющихся с усталыми, ошалевшими от ран животными. Владелец каравана, «дабби-эшти», как таких именуют по ту сторону пустыни, скачет на породистом айгирском светло-соловом коне, в общем строю с охраной. Не трус и не жирный боров, и людей на гибель бросить не спешит... Нагнулся, подхватил ребенка из-под копыт лошадей, ловко направил солового в сторону и бросил малыша в руки догадливых и расторопных погонщиков. Не такой уж и плохой караван. И клинок у дабби хорош. Более того, знаком.

Актам зло впечатал глянцево-черные копыта в пыль и взвизгнул, требуя повод. Вот уж кто непрочь спуститься вниз и включиться в потеху...

Он сменил десятки коней на дорогах нижнего мира. И с некоторых пор все они – воронье из селения Гриддэ, почти всегда происходящие из одной породной линии. Воронье – потому что в селении безмерно ценят золото в масти и более охотно расстаются со скакунами, его не имеющими. А сам он предпочитает сохранять стиль, выбранный единожды. Гриддские – потому что им нет равных под солнцем. Сорок лет назад он вернул в род Иттэ двух кобылиц и жеребца, выкраденных ловкими чужаками. Его тогда наняли, но он оказался достаточно умен, чтобы вместо золота в оплату взять обещание дружбы. И с тех пор не жалеет о сделанном. Без своих обожаемых хозяев из селения кони гибнут, они горды и не берут пищи и воды у врага. Позже он еще дважды отбирал жеребят у ночных воров. В последний раз отвадил их, кажется, на целую череду поколений. Нашел покровителей конокрадов и положил пять десятков воинов, ловко заманив их в узкую лощину. Все закончилось в несколько минут, до прибытия прочих. Он ждал на холме. Один, как обычно, и под седлом в тот день был отец Актама. Прибывшие осознали гибель своих родичей сразу и решили, что сделать подобное человеку не по силам. Люди суеверны, и, сочтя его демоном, обрели должный страх. Демонам не мстят, ими пугают детей. С тех пор в Гриддэ никто не ездит без приглашения его жителей. И кони не пропадают.

Но скакунов по-прежнему мечтают заполучить, чтобы хоть немного улучшить кровь своих, местных. Гриддские резвы, выносливы, умны и преданы. Их не спутать с иными никогда, увидав всего лишь раз. Узкая морда с характерной горбинкой профиля, крупные, чуть косо разрезанные глаза, слабая грива, шея удивительной формы и змеиной гибкости. Длинноватый корпус, сухость конструкции, обманчивая легкость, маскирующая силу и неутомимость.

Не поддается маскировке иное: скакуны самолюбивы и своенравны, уверены, что их мнение в любом деле имеет решающее значение. Раньше он несколько раз возвращал строптивцев, не находя с ними общего языка. Гриддских коней «ломать» бесполезно, тем более – лучших. Но именно они не предают избранного седока и выносят его из беды, даже и ценой жизни. Люди куда менее надежны и достойны уважения. А вот коней уважать он со временем научился. Актам у него шестой год и имеет право на свое мнение. Кровью оплаченное право. А если так... Заводной устало вздохнул и встал, едва повод провис, сброшенный в пыль. Не с его хромотой лезть в драку.

Вороной уже азартно летел вперед, не опасаясь крутизны склона и сыпучего песка, ему не привыкать. И только стрелы хозяина обгоняли его, крылоногого, чтобы добавить багрянца в закат. Все, как одна – жутко и точно срубая шеи сквозь самую малую щель над срезом доспехов. Это заметили внизу лишь с седьмой или восьмой смертью – и охнули. Закричали, опасливо закручивая коней, чтобы успеть хотя бы мельком углядеть ужасное и почти невозможное – его. Того единственного, кто бьет на скаку без единого промаха и стал «легендой без лица», ведь враги ничего не успевают толком рассмотреть. Лишь силуэт одинокого лучника, черного на фоне склона. И гудение лука. А потом – темный тусклый меч придвинувшейся вплотную смерти, чуть наотлет, в опущенной правой руке. И в левой – еще один, более короткий (повод брошен на луку седла).

Когда нападающие повернулись лицом, целиться стало еще удобнее – в открытое горло. Занятно. Он не устраивал тут значимых драк лет сорок, но его еще помнили, вот уже отчетливо прошелестело над песком слитной дрожью разом севших до шепота голосов: «Кэбир». И Черный меч – старое имечко. Трусливые отродья – их семь десятков с лишним, за минусом числа израсходованных стрел в его колчане. Все при оружии, он – один и пока довольно далеко. Караван уже забыт. Их, побежденных лишь именем и страхом, мнут сзади люди дабби.

Вороной разочарованно взвизгнул и прибавил прыти: как они смеют уклоняться от боя, не отведав остроты его зубов и мощи копыт? Уж в резвости-то с Актамом им никак не тягаться. Жеребец опытным глазом выбрал жоака, в несколько прыжков достал, сминая грудью. Впечатал копыта в бок соседнего коня и уже рвал рыжую шею следующего, не поднимая высоко головы, словно специально, чтобы дать полную свободу черному мечу хозяина.

Схватка вышла куда короче, чем полагали разбойники.

В несколько мгновений они разделились на тех, кто успел выбраться на пустой и довольно пологий северный склон – и прочих. Мертвых.

Актам зло визжал, обзывая трусами уходящих прочь бешеным махом коней и их жалких седоков. Он бы всех легко достал, но хромой жеребенок – его сын, бросать малыша одного не дело. И так бедняга спотыкается, неловко скользит по песку вниз.

Пришлось вороному всего лишь демонстративно повернуться хвостом к беглецам, игнорируя недостойных. И сосредоточить свое внимание на соловом конкуренте на роль лучшего в долине коня. Айгирские – кони шейхов, славная порода. Их, гордо несущих сухие головы на лебяжьих шеях, тоже не спутать с иными. Впрочем, к раненым Актам благосклонен. Тем более этот – боец, и со стрелой в плече не предал седока.

Дабби соскочил наземь в двух шагах от гостя, по восточному обычаю низко склонился, складывая руки на груди. Выпрямился, пылливо изучил незнакомца. Без страха, скорее с любопытством: немногие могут взглянуть в это лицо – и выжить. Очень спокойное лицо. Обычное, в общем-то, как и сложение всадника. Чуть выше среднего роста, суховат и не слишком внушительен, лет тридцати-сорока на вид. С довольно светлой кожей, выдающей северянина, с темными глазами, прорезанными расходящимися от зрачков веерами светлых нитей, наполняющих их сиянием. Оттого взгляд – пристальный и цепкий. Ведь нельзя совсем не интересоваться человеком, который считанные мгновения назад был почти мертв. А не переступил последнюю черту лишь благодаря жутковатому и спасительному на сей раз случаю с твоим именем.

Хорошо, что не переступил. Дабби умел не прятать взгляд и презирал суеверия. Рослый, сухой, явно изрядно за сорок, с веселой хитринкой в больших темных глазах, короткая борода пробита первой сединой. Одет скорее удобно и практично, чем богато. Вот и сбруя солового не светится золотом и камнями. Зато легка и отлично пригнана.

– Приветствую нежданного спасителя, посетившего нас столь своевременно и оказавшего неоценимую помощь. Мы вынуждены разбить лагерь здесь, надо поскорее заняться ранами моих людей. Соболаговолит ли достойный гость принять мои расположение и дружбу, разделить скромный походный ужин и отдохнуть в шатрах каравана? И могу ли я называть его именем Кэбир?

– Пожалуй, я поужинаю охотно. Задержусь и отдохну у вас, уважаемый, – кивнул «гость». – А звать меня будет правильнее Тоэль. Таково мое настоящее имя на это время. И, если ваш клинок не менялся на золото, то он должен находиться в руках мужа из рода Багдэш.

– Именно, дабби Амир Багдэш к вашим услугам, – кивнул хозяин каравана, принимая повод вороного и восхищенно оглаживая шею загарцевавшего коня, падкого на восторги истинных ценителей. Сочтя приветствие завершенным, дабби перешел к иному, более мягкому и домашнему тону общения: – Кое-что не меняется в мире. Мой дед говорил о тебе. Всадник на лучшем из скакавших когда-либо под солнцем вороном коне, однажды подаривший ему жизнь и меч. Я не верил.

– Ты мне льстишь, а я на лесть не откликаюсь, в отличие от Актама, моего коня. Столь же славного, сколь и тщеславного... – усмехнулся Тоэль, спешиваясь. Он без усилия принял предложенный тон. Дружеский. – Я в ту пору еще брал плату за подобную работу, и твой дед меня всего лишь нанял. Я стоил очень дорого, а он был честен и не стремился свалить на меня все беды за свое золото. Мы отменно поладили.

За время короткого разговора в десяти шагах вырос шатер. Тоэль приятно удивился расторопности людей дабби, явно искренне уважаемого всеми вокруг, такое не подделать. И отметил про себя, что вполне доволен вечером. Этот караван куда правильнее оставить в руках рода Багдэш, нежели уступить грабителям.

От верблюдов подошел, не поднимая головы, мальчик – тот самый, которого дабби бросил погонщикам, спасая из гущи боя. Щуплый, совсем маленький, в запыленной одежде. Впрочем, это следствие боя. Если приглядеться, шаровары добротны и не видели пока заплат, а рубаха – из мягкого хлопкового полотна, тонкого, украшенного цветными нитями узора. Да и сапоги отменные.

Малыш на миг странно замешкался, будто прислушиваясь, затем решительно двинулся в сторону, к жеребенку Актама. Подобрал повод, уверенно хлопнул по боку, принялся прощупывать левую переднюю ногу сверху вниз. Задержал пальцы возле самого копыта. Тоэль следил с растущим интересом. Едва ли он признается дабби и самому себе, что вмешался в бой прежде всего из-за тощего сопляка, выхваченного из гущи схватки. В караванах купцы редко рискуют своей жизнью ради таких вот, не стоящих ничего, легко заменимых. Амир проследил взгляд и, чуть щурясь, всмотрелся в жеребенка.

– Ты изменился не только в имени, бывший Кэбир, – покачал он головой. – Этот голенастый жеребенок так же похож на обузу, как крошка Мира. Но оба нам очень дороги и не так просты, как может показаться. Прежде ты, по словам деда, ценил золото выше жизни.

– Наверное, так. Уже довольно давно я не вижу в золоте смысла, его у меня накопилось слишком много. Глупый металл, куда менее интересный, чем сталь, – кивнул Тоэль. – Мальчик разбирается в лошадях.

– Девочка, – усмехнулся дабби и привычно проследил удивление. – Многие сперва брови поднимают и недоумевают. Так сложилось... Ей десять лет, с моим караваном ходит с неполных шести. Сама прибилась. Пришла и нахально пропищала, что требует места и работы. Я бы прогнал, но было хорошо видно, что идти ей некуда. Если бы оказалась зрячая, все равно бы отказал, пусть ищет другое место, поспокойнее. А так – не смог.

– Ты тоже не сильно похож на своего деда, – рассмеялся Тоэль. – Он был практичнее, дал бы убогой денежку и, пожалуй, от большой доброты пристроил в хорошем доме, где поспокойней.

– О, я практичен, достойный гость, – весело возразил Амир. – Только не сразу это осознал. Мира – лучшая в уходе за любым скотом. Да и при раненых она незаменима. Я иногда сомневаюсь в ее слепоте. Девочка отменно ориентируется и даже помнит пути каравана. Если жеребенка можно вылечить, то только ее руками. Мира! Что скажешь о малыше?

Она подошла, по-прежнему не поднимая головы. Хромоногий доверчиво топал следом, жалобно вздыхая лекарке в затылок. Тоненькая, с выгоревшими до белизны волосами северянки и бронзовой кожей, прокаленной солнцем за годы пути. Уверенно потянулась к шее вороного Актама, прощупала неприметный старый шрам. Тронула плечо солового, подошедшего к ней пожаловаться на жизнь. Подняла, наконец, голову. Улыбнулась приветливо. Тоэль увидел ее лицо. Совсем детское, очень узкое и худое, с довольно темными бровями и жуткой пустотой сухих провалов навсегда закрытых, ввалившихся и сросшихся век на месте глаз.

– Хороший жеребенок. У него большое сердце, правильное сложение, славная порода и душа победителя, – уверенно сообщила девочка. – Должен вырасти удивительный скакун. Только за копытами всю его жизнь надо очень бережно следить. Постоянное лечение. И с нагрузками первое время поосторожнее.

Тоэлю сперва показалась забавной ее решительность. Сказала не «может вырасти» – а «должен». Очень по-взрослому сказала. Даже – слишком. Как будто ошибаться она не способна. И, смешное дело, – он поверил.

– Что, будет бегать? – удивился бывший Кэбир вслух. – Я его отспорил у рода Иттэ-Орт. Хотели на мясо пустить, сочли безнадежным. Но мой Актам был сильно против. И я сделал эту глупость, выкупил его. Наглые лошадики обобрали меня до последней монеты, такая у нас странная дружба. Тащу третий месяц малыша в поводу и думаю: зачем? Амир, если я подарю коня девочке, это не помешает ей? Корм стоит денег, и малыш медлителен, требует внимания и лечения. К тому же капризен, у них весь род с характером. Его хозяева растят жеребят в семье. Они не табунные, привыкли к ласке и вниманию.

– Мира вечно возится с теми животинами, что требуют внимания. А в большом караване таких неизбежно найдется хоть пара. Я плачу ей достаточно, чтобы прокормить коня, если общее для всех прочих питание этому гурману не по вкусу.

– Мира, ты его возьмешь?

– Господин шутит, – рассмеялась слепая. – Жеребенок и теперь стоит половины каравана. Он способен выиграть большую амги-байгу ста племен. Лет через пять, правда, не раньше. Когда в силу войдет. Но к тому времени он будет оцениваться уже в невозможном для понижения количестве золотых денег. А у меня есть всего два десятка монет.

– Байга – злое место, – нахмурился Тоэль. – Детям и жеребят там делать нечего. А в остальном... Ему будет с тобой хорошо. За деньги я его не готов отдать. Если Актам позволит, забирай так, это же его сын. Договоришься?

– Попробую, – снова заулыбалась Мира. – Я пока уведу обоих, их надо чистить и кормить, а славный Зирах, скакун нашего дабби, требует лечения.

– Расседлаю – и...

– Я все сделаю, я сильная, – снова рассмеялась она. – Иди с Амиром, он тебя явно хочет ужином накормить. Вещи я отнесу в твой шатер. У нас очень спокойный караван, ничего не пропадает.

– Знаешь, малыш, у меня уже – не упомяну сколько лет – ничего не пытаются украсть, – усмехнулся Тоэль. – Хотя такая польза от дурной репутации.

– Странно. Разве ты плохой? Я редко ошибаюсь в людях.

Тоэль поймал себя на том, что пристально смотрит в узкое детское лицо и пытается представить его – зрячим. Но не может. И, более того, не готов счесть Миру слепой, убогой, неполноценной. Она так ловко двигается, так взросло и решительно рассуждает. И явно очень старается быть полезной каравану, ценит уважение дабби. Верит, что люди, приглянувшиеся ему, – обязательно хорошие и добрые. А может, и сама разбирается? Поди пойми, чего ждать от странного ребенка...

– Я даже не человек, – заговорщицки прошептал Тоэль в самое ухо слепой. – Честно. Я из рода айри, но тебе это ничего не скажет. Мы другие, очень долго живем и еще многим от вас отличаемся. Например, у меня есть когти.

Прекратив исследовать странность своего сегодняшнего поведения, Тоэль выкладывал тайны – не заботясь ни о чем. Пусть порадует маленькая Мира. Развеселится, как подобает ребенку. Ну что она стоит, удручающе серьезная и взрослая?

– Ух ты! – Она удивленно прощупала один из трех когтей левой руки, выпущенных в доказательство из межпальцевых сумок. Улыбнулась иначе, задорно и весело. – Настоящий, и такой острый... прямо маленький кинжал.

– Вполне настоящий. Так что не стоит меня слишком рьяно вносить в число хороших людей.

– Пусть так, – покладисто согласилась Мира и сморщила нос. – Только ты все равно не плохой. Можно, я приду вечером и поговорю с тобой? Я люблю слушать о чужих краях. Гости Амира добрые, и обычно что-нибудь рассказывают мне. А ты, пожалуй, много должен знать. Раз живешь долго.

– Приходи.

Она снова заулыбалась и погладила коней, послушно замерших по бокам. Вороной – под правой рукой, его сын, густо-серый – под левой. И оба послушно пошли за ней, забыв думать о хозяине. Следом устало хромал соловый. Тоэль усмехнулся: надо же, и впрямь как зрячая, не спотыкается и не шарит руками в воздухе. А уж кроткий Актан, следующий за чужим человеком, – вообще зрелище невозможное. Вороной своим нравом доводил конюхов всего света. Он кусался, лягался, брыкался, развязывал и раскусывал узлы, грыз попоны, открывал запоры загонов, чтобы увести на прогулку чужих кобылиц. Впрочем, хозяйева кобылиц чуть в обморок от счастья не падали. Как-то раз ему пригнали на следующий день две дюжины молоденьких золотистых лошадок, отобрав лучших со всей округи, стоило вороному выгулять одну рыженькую. Тоэль наблюдал зрелище из окна своей комнаты на втором этаже. Вороной требовательно вскинул сухую горбоносую голову: «Хозяин, мы ведь никуда не спешим?» И они задержались на пару дней...

Хулиган и забияка, убежденный в своей безнаказанности и уникальности. И правда – ему все прощалось. Не потому, что оценен дороже своего веса в золоте. Род Иттэ племенных коней не продает, только отдает на время друзьям. Лучшие гриддские скакуны – не слуги, а побратимы. Актам безмерно верен другу и пойдет с ним в мертвую пустыню и в безнадежный бой. Может ли в таком случае считаться большой бедой испорченная попона или покусанная рука недостаточно восторженного и внимательного конюха? Нет, конечно.

А вот одно касание тоненькой ладошки слепой Миры ему показалось достаточным признанием собственной уникальности. Столько интересного и необычного Тоэль от каравана никак не ожидал. Хороший вечер, обещающий если не радость, то уж покой и отдых. На земле вообще мало радости. Но уже скоро семь веков, как он прикован к ней, бескрылый и одинокий. Всегда одинокий, а с тех пор, как ушел из гор – вдвойне. Небо больше не желает принимать его.

Тоэль глянул с застарелой тоской в темнеющий свод, уже без признака ржавых облаков, с разгорающимися кострами далеких звезд. Поежилась: и даже глаза звезд с некоторых пор холодно, насмешливо и отчужденно взирают на него. Вздохнув, повернулся к маякам Вселенной спиной и шагнул под полог шатра дабби.

Чуть улыбнулся.

Его принимали как очень дорогого гостя. На ковре из того самого юктасского шелка, что он вспоминал по пути. С золотой вышивкой, сделанной руками лучших мастеров, и горами подушек. И тут же, на подносах и в сосудах – фрукты, редкое вино далекого западного Римаса, сыры, которые почти невозможно сохранить в пустыне от высыхания. Орехи, мед, курага, дыни...

– У тебя удивительная память на мои странноватые вкусы, уважаемый Амир.

– Дед говорил, ты не слишком жалуешь мясо. Зря, есть ягнятина и она хороша. Как и конина, увы, вполне свежая. Недавно я покупал страже пару молодых жеребцов, и совсем не на мясо. Хорошо хоть, у разбойников кони неплохи, мы отловили всех, что остались без седоков... Я бы себе не отказал в ребрышках или побаловался вырезкой. Не возражаешь?

– Отчего же.

– Отменно. – Амир щелкнул пальцами, кивнул расторопному повару, мелькнувшему у порога. – И к делу. Не люблю портить пищу недосказанностью, хотя многие считают это торопливым и невежливым способом ведения дел. Что я должен тебе за свою жизнь и жизни своих людей? Не скрою, я ими дорожу. И отдаю себе отчет: если бы не ты, мы бы до последнего человека сегодня остались в этой долине, вот только и без шатров и навсегда. Сзади был второй отряд, мне уже сообщили. Они ушли без боя, услышав твое имя. Шесть десятков бойцов.

– За испуг суеверных бестолковых дураков и десятков-другой стрел? Прямо и не знаю. Вот разве – послушай мои глупости. Давно ни с кем толком не говорил, а ты вроде умеешь слушать.

Амир согласно кивнул и откупорил вино. Тоэль принял бокал и задумчиво прищурился, пробуя напиток и размышляя. Обычно его звали и угощали после боя. Но почти никогда не признавали истинного вклада в дело – слишком дорого, лучше уж повздыхать, пожаловаться на скудость средств. А то и сообщить решительно, что без его услуг все обошлось бы вполне удачно, вот и ехал бы дальше стороной. Потом «хитрецы» догадывались почти снисходительно предложить деньги за обучение стражи и выставить условие: раз хочешь золота, дойди с караваном до самого западного торгового пункта, там и рассчитаемся. А коли случится большой барыш, то и с премией... Разговоры, не просто портящие аппетит, но оставляющие стойкое желание свернуть шею богатому и шельмоватому прохвосту, непонятно зачем еще живому благодаря случайной помощи.

Все сегодня идет необычно. Стандартное продолжение нудного торгового распроса типа: «Как вообще можно выцелить наверняка разбойника в гуще схватки?». Он и их ждал уже

привычно. Когда кипит ближний бой, обычные лучники бесполезны: надо знать точно, где окажется выбранная шея, и когда откроется щель в доспехе за пару-тройку мгновений до этого момента, короткого и непредсказуемого. Он, спускаясь с холма, не ошибся все семнадцать раз. Столько стрел поднять в полет за короткие секунды – это тоже может он один. И лук такой дальноточности, пожалуй, тоже один. Потому и помнят имя до сих пор, в нем слишком большой страх. И понимание того, насколько же он – не человек.

Караван «Золотого змея» Омара Багдэша шесть десятков лет назад Кэбир охранял в этих же землях. Старик умел спиной чувствовать беду и знал точно, что его удача застит свет слишком многим. Он нанял обладателя черного меча, не торгуясь. Честно сообщил, зачем: его хотят убить и лишиться всего достоинства. Точно так же, без возражений, Омар купил все затребованное и уговорился об оплате с воинами, выбранными новым охранником.

И не пожалел о своей щедрости. Их ждали в двух переходах к востоку от этой долины. Без малого три сотни воинов: старший Багдэш вез не только пряности, но и бесценные рубины горного Тигара, алмазы и шпинель из Шорха, жемчуг южного океана, огромный, как птичьи яйца, и цветной – розовый, черный, лиловый.

Помимо упомянутого еще он продал в степях илла две сотни коней, чьи седоки так и не добрались до содержимого добротного упакованных тюков. «Золотой змей» оглаживал свою рыжую бороду, выкрашенную хной, и блестел совсем не старческими крепкими белыми зубами, хищно улыбаясь барышу и посрамлению врагов. Он отдал половину денег, вырученных за коней, Кэбиру, хотя это и было сверх прежней договоренности. «Их тоже оказалось больше, чем я ожидал, но ты сохранил мою потрепанную годами жизнь», – пояснил купец. И получил меч Кэбира – чтобы жизнь и дальше была под надежной охраной...

– Мира еще не просила тебя поговорить с ней? – Амир снова задал неожиданный вопрос.

– Уже.

– Может, позвать? Девочка умеет слушать. И, я вижу, ты сразу разглядел, сколь ласково светит наше слепое солнышко. Я пошлю за ней?

– Да. Это даже правильно. И расскажи пока, где ты ее нашел? По лицу и прочему – она северянка, из предгорий к западу от Серебряной степи.

– Из рода арагов, что живет у кромки ковыльных равнин. Отсюда – твоему Актаму поболее месяца скакать, сперва на запад, а потом к северу. Я вел тогда караван именно на север, за перевал. У бороев и вендов осенью можно славно расторгнуться пушниной. Далековато, но иногда хожу из забавы, ведь скучно не менять маршрут. Кстати, ты меня навел на удачную мысль. Знаю, чем отплатить за «десяток стрел». Но – позже. Мира жила на постоялом дворе небольшой деревни. Из дома ее отец выгнал, говорил – неродная, подкидыш демонов, грех матери... Вообще-то ее правильное имя – Миратэя, но оно сложновато для моих людей, чужое слишком.

– Как ты решился принять в караван ребенка?

– Я расспросил хозяина корчмы, когда она пришла за местом в караване. Даже ходил в ее родной дом и поглядел на отца. Он гнусный человек, и к тому же свел жену в могилу. Это был редкий для племени арагов союз по решению старейшин. Мать Миры рано осиротела и нуждалась в крепком плече. Так говорили. Могу лишь добавить, что южные араги общаются и рождаются с илла, а степняки некоторых родов женщин ценят куда ниже хороших коней... У матери Миры было много земель под пахоту, скот, добротный дом и, увы, никакой родни. Вот имуществом и распорядились, отдав ее в жены младшему сыну старосты. Оспорить решение оказалось некому. Бил он жену. Видно, тем и ребенка еще в чреве так тяжело покалечил. Весь достаток отошел к его новой семье. Девочку кормили от случая к случаю чужие люди. Я долго думал, всю ночь.

– Обуза.

– Да что за место для шестилетней девочки – караван? Потом решил: лучше, чем постоянный двор. К тому еще – мое имя Амир, а ее – Мира. Вроде, почти такое же, как указание. Я не стал спорить с судьбой и не пожалел. Не обуза. Она – наша радость, Тоэль. Хоть и слепая, а светит солнышком и глядит в душу. Потому и зову ее слушать тебя. От меня меньше проку. Вот моя главная польза: мы шли в тот год на север и миновали перевал Семи ветров. Оттуда тропа спускается в земли народа бороев. Красиво у них, хоть и чуждо: леса высоки, в озера дожди намывают синь неба, а зимы люто-белые от снега и стужи. Я застрял на три с лишним месяца в обратном пути, насмотрелся. Жил под самым перевалом, в малом селении со смешным именем Брусничанка. У них имеется кузнец по прозвищу Старый медведь.

– Ты все про меня знаешь. Точно! – впервые улыбнулся гость не хмуро и без усмешки. – Я и правда ищу мастеров по оружию. Необычных.

– Он не слишком стар, вопреки имени. Зато ворчливый и упрямый. Хуже, да простят меня Боги, самого гнусного и упертого барана. Я хотел сторговать пару мечей, но старик их совсем не продает. Говорит, живые. Я сперва не поверил, но он показал. Это то, что ты ищешь. Твой клинок, подаренный моему предку, бесподобен. И он, уж прости, много хуже самого негодящего из кузни Медведя.

– Учту. И – верю, я свои возможности как оружейника знаю, и ведаю их предел.

– Он не отдал мне ни золотника металла. А вот Мире всучил чуть не силой нож. Тонкий, лекарский. Посмотри. Она с вещицей не растается. Кстати, вот и наше солнышко.

Мира успела переодеться в чистое и умыться, привести в порядок волосы. Кивнула вежливо, ловко нашла руку Амира и уселась на указанное место. Сухие крепкие пальцы осторожно пробежали над блюдами. Тоэль за это время более пристально рассмотрел девочку. Видимо, действительно ей досталось еще до рождения. Словно ее лепили вполне толковые Боги, но потом бросили свое дело на середине, отвлеченные чем-то более важным. Ноги получились вполне удачно – стройные и сильные. Стан крепкий и гибкий. А вот выше... Неровные плечи, кривоватая посадка головы и несколько сутулая осанка. Лицо слишком длинное и узкое, приметно неправильное.

Зато душу непутевые Боги вложить успели, и очень яркую. Амир прав – рядом с девочкой сидеть приятно и тепло. Необычное ощущение! Словно она и не чужая вовсе, впервые и мельком примеченная сегодня. Видно – в караване ее любят и ценят. Одевают в лучшее, опекают. Потакают. Кому еще из женщин позволили бы ходить так, простоволосой, с двумя тощими короткими косицами, сплетенными по обычаю севера? А ей и это можно. Прощается даже нелепая челка, кривоватая, длинная, падающая на пустые глаза.

Амир с притворной сердитостью дернул именно за челку.

– Сколько тебе говорить – обгоришь! У тебя кожа к пустынному солнцу не приспособлена. И заморских нелепых шляп из соломки накупили. И женских покровов шелковых, тонких и красивых, а ты опять за свое.

– Я же говорила, они шумят, и мне плохо слышно, – привычно дернула головой Мира, отставив челку. – А без слуха я вдвое хуже понимаю окружающее. Амир, можно мне сыр?

– Да. Сейчас.

Странный караван: сам дабби усердно накладывает лакомства для приبلудной безродной девочки. Такого не доводилось еще видеть ни разу. Тоэль устроился поудобнее, подпихнул под спину несколько подушек, придвинул блюдо с курагой, выбрал лепешку. Плеснул еще вина в тонкое чеканное серебро бокала.

Почему он вдруг решил поговорить с этими людьми, незнакомыми и совершенно случайными в его жизни? Может, просто устал молчать. Или собственные мысли его не устраивают

более как самые правильные. А еще наверняка дело в том, что караван – что правда, то правда – слишком мало похож на многие и многие иные, с которыми ему приходилось странствовать.

Лет сто десять назад, покинув родичей, он спустился с гор в долины. И насмотрелся на людей, которых сперва счел очень интересными. А потом обнаружил, как часто, увы, они оказываются внутри не настолько хороши, как с виду. И как легко сталь их мужества и чести ржавеет с годами.

Айри легко научился бою, сделался отменным оружейником, охотно бродил по свету, нанимаясь в охрану караванов, или подолгу оставался в одном месте, изучая города и поселения. Чего он хотел достичь в странствиях, что искал? Оказывается, ответ неизвестен ему самому.

– Тоэль, ты мне обещал рассказать про чужие края, – напомнила девочка. – И про себя расскажи. Пожалуйста.

– Расскажу, и с самого начала. Шестьсот семьдесят три года назад я спустился в мир. Ты слышала сказку про драконов, хоть одну?

– Много! – обрадовалась Мира. – В одних это добрые летучие волшебники, а в других – злые похитители несметных сокровищ. Они даже поедают маленьких девочек.

– Я был драконом до того, как пришел в мир. Не добрым и не злым. Это как раз сказки, что драконы интересуются людьми. Живущие внизу крылатым безразличны. Быть драконом... Да как это описать-то? Амир, представь себе, что ты выпил три бокала отличного вина, получил лучшего в мире коня и скачешь через весеннюю степь к своей невесте, прекраснейшей из всех девушек и самой желанной. Душа поет, день ярок и полон красок, ты глядишь на него на всем скаку и вдыхаешь радость...

– Неплохо, – улыбнулся Амир. – Почему же ты спустился вниз? Это было неизбежно?

– Нет. Просто век за веком летишь, и мир несется навстречу, такой огромный и удивительный, что однажды приходит желание его рассмотреть в деталях. Раз он прекрасен, то вблизи должен быть еще лучше! Я спустился, изменился внешне и внутренне. А он погас – вся радость, все краски, все опьянение жизнью пошли на убыль. Драконы – они, в общем-то, дети. Я, увы, вырос и совершенно не знаю, что должен делать и чем жить теперь. Шесть веков без малого я провел в поселении себе подобных. Мы очень умны, знаем тайны строения мира, накопили большой опыт в его изучении. Я тоже изучал мир, был даже признан одним из гениев, гордился этим. Я создал возможность для нас летать без крыльев на кораблях. Даже отправиться к звездам. А потом понял, что прочие не хотят знаний и лишены любопытства. Они спустились сюда по иным причинам. Быть высшими, окруженными поклонением. Владеть миром. Познать покой. И я уничтожил созданное. Ушел из горного селения. Для моих родичей опасно владеть слишком многим.

Тоэль смолк и задумался. Тонкая ладошка Миры нащупала его руку и погладила ее. Так мягко, бережно. Наверное, как при уходе за больными, – отметил Тоэль. И – нелепое дело – он ощутил облегчение. Оказывается, иногда приятно получать искреннее сочувствие. Столь редкое и среди людей, и в обществе айри.

– Ты теперь совсем не умеешь летать? – расстроилась Мира. – Как же тебе помочь-то? Нельзя ведь так, ты весь разбитый. Я чувствую. У тебя душа болит. Плохая болезнь, сложная и запущенная. Трудно лечить. Прямо не ведаю, как взяться...

Она задумалась так серьезно и грустно, что Тоэль смутился. Дожили! Дети в караване берутся спасать демона Кэбира от душевной боли. Куда катится мир? Айри глянул на дабби и усмехнулся. Амир наблюдал происходящее с живой веселостью во взоре. Кажется, он не

первый гость богатого шатра, растерявшийся до немоты от слов и действия маленькой слепой арагни.

Тоэль вздохнул и взялся за вовсе уж непривычное: стал оправдываться и успокаивать себя и лекарку.

– Я могу летать на кораблях. Малые и теперь на службе у моих родичей. Но в этом нет больше радости, как нет смысла в моей взрослой жизни. Не ведаю, что я искал внизу и почему теперь говорю о себе. И я рад, что не ошибся в вас – вы мне верите.

– Полагаю, ты изучил все глупости людей по теме смысла жизни, – кивнул Амир. – То, что зовется «философия». И загружает мыслями мозг, не давая, опять же, ни ответа, ни радости.

– Именно. Я не столько хочу понять смысл, сколько найти его в себе. Внутри, дающий силу и стремление развиваться. И направление, само собой. К тому же вы проживаете одну короткую жизнь и совсем иначе. Вы можете найти себя в детях, в продолжении рода, в обретении славы, богатства, власти. Мне это не подходит. Я попробовал деньги – и нашел это скучным. Власть мне стала противна еще в горах, это самое окончательное одиночество из всех возможных. Слава? В какой-то мере до сих пор не избавлен от нее. Каюсь, не научился ценить жизнь людей в должной, как у вас считается, мере. Зато я умею убивать. Это удручающе легко, я слишком быстр, силен и опытен. Я – Кэбир, Ладимэ, Карадос, демон Ригт и так далее. Тот еще набор – то Черный меч, то Черный человек, то Демон полуночи... Можно подумать, я выкосил целые города.

– Неправда! – возмутилась Мира.

– О, я так не думаю, – согласился с ней Амир. – Я видел, как бежали от тебя. Но, не стоит скромничать, ты мог бы выкосить целые города. Слава Богам, ты сменил имя и не стремишься к этому.

– Тоэль – мое настоящее имя на сегодня. Имена айри (таково название рода бескрылых драконов) меняются и растут вместе с нами. Я был Ай, когда спустился – любопытный юнец, желающий знать все. Потом я стал Аэр, – создатель нового знания о мире. Затем – Аэрто, воплотивший знание в новое мастерство, возродивший для нас полет. Потом я ушел из рода и был никем. Осознав, что ищу чего-то иного, я уже Тоэль – ищущий новое место в мире.

– А твои мечи?

– Я высоко оценил мастерство воина и неплохо овладел боем. Меч – душа воина. Так говорил мой лучший учитель. Еще он говорил, что я не стою звания воина, поскольку моя душа пока не наполнена, а сталь в руке безразлична к делу. Я решил поработать с оружием. Сплавы – моя слабость еще в мире айри, и я в них неплохо разбираюсь. Для существа с пустой душой, само собой. Может, здесь мне и надо искать себя?

– Странные слова, – задумчиво вздохнула Мира. – Ты просто очень несчастный и совсем один. Тебе, наверное, не везет. На встречи, на людей, на обстоятельства. Вот я – другое дело, я очень счастливая.

– Ты? – Тоэль удивленно окинул взглядом кривоватую нескладную фигурку слепой.

– Да. Я могла вообще не родиться, но я родилась и выжила. Меня приняли в том постоялом дворе, кормили и не обижали. Мне повезло встретить Амира, и я живу в караване совершенно на равных со всеми. Ты подрос, когда у нас не было уже шанса выжить. Никто из людей дабби не погиб сегодня. Раны есть, и тяжелые, три коня умерли сразу, семерых пришлось добить. Еще потеряны пять верблюдов. Но мы уцелели. Я ужас какая везучая.

– Точно, – сердито кивнул Амир. – Когда передовых верблюдов и коней охраны расстреляли, сея панику, эта ящерица выскользнула невесть откуда и принялась успокаивать уцелевших. Ее слушаются все животные, даже полумертвые от боли и страха. Только поэтому нас не смяли в первые мгновения. Под копытами выжила и мне удачно под руку попала. Везучая!

– Может, и так. Я не пробовал смотреть с этой стороны, – виновато вздохнул гость. – И что ты думаешь про меня еще, ящерица?

– Я ничего не понимаю в оружии. Но если ты хочешь его изучать, иди к Старому медведю. Он мне подарил нож. И у этого ножа есть душа, я знаю. Возьми, глянь.

Она доверчиво протянула ему свое сокровище. Как другу – рукоятью вперед. Тоэль принял нож в раскрытые ладони и долго рассматривал сизое лезвие в сложном плетении узора, трогал кончиками пальцев. Щелкнул по кромке ногтем и, нагнув голову, шурясь, вслушивался в звон на грани восприятия. Кивнул, бережно вернул нож владелице.

– Да, я так не умею. И я ему не слишком по нраву. Нож создан для лечения. А у меня рука воина. Выходит, не надо мне идти через пустыню на восток. Актам будет доволен, он куда больше любит степь.

– Ты можешь с нами пойти пока, мы на запад двигаемся, – обрадовалась Мира. – Недолго. Я хочу послушать про горы и полет. Ты даже должен!

– Арагни все упрямы и своевольны. Даже маленькие, – рассмеялся Амир. – В их укладе женщина практически равна в праве мужчине. По ту сторону пустыни моим людям из охраны приходится сопровождать Миру в городах. Она порой такое говорит – местные за ножи хватаются.

– Настоящая дочь арагов, – развеселился и Тоэль. – Мой конь куда быстрее каравана в движении. Но я останусь на пару дней, раз задолжал Миратэе. Я ведь так и не выбрал имя для сына Актама. Нельзя оставлять его безымянным! Иди и отдохай, упрямая. Завтра я буду целый день говорить все, что ты пожелаешь узнать, пока язык не отсохнет.

– Я услышала тебя, – довольно кивнула Мира и поднялась. – Уж не отвертись, так и знай. Добрых снов и спокойной ночи, тебе, дабби, и тебе, гость.

Она ушла.

Амир усмехнулся, провожая девочку взглядом. Потянулся к кувшину с вином, налил гостю и себе. Попробовал, остался доволен. Щелкнул пальцами и кивнул повару, по-прежнему возникающему у порога по первому звуку, мгновенно. Какой же ужин без хорошего чая? У него есть красный и черный, зеленый и золотой, серебряный из высокогорья – только выбирай. И со степными травами есть, конечно.

– Я слышал, живут в мире людей лекари, которым нет равных, – нахмурился Тоэль. – У них дар помогать другим.

– Да. Ты о видях, именуемых также снавями и Говорящими с миром. О тех, кого зовут при тяжелой засухе или моровом поветрии. Я искал их помощи для Миры. Давно, еще в степи на севере, когда лишь принял ее в караван. Близ перевала Семи ветров жила одна. Старая, ворчливая и очень талантливая. Я показывал ей девочку.

– И что? Говорят, они поднимают безнадежных.

– Ничего. Если бы девочка была раньше зрячей и утратила эту способность потом, все бы оказалось поправимо. Но она не знает иного мира, кроме такого, без способности видеть. Она не страдает по *нейтраченному* и не стремится его обрести. Так мне было сказано. Я спорил, нас выгнали. Старая карга! Сказала еще, что у самой Миры возможен при взрослении дар сnavи, оттого к ней люди и тянутся, тепло созная. Но слепые его не могут получить, для них обычно дорога в междумирье закрыта.

– Может, она выжила из ума? – С сомнением предположил Тоэль.

– Мне нравится так думать. Если представится случай, я спрошу у другой. Иди и отдыхай, гость. Завтра тебя ждет трудный день. Мира любопытна и въедлива, а ты дал ей обещание слишком неосмотрительно.

– Пусть. С ней легко, я давно так не отдыхал. Спасибо тебе за заботу и пищу. И за внимание.

Айри вышел из шатра и двинулся к своему месту ночлега, провожаемый одним из слуг дабби. Усмехнулся, глядя вперед – он ожидал подобного. Неугомонная Мира сидела возле шатра. Ждала. И сообщила очень серьезно, что полночь миновала, а этот день, согласно обещанию, целиком принадлежит ей. Тоэль вздохнул, усаживаясь рядом и накрывая плечи девочки теплым плащом. Айри спят мало, и ему для отдыха ночь длинна. Почему бы не уделить часть девочке? Та довольно зарылась в ткань, завозилась, устраиваясь надолго. И потребовала рассказать про горы.

Он долго молчал. Потом с сомнением глянул на малышку.

– Говорят, у тебя мог бы быть дар.

– Вроде. А что с того?

– Айри умеют открывать сознание тем, кто способен его читать. Я давно не пробовал и почти забыл, как это бывает, не с кем делиться. Дай руки. Глупо говорить – закрой глаза... но тогда – отстранись от себя и двигайся сознанием в мою сторону. Что я творю, о Великий!

– Так?

– Вроде... и у тебя точно есть дар, малыш. Я попробую думать про полет дракона.

И он попробовал.

Забывшее и яркое, наполняющее сердце болью невосполнимого и навсегда ушедшего. Он давно не решался вспоминать, как некогда летал. Дракон из прошлого был огромен и сиял закатной бронзой, переливался радугами в каждой крохотной чешуйке. Его крылья легко раскрывались, обнимая мир. И складывались, ввинчивая тело в вертикальное падение с высоты самых недостижимых облаков – через быющий крупными хрустальными осколками поверхности грохот – в темнеющую глубину океана, а потом – пещерами – в горы – и снова к небу.

Мира сидела рядом и дышала все чаще, потом она вскрикнула и обхватила руками голову, сворачиваясь в комок боли. Тоэль охнул и открыл глаза. Доигрался!

– Нет, ничего, все нормально. Я в порядке, – совсем тихо зашептала девочка. Почти виновато, явно боясь напугать его и лишиться чуда. – Еще! Я буду осторожнее. Пожалуйста!

– Что вообще случилось?

– Ты не заметил? Я видела. Одно большое замершее мгновение – видела. Не знаю, что это было, меня ударила боль. Потому что мне нечем смотреть, я не привыкла. Но это надо повторить. Очень надо. Мне больше никто не сможет так показать.

– Ладно. А я не испорчу тебе жизнь? Послезавтра я уеду, насовсем. И показывать станет некому.

– Ничего, я и так отлично различаю мир. Хочешь посмотреть?

Он пожал плечами и кивнул, не задумываясь, может ли она видеть его движение. Но она поняла согласие. Перехватила руки айри и, вздохнув, стала думать для него, как недавно он – для нее.

Это оказалось странно. В сознании Миры не копился тягучий мрак слепоты. Там жили объемные звуки и запахи, ощущения ветра на коже, оттенки чужих сознаний. И там оказалось тепло и ясно. Тоэль виновато усмехнулся – кто из них двоих слепой? Он, видящий мир зре-

нием айри, куда более острым, чем человеческое, или девочка, чья безглазая Вселенная полна радости и доброты?

– Давай я буду думать то же самое, что в прошлый раз, и ты мне дашь знать, когда мы станем *смотреть вдвоем*. Идет?

– Идет, – серьезно кивнула она.

И снова дракон цвета бронзы взлетел и, достигнув облаков, стал складывать крылья, победно обвел взглядом синь небес, темнеющую вверху и проступающую звездами...

– Вот это, – уверенно сказала она. – Я его знаю и теперь – вижу. Большое. Теплое, живое, пушистое. Как оно неукротимо и ласково... Молчи, я смотрю. Не мешай. Я уже поняла, что едва ли смогу различить так легко остальное. У прочего есть непонятное мне – цвет, оттенок, блеск или матовость. А оно ослепительно и потому мне подходит. Я всегда его хотела узнать – солнце. Спасибо.

– Не за что, – тяжело выдохнул Тоэль, моргая почти слепыми глазами, словно и правда минут пять глядел без отрыва на полуденное светило. – Мне тоже было интересно. Я его таким и не помнил. Так что – тебе спасибо. Иди спать.

– И пойду. Но с утра... берегись, гость, – рассмеялась она и, сбросив плащ, убежала в ночь. Уверенно, и по-прежнему не спотыкаясь и не обшаривая руками воздух.

В шатре было уютно, ему предложили все лучшее – мягкую постель, простор, уединение. За тонкими пологам стен ворочался во сне караван. И маленькая слепая девочка Мира все возилась с ранеными людьми и животными. Интересно, она что, вообще не спит? А ведь никто не принуждает, наоборот – гонят и требуют отдыхать. Может, ему и правда не везло прежде на людей и встречи? Или он не желал смотреть и даже не слушал своих умных коней, которые могли бы выбрать нужную дорогу?

Завтра будет еще один хороший день. На редкость хороший.

Его разбудил до рассвета человек дабби и пригласил на утренний чай. Тоэль рассмеялся – остаться в караване и неспешно идти с ним хоть несколько дней хотелось все сильнее. Чай дабби, достойный княжеского стола, – еще один к тому повод.

Амир ждал его. Наполнил пиалу и с поклоном подал, чуть излишне церемонно, поблескивая веселыми внимательными глазами. Широким жестом предложил завтрак с расставленных на знакомом юктасском шелке блюд.

– Ты чуть не лишил меня сна, бывший дракон, – пожаловался он капризно. – Я все думал – каково это, жить век за веком и не знать смысла в своем бесконечном пути по миру. Без близких, без рода и без спутников. Наши представления о смысле жизни, и правда, для тебя не особенно подходят. Даже наша вера, говорящая о воздаянии и наградах. Сколько можно ждать того, что за гранью безмерно долгой жизни? Но я кое-что надумал и потому выпался вполне удачно.

– Рад за тебя.

– Я знал многих, кто стремился к власти, золоту и славе. Ты не сильно на них похож, но дело не в том. Цель сама по себе обычно со временем становится не более значима, чем путь до нее. А часто – куда менее этого пути желанна и важна. И путь меняет людей много сильнее, чем цель. Одни готовы для нее предать и растоптать святое, другие откажутся от достижения заветного ради спасения друга или рода. Вот я и подумал: мы еще детьми придумываем цель, часто ложную и бессмысленную. А потом путь создает нас, таких, какие мы есть. Потому что в каждую минуту мы его выбираем и становимся чуть иными. Более взрослыми.

– Интересная идея. Мой путь уже довольно долог, но я пока не сознаю себя взрослым.

– Но ты делаешь то же, что делаем мы. Отказался от рода и уважения, даже от полета, ради покоя совершенно незнакомых тебе людей, кому могли повредить неведомые мне летучие корабли. Выбрал новую цель и идешь к ней. Вот хотя бы к мастерству оружейника. И путь меняет тебя: во времена моего деда ты бы не поднялся на гребень холма, этот бой не оплачен, он тебе ничего не обещал в приросте славы или опыта. А еще тебя в прежние времена могли нанять наши убийцы, будь у них довольно золота.

– Не знаю. Я никогда не любил слепой найм и учитывал не только цену, но свое отношение к нанимателю. Хотя, если разобраться, к купцам я не сильно расположен, при должном обхождении и лет шестьдесят назад... Все могло быть, ты прав.

– Ты вчера не знал нас, не знал Миру. С гребня холма это был всего лишь караван, каких много. Чужой и вполне безразличный, – вздохнул Амир. – Ты мог развернуть коня и уйти, но не сделал этого.

– Конь не захотел, – признался Тоэль чуть ворчливо. – Благодарю Актама, он умнее меня. Гораздо.

– Путь выбирает всадник, и коня – тоже. Ты меняешься, Тоэль. Все, что я могу тебе посоветовать из опыта своей недолгой жизни, – пусть и впредь цель не кажется важнее дороги к ней. Смотри по сторонам и не упускай случайных, вроде бы, встреч. И еще я хочу тебя попросить об услуге и готов ее оплатить, если укажешь цену. Не теперь, а когда и если она возникнет.

– Вот как?

– Да. Это странная услуга. Если Мира выскажет тебе просьбу тихо и без обычного своего веселого упрямства, исполни ее. Я все оплачу – и время, и усилия. В девочке – сердце каравана и его удача, я знаю. Мы не потеряли ни одного человека за прошедшие годы и даже ни разу не торговали с малой прибылью. Мы угодили в песчаный ураган, утратили тропу – и все же выжили. Она, представь себе, поладила с диким темнокожим племенем рихлонов, которое обычно убивает караваны, случайно зашедшие на его земли. Там, далеко на юге, за пустынями Обикат.

– В чем твой интерес в деле, пусть она и хороший человек? – Удивился айри. – Ты наверняка скоро отдашь караван детям, и тогда многое переменится. Пусть они думают о дальних и странных просьбах, цена и срок которым неизвестны.

– Я последний Багдэш, водящий караваны, – хмуро вздохнул Амир. – У меня четверо сыновей, они выбрали себе иные пути в жизни, не стали дабби, и я не спорил. Думал, внуки или поздние дети... Но внуки мне оказались чужими, хоть они еще малы. Наследники знатных и богатых родителей, слишком церемонные и зажатые в рамках традиций. И дорога не зовет их души. А поздние – одна дочь, и для нее мое ремесло не годится. Это тяжелая мужская работа.

– Она живет по ту сторону пустыни?

– Джамми Багдэш едва ли менее упряма и своевольна, чем Мира, – усмехнулся Амир. – Они внутренне схожи и охотно общаются. Эта несносная девица давно живет на берегу, в портовом городе у западного океана, его имя Кумат. Там у меня свой двор, лавки, склады и даже место в порту. К зиме увижу негодницу. Представь себе, она еще в детстве лупила старших братьев, а теперь имеет наглость без мужчин в доме торговать и вести дела. Даже в Кумате на это безобразие смотрят с укоризной, но там не Восток, и потому подобное допустимо. Она очень красивая и умеет ладить с нужными людьми, ее уважают. Я перестал водить караван на север: она берет товар дешевле и лучшего качества, у малышки связи. В неполных двадцать лет, куда катится мир...

– Не похоже, что ты расстроен, – рассмеялся Тоэль. – А твоя жена, если я не затрагиваю недопустимое?

– Хуже дочери, – гордо улыбнулся Амир. – Захра – дочь моего друга, он был неплохой купец, и имел неосторожность брать ее с собой еще ребенком в дорогу. У ее матери северная

кровь бороев. Я увез обеих десять лет назад с обжитого места, она не поладила с родичами по линии своего старшего брата. Дом оставил сыну. А мои женщины обжили новый. Приходится признать – их доход велик. Я даже не кормлю более семью, уважаемый гость. Если родня узнает, на мою голову падет позор.

– Не замечаю в голосе признаков раскаяния или беспокойства. Если не недостаток и не дела рода, то что иное заставляет тебя вести караван?

– Я люблю дорогу. У меня в караване достойные люди, они тоже любопытны и охотно протаптывают новые тропы. – Амир поднялся. – Ну что ж, нам пора, все шатры уже сложены, кроме этого. И кони заседланы. Тебя ждет трудный день, Мира уже зовет – слышишь?

Она не просто звала. Арагни сидела верхом на хромом жеребенке, укрыв его спину потником и овечьей шкурой, гордая и довольная собой сверх всякой меры. Серый нескладный недоросль, еще толком не сменивший клочковатый и пушистый детский ворс на атласный глянец шкуры взрослого коня, гордо выгибал шею и фыркал рядом с довольным Актамом. И почти не хромал. Тощий, голенастый, с еще не сформированной статью.

– Я полагал, этот жеребенок не заезжен, – брови Тоэля вновь взлетели, как вчера, при сообщении о том, что Мира не мальчик. – И безнадежно хром.

– Он умный, – вроде бы невпопад ответила Мира. – Я объяснила, что хочу покататься, и он согласился. Только уздечку не одобрил, кому железо во рту по душе? Обещал слушаться и так. И хромать он скоро окончательно перестанет, я же говорила. Ты его не отберешь у меня теперь, убедившись в этом?

– Нет. – Тоэль устроился в седле Актама, непривычно тихого и расположенного неспешно брести чуть в стороне от верблюдов.

– Тогда выполняй обещание. Расскажи про горы!

Айри вздохнул, глянул на серый сумрак запада впереди, еще не тронутый светом зари. Как говорить о горах для слепой? Совершенно слепой, никогда не ведавшей зрения. Рассказывать, что они синие далеко на горизонте, подобные облакам. А вблизи – могучие, несущие снеговые шапки, упирающиеся в фиолетовое небо высокогорья... Все будет звучать бессмыслицей! Но упрямая малышка ждала, и расстраивать ее, такую хрупкую, было совершенно невозможно.

Тоэль снова вздохнул, бросил повод на луку седла и закрыл глаза. Что в темноте осталось от гор? Многое. Айри стал негромко говорить, вслушиваясь в свою память.

Горы огромны. Западные, отделяющие долины приморья, где стоит Кумат и живет Джамы, тянутся сперва почти точно с севера на юг, и каравану потребовалось бы немало дней, чтобы пересечь занимаемое ими место и по равнине. А уж перевалами – год пробираться можно. Но чем жарче, тем дальше горы склоняются к западу. Словно их туда оттеснили ветры, бьющие век за веком в каменную грудь Драконьего кряжа, несущие в себе сухой жар Красной степи. Они как будто проплавили брешь в горной цепи, шириной в добрые пять десятков верст, и потому караван благополучно доберется к Джамы еще до начала глубокой осени. Попутные для каравана ветры, хотя это едва ли приятно, гонят пыль и песок. Они упорно дуют от внутреннего Золотого моря на запад все лето, а осенью приходит влажный холод с севера и поит степь.

Драконий кряж высок и могуч, он щитом заслоняет дорогу сухим колючим ветрам, сохраняя приморье зеленым, приятно теплым и плодородным. Сам же он широк и подобен смятому листу пергамента, есть высокие сгибы и глубокие изломы. Самые высокие острые складки – пики гор – холодны, там весь год лежит снег и оттуда бегут в долины звонкие быстрые ручьи и

реки. Они поют голосами весенних льдинок, разговаривают и смеются. А собравшись в потоки, более опасные, чем дикое стадо южных буйволов, режут и ворочают огромные валуны....

Тоэль говорил, впервые не ощущая в себе боли утраченных крыльев. Оказывается, он нашел внизу, на земле, немало хорошего, просто не думал об этом, привык видеть мир день за днем. А теперь, в темноте опущенных век, снова открывал его для себя – совершенно иначе. Потому что Мира умела слушать и понимать, и ее понимание наполняло рассказ красками, светом, теплом. А если бы девочка смогла видеть, как бы украсился мир тогда!

К полудню камень тропы прокалился, а затем солнышко середины лета выпарило из тела остатки влаги, голос окончательно охрип, сошел на сиплый шепот с частым кашлем, язык стал шершавым и сухим, горло мучительно саднило от пыли. Его спас Амир, объявивший привал на пару часов самого злого пекла. Опытный караванщик знал поблизости узкую лошину, дающую даже немного тени от крутого юго-западного склона, и свернул туда. Тоэля поили чаем с молоком и медом, сердито укоряя Миру за издевательство над дорогим гостем. Напрасно. Едва караван двинулся в путь, «издевательство» повторилось. Она хотела знать, что такое море...

Когда день угас, и шатры пестрыми ночными цветами украсили склон у первого ручья после пустыни, он рассказал девочке о небе. Он придумал, как ей объяснить, еще днем. Раз Мира смогла понять солнце, осилит и звезды.

– Они такие же, как наше солнышко, но очень далеко. Так далеко, что уже не греют и сами малы, как острие иглы, в них остался один тонкий луч. Их много, и между ними в ночи нет света, только пустота и тишина. Я буду смотреть, а ты попробуй тоже, вместе со мной. Ладно?

– Давай.

Они смотрели долго, у Тоэля заболели глаза – небывалое для выносливого айри дело. У Миры – голова. Но потом она, кажется, все же поняла и увидела. Не так, как он, зрячий, но – увидела. И ушла спать молча, задумчивая и очень довольная.

Чтобы утром бесцеремонно растолкать его и потребовать новый рассказ. Она хотела непременно знать, что такое полет. Тоэль истратил полдня и остатки голоса, но настоящего успеха не добился.

– Я понимаю, – Мира утешала его без особой радости в голосе. – Только горы я с тобой отчетливо видела, пальцами ощущала, слышала. И даже пила их воду. А вот полет едва понимаю, и то – лишь умом.

– Не думал, что он так трудно дастся нам.

– Это потому, что я вдруг очень захотела его испытать, – тяжело вздохнула Мира, совсем тихо и непривычно грустно. – Тебе больно было утратить полет, я сейчас осознала. В нем счастье, ты его лишился и потому стал грустным. Вчера я почти поняла полет, когда увидела солнышко. Почти. Ты завтра уедешь?

– Сегодня вечером. Актам устал от неспешности каравана, он любит бежать, обгоняя свою тень. А ночью хорошее время, нет жары.

– Ты к нам больше не заедешь?

– Не знаю. Может, поищу вас лет через пять, когда жеребенок станет настоящим скакуном. Ты уж сама выбери ему имя, ладно? Это ведь твой конь.

– Он у меня на воспитании, – серьезно возразила Мира. – Пока буду звать Норимом.

– Северным ветром? Почему северным?

– Он станет с годами совсем седым, как снег, мне рассказывал подробно о зиме Старый медведь, давно. Ты обязательно приезжай посмотреть, мы будем возле Золотого моря. Я уверена.

И он обещал.

Потом долго и для самого себя неожиданно тепло попрощался с Амиром, расспрашивая, как найти его милую и взбалмошную дочь Джами в городе Кумат, если придется. Да, пока его путь лежит на север, но потом – кто знает...

Он лгал. Боги! За все годы жизни в мире без крыльев – лгал едва ли не первый раз и не понимая толком, зачем. Мира просила объяснить и подарить полет. Это стало их тайной, не требующей оплаты или чужого участия. И у девочки будет полет, даже если для этого ему придется сражаться с Богами, в которых Тоэль не слишком верит. Век Миры короток, она ждать не может. А мечи – они железные и пока совершенно мертвые. Они подождут. И Старый медведь подождет, незнакомый северный мастер. Не последний же он в мире!

Очень давно айри слышал о птицах, огромных и могучих, живущих далеко за западным океаном. Если они существуют, то найдутся и согласятся поднять Миру в облака. Он станет настойчив. С точки зрения Тоэля, жизнь слепой девочки нельзя назвать счастьем и удачей, как бы она ни стремилась наполнить себя и даже весь караван радостью. Зато айри уже не решался говорить – «я несчастен и одинок». За два неполных дня гордые слова стали глупостью и неправдой.

Актам простился с сыном без огорчения, оставляя малыша в хороших руках. Вороной охотно обогнал караван и прибавил шаг на пустой тропе. День с его плавающим скалы жаром далек, ветер стих. Ночь пахнет прохладой, травами близкой степи. Можно бежать и радоваться приближению равнин, где звенит серебряный ковыль, журчат ручьи и бредут сытые разномастные табуны. А у самых западных гор, в селении Гриддэ, на берегу озера Дис, живет род Иттэ-Орт – древние друзья уже во многих поколениях. Почти кровная родня. Скорая встреча с ними наполняет бег смыслом. Лучшие гриддские кони уникальны во многом. Например, они владеют всеми аллюрами и выбирают безошибочно тот, что наиболее хорош к каждому случаю.

В дальнем забеге нет лучше иноходи, мягкой и экономной по силам, резвой и ровной по ходу. Актам стлался над равниной, неведомым людям чутьем ступая в темноте на надежные участки скалы, камня, песка, почвы и обходя ямы, трещины и осыпи. Он собирался бежать до заката следующего дня, это ему не трудно. Седок спешит и едва ли будет возражать, он не глуп и достоин понимания и дружбы. Он даже лучше людей рода Иттэ, едва не погубивших по ошибке любимого сына. Его сына, потомка вожака любого подходящего табуна. И если Черный человек спешит, вороной ему поможет изо всех сил, и даже сделает чуть больше. Он – лучший конь Гриддэ, и осенью напомним об этом всем конкурентам. Будь у них шкуры хоть трижды золотыми, они все останутся бродить в стороне от его кобылиц, залечивая раны.

Дарги Иттэ-Орт, его учитель и первый друг, не зря тренировал Актама для дальних забегов, приучал переносить жажду и скудный корм, к непосильным нагрузкам. Род Иттэ никогда не ставил своих коней на большую байгу – к чему портить праздник ста племенам, отбирая приз фактически без боя и соблазняя и без того усердных конокрадов? Скакуны родов илла могут смотреться мощнее, казаться резвее – на первый взгляд – и внушительнее. Но они – жалкие полукровки, впитавшие крохи гриддских линий, и не самые лучшие.

Актам способен победить на короткой дистанции. Он легок в маневре и хорош для конных игр. Он двигается мягко и экономно, гибко и низко стелется над поверхностью, не растрачивая впустую силы на глупые зрелищные «прыжки антилопы». Но он прыгуч, если надо. И с ним можно пробовать тягаться. Но до тех пор лишь, пока расстояние не перевалит за двойной дневной переход среднего степного коня, способный этого коня убить при предельной резвости. И всего лишь приятно прогнать мышцы Актама.

С малышом в поводу они шли до пустыни три с половиной месяца, с ранней весны. Обратно вернутся за один. Степь еще не пожелтеет от засухи, когда его накроет тень гор. Или он – не сокровище рода Иттэ и не стоит имени скакуна Гриддэ!

Двух с половиной десятков дней вполне хватило Тоэлю для того, чтобы толком разложить свои мысли по полочкам и выверить действия. В первую же ночь в караване его тоска и боль утраты крыльев слились в сознании с крохотной слепой девочкой, наивно доказывающей себе и миру, что она может быть счастлива и таковой. Еще до рождения изломанная, растоптанная и обреченная на одиночество и отчаяние.

Это его боль и память требовали полета голосом Миры. И у малышки будет полет.

Он понял это во вторую ночь. Мира в его сне обрела крылья и полетела, и тогда в его душу вернулась радость. Ненадолго, но было так хорошо и светло!

Он все уже распланировал. От Гриддэ до горного перевала его проводит сын Дарги, там айри оставит коня и пойдет в горы пешком. Заберет из своей ближней пещерки золото и камни, хоть какая-то польза выйдет из его нелепого и огромного богатства. Много возьмет, с хорошим запасом, для найма крепкого и быстрого корабля. А с выбором помогут Джамии и Захра, им можно рассказать все. Он почему-то уверен, поймут и помогут.

Видимо, пока он выполняет просьбу Миры, ее странная удачливость не оставит айри, он теперь точно знает, что и как следует делать. Впервые за жизнь внизу – знает! Ему повезло на случайную встречу, прав Амир: надо верить дороге.

Кумат встретил одинокого путника на наемном экипаже ранними в этом сезоне осенними дождями, зарядившими в середине августа. Стража ворот дремала, обсуждая торг, который начнется через пару месяцев или чуть позже. Все зависит от того, распогодится ли и доберутся ли с юга торговые галеры черных от огненного жара их родины корабелов Обикат. С севера тоже доносятся дурные вести: побережья северного Амита после затяжных дождей стали непроходимой топью. Как еще проберутся челны бороев из рода Куницы с пушницей, пенькой, медом и северными камнями. Опять же, хочется знать: придет ли с восхода караван «шелкового князя» – Багдэша. Мирно ли настроены жители Туннрэйз, владельцы гребных судов, смешно называемых северянами «ноффер». Без их груза – жира и шкур тюленя, северного костяного рога – ярмарка не та...

Особенно много сплетен накопилось про молодого правителя, объединившего три острова Архипелага под штандартом северного – Индуза. Вроде бы он окончательно разогнал обнаглевших пиратов и налаживает сообщение с островами, где добывают медь и синие сапфиры...

Тоэль почти силой впихнул лодырям плату за въезд в город и, едва сдерживая скорые на расправу руки, вытряс без серьезных травм сведения о расположении купеческого подворья Багдэш. Добрую госпожу Захру в городе знали и, что правда то правда, уважали.

В сумерках айри постучался в добротную дверь, окованную медью, и выслушал короткое, солидное и неоспоримое предложение быть вежливым гостем от серых северных волкодавов – неподкупных охранников этого богатого двора. Потом прошелестели шаги, звон и стук запоров прокатился и стих, дубовая дверь мягко подалась, выпуская на продуваемую ветром, неуютную и мокрую улицу теплый свет масляного фонаря.

Фонарь держала рука Джамии, он понял сразу. Отец не лукавил, называя ее красавицей. Невысокая, гибкая и легкая, с кожей золотистого оттенка и синими сапфирами глаз, крупными, яркими и глубокими, как озера в краю бороев. Она шагнула назад, давая пришедшему место под навесом и одновременно приглашая его в круг света. Пристально и без тени смущения вгляделась в лицо гостя. Кивнула и приветствовала незнакомца на языке княжества Карн, частью которого и является Кумат, – без малейшего акцента, словно здесь родилась. Вопросительно изогнула высокую темную бровь, ожидая объяснения позднего и неожиданного визита.

Тоэль улыбнулся: стоило раз удачно спуститься с холма, доверившись гневу Актама, – и его везение на встречи и людей стало исключительным. Эта девочка – как хороший клинок, в ней и на ноготь не найдется ржавчины порока и слабости. Странно лишь, что на ночь глядя

одета по-дорожному и невесть с чего ершиста. Так и колет взглядом, думая о своем и рассеянно кивая, резковато откликаясь.

– Я нуждаюсь в совете и помощи для того, чтобы выполнить запрошенное у меня Мирой, достойная госпожа Джами Багдэш, – не стал растягивать дело гость. – Твой отец любит решать важные вопросы еще до еды, я тоже тороплив.

– О, ловко ты напросился на ужин! – рассмеялась Джами. – Входи, гость, давно видел моих? Далеко?

– У кромки пекла Кэ-рабих, еще до излома лета.

– Ты стремителен, путник. А вот отец упрямее барана, да простят меня Боги! – рассердилась непочтительная дочь. – Его дважды пытались там грабить. Злое место и злое время. Ну чем ему плоха Красная степь или юг – дорога за Обикат, где Миру чтят как святую? Нет, опять пожелал проведать моих братьев и, уверена, у них были проблемы с деньгами. Не удивлюсь, если однажды они укажут кому не надо время и место для засады, чтобы решить свои бесконечные затруднения.

– Ты не любишь родню.

– А они не любят работать, – по-прежнему зло отрезала Джами. – Отец спит и видит, как передать лентяям караван, я ему не хороша! Вот если бы без гривы и с усами, то – да. А пока внуки – вся наша глупая надежда...

– Уже нет, так он сказал. И караван прошел в степь благополучно, упрямейшая и прекраснейшая из женщин Востока, осиротившая его своим отъездом.

– Я – только упрямейшая, – лукаво блеснула глазами Джами, с поклоном приглашая гостя из двора в дом и проводя коридорами. – Прекраснейшая – моя мама, сам увидишь. Она все еще на балу у городского головы, и эта нудная муть с политикой и денежными интересами под музыку затянется надолго. Там полезные люди, важные люди, лучшие люди города – вся дрянь, одним словом. Вот и сижу дома, чтобы не приставали. Надоели!

– Предлагают сердце в обмен на пополнение кошелька? А не слишком ли ты много гостю выболтала?

– Точно, предлагают. Навязывают! И я знаю, кому и что говорить, не ребенок. Если человек достаточно глуп, чтобы нестись через полмира ради желаний Миратэи, – можно в словах не стесняться. Она еще ни разу не ошибалась в людях. Есть пирог, сыр домашний и вино в погребах. Заказывай, что жарить: имеется неплохой окорок...

– Ничего не надо, а из вин – красное, сорта исбир дома Тэлия, выдержанное, если можно.

– Можно. – Она уже деловито выставяла все обещанное на стол. – Камин сам растопишь? Я пока – за вином. Есть пара кувшинов хороших лет. А в этом урожая не будет вовсе, одни дожди. У меня такой заказ срывается!

– Зато уксус выйдет неплохой, – утешил ее Тоэль. Смех раздался из коридора, легконогая Джами двигалась удивительно быстро: уже бежит с вином!

Они сели за стол лицом к лицу и принялись наперегонки уничтожать содержимое блюд. В медном чайнике уже закипала вода. Джами сердито отказала ему в чае – после дождя и сырости лучше кофе. Понятно, почему отец вывез ее сюда, – усмехнулся Тоэль. Девушка слишком уверена в себе и смотрит, не думая стыдливо опускать глаз. А спорит весело и решительно, отстаивая свое мнение вопреки воле незнакомого мужчины, принимая его к тому же в пустом доме без присмотра старших и слуг – мыслимое ли дело!

– Что за беда с Мирой? – вернула его синеглазая к основной теме вечера.

– Я рассказывал ей про полет, – виновато вздохнул Тоэль. – Она хочет летать.

– С скромное желание, – кивнула Джами без удивления. – Ты не мог рассказать ей про что-то более простое?

– Так получилось. Я слышал – далеко на западе, за океаном, живут птицы огня. Они огромны и способны поднять седока. Давно слышал, но уверен, не легенда. Вроде бы они служат Говорящим с миром того берега.

– Нужен корабль, – понатливо кивнула Джами. – Осень на носу, погода дрянная, и не знаю, кто согласится плыть в океан, невесть как долго и далеко. Разве что Риэл Тайрэ. Ему все равно, куда плыть, лишь бы подальше отсюда. Знаешь наши новости?

– Нет.

– Он – сын владетеля южного из островов Архипелага, Таира. У знати дело дошло до большой крови, когда род Бэнро решил объединить земли вне материка. Явились те самые – Говорящие с миром, хоть и без птиц, а добрались быстро. И всех хорошенько встряхнули, дурь из голов выветривая. Они умеют. Кому же хочется сидеть без помощи лекарей или вообще – под печатью голода. Думаю, из-за гнева снавей до сих пор и идут дожди, а уж что творилось месяц назад! Просто жуть. В общем, пинками собрали в кучу знать и велели решать миром, как дальше жить. Отец и дядя Риэла Таирского погибли еще до перемирия. А он ушел сам, добром отдал остров роду Бэнро, но не захотел жить там наместником. Кровь пролита и, хотя впрямую это не вина нового их правителя, такое забыть трудно, – вздохнула Джами и резко сменила тон. – Хочешь, оладушек испеку?

– Спасибо, сыт. Деньги у меня есть...

– Ха! Нужны ему твои деньги! – азартно стукнула ладонью по столу Джами. – Гулять так гулять, гость. Миратэя моя подруга. И коль ты взялся сдуру исполнять ее желание, как самый глупый сказочный дракон, польстившийся на белокурую княжну, мечтающую о луне с неба, признаешь и мое условие.

– Ну, если как дракон, – окончательно развеселился айри. – Чего желает от глупого ящера вторая, черноволосая, княжна?

– Я плыву с вами. Молчи, все сама объясню, – быстро добавила она. – Меня сватает сын головы. Их род знатен, но у младшего с деньгами все весьма неудачно. Если останусь в городе – нас с мамой сотрут в порошок или уговорят еще до листопада. Так что надевай свой мокрый плащ, я черкну Захре пару строк, и мы бегом отправимся в порт. Другие варианты не рассматриваются.

– А что скажет госпожа Багдэш?

– Что я несносная девчонка, и она сожалеет, но голова должен понять и разделить ее тревогу и скорбь, что ей дурно и надо послать за лекарем, что меня необходимо искать по всем дорогам... Что ей не жаль золота, и что отец, вернувшись, будет убит горем... – Джами весело блеснула глазами, закончив писать. Принесла из коридора готовый мешок с вещами. – И что я молодец. Ты удачно застал меня, гость. Не сегодня, так завтра точно сбегу. А морем надежнее, и вдвоем – веселее. Я толком этого князя Тайрэ не знаю и даже не видела вблизи. Но он несусветно древнего и знатного рода, желает покинуть порт и наверняка согласится выслушать глупости про твой обет и несбыточное желание больного убогого ребенка. Я могу и слезу пустить, мы же почти сестры! Ларитт! Где тебя, ленивого, бесы носят!

Прибежал чуть не оглохший от крика здоровенный мужичина, явно местный, рыжий, рослый и кудрявый. Рассмеялся густым басом – про подготовку тайного побега в доме, судя по всему, отлично знали. Бережно принял в свою лапищу записку, обстоятельно изучил и обещал к полуночи начать поиски, даже рыдать в голос и рвать бороду «аж до полного облысения». Потом пожелал Джами удачи и попросил гостя беречь девочку.

Тоэль кивнул, удивленно хмурясь: как ловко удача Миры впутала его в новую историю! Странную, но полезную. Хорошо ли отпускать маленькую упрямыцу в бега – одну? Она слыш-

ком красива и беззащитна, то есть уязвима вопреки своим сильному характеру и уму. Позарятся, станут донимать... Только не за спиной бывшего дракона, взявшегося вдруг спасать «принцесс». И ему уже почти нравится! Не скучно, а огонь бешеного характера Джамми изгоняет тоску о прошлом без следа.

Пока мысли айри бродили в туманной дали, девушка уже выволокла его за руку из дверей и потащила почти бегом по улице, нырнула в подворотню, стремительно и уверенно увлекла в грязные узкие ходы каменного, а потом и деревянного, лабиринта города. Спорый дождь заглушал шаги и смывал следы, разгонял путников и даже упихивал под навесы «пьянь и рвань», как охарактеризовала ночных бродяг Джамми.

К порту они вынырнули внезапно, сразу окунувшись в запахи подгнившего дерева, несвежей рыбы, отмокших шкур и мусора. По словам Джамми, именно здесь располагалась глухая и бедная часть пирсов, где швартуются случайные гости города. Следовательно их, беглецов, некому высматривать! – Такая вот оказалась опытная и предусмотрительная дочь у Амира, – хмыкнул про себя Тоэль.

Ему было приятно вновь увидеть океан и услышать его спокойное ночное дыхание. Очень давно он впервые взглянул на воду без берегов с мостика корабля и заболел ею.

«Морская болезнь» – это когда все, что волновало вчера, исчезает в дымке за кормой вместе с берегом. И люди на борту – лучшие в мире, надежные, родные. И шторм – личный вызов тебе, почти всемогущему в мире айри с их возможностями. Ничтожному и маленькому здесь, на утлом кораблике, бессильном одолеть гнев океана. Он хотел дать так много людям соленой воды, он так на них надеялся! Но увы. Внимательнее надо было всматриваться. В тот день мир повторно померк, а его одиночество казалось особенно непосильным. Давно, тому уже лет сто...

Легенда вторая. Морской демон Ладимэ

В далекие времена, когда деды наших дедов еще не сносили молочные зубы, а может, и того раньше, случилось это. Так давно, что главная мачта флагманского фрегата Его Могущества еще была молоденькой сосенкой, а вовсе не самой крупной корабельной, как надо для дела. И росла в далеких северных лесах, еще не ведая о своей высокой судьбе.

Он приплыл на Архипелаг на ладье северных диких мореходов с берега Туннрэйз. Сошел в порт и остался, потрясенный красотой карвелей Индуза. Князь милостиво и благосклонно принял чужака, назвавшегося именем Ладимэ. Из разговора стало понятно, сколь необычны и велики познания этого странного человека. И тогда род Атро предложил ему свои покровительство и полное содействие.

Ладимэ отдал верфь, все его заказы и требования выполнялись без промедления. На обучение к нему поступили самые знатные и разумные дети Индуза, и даже несколько сыновей правителей других островов, как настаивал сам чужак.

Старики говорят, он желал отдать свое знание всем, но род Атро понимал, какова цена тайны. Князь дал слово не скрывать сведений, но их прятали всеми силами, и долго удавалось оставлять Ладимэ в неведении о судьбе его знаний. Карты, составленные им, хранились в сундуке под замком. Чертежи корабля в единственном экземпляре держал у себя лично князь. Лишь компас и секстант не удалось утаить от детей, взятых в обучение, от будущих капитанов.

И вот наступил день спуска нового корабля на воду.

Никто из живущих теперь его не помнит. Говорят, был он велик и скроен иначе, с узким хищным корпусом, созданным для полета. Говорят, его мачты из золотой сосны имели чуть ли не пять стеньг! А паруса закупались на закрайнем востоке и были из чистого шелка.

Корабль был готов и вышел в первое плаванье, на борту разместился род Атро, княжеских детей иных родов оставили на берегу. А для чужака подготовили достойную награду: яд

и кинжал. Тайны надо хранить, – считал последний князь этого рода, опозорившего Архипелага. Ведь он хотел использовать новый флот для захвата всех островов, а затем и портов материка!

Продумали все: экипаж ничего не знал, охрана князя была наготове, берег уже кутался в туман, делая происходящее на борту неразличимым. Но Ладимэ оказался не человеком, не зря он знал столь много. И предавшему слово пришлось оплатить полную цену. Демон, гибнущий от яда и ран, принял свой истинный облик, а как иначе мог бы он уничтожить и выбросить за борт две сотни людей – от князя до последнего юнги?

Князь Атро и его свита сгинули в пучине, проклиная свою жадность.

А демон Ладимэ сжег корабль и уничтожил свой дар, использованный во зло: чертежи в сундуке исчезли без следа, а замок князя стал пеплом. Так ушло из мира великое знание, которого оказались недостойны наши предки, проявившие жадность, коварство и вероломство. И с тех пор правит на Индузе род Бэнро, поклявшийся никогда не огорчать морского демона, отказываясь от правды и чести.

Малый карвель Риэла Тайрэ стоял в стороне от основных пирсов, на рейде. Такие корабли называли еще бригго – охотники за пиратами – за их маневренность и скорость. Или коротко – бриг. Джамии лихо свистнула и замахала руками, приглашая к беседе. Ее заметили и – вот чудеса – спустили шлюп. Получасом позже девушка и ее «дракон» уже сидели в приемной комнате каюты капитана. Небольшой, отделанной корнем ореха и золотой сосной, очень чистой. А еще – до нежилого вида пустой. Голые стены, стол без единого предмета на нем, иллюминаторы без шторок или ставней. Одинокая свеча в принесенной матросом медной плошке. До их визита капитан, похоже, не нуждался в свете.

Глаза Риэла оказались так же пусты, как его каюта.

Он не слушал и не слышал гостей. Несостоявшийся владелец, а затем и наместник Таира был высок, смугл и крепок телом, его кожа знала ветра океана, а руки явно умели держать клинок. Но все осталось в прошлом. Привычка к вежливости заставила принять гостей, неосознанно кивнув на сообщение об их визите. И даже одеться в чистое, хоть и безнадежно измятое, платье. Но интереса к жизни и живым в мужчине не осталось. Оказывается, чтобы сломать крылья, не обязательно лишать полета, – с грустью подумал Тоэль. Руки капитана неподвижными колодами покоились на столе. И едва пробившаяся – явно за время отчаяния – борода совсем не красила его, лишь подчеркивая усталую впалость щек.

Джами деловито оглядела сперва собеседника, а потом и каюту, на глазах наливаясь веселой злостью. Небрежно бросила в угол плащ и приступила к делу. Нахально принялась обследовать пустые полки шкафов, шумно фыркая от возмущения и нарочито звучно хлопая дверцами. Хозяин каюты отвлекся от созерцания невидимого ночного дождя за стеклом, что, похоже, от него и требовалось по замыслу хитрой правнучки «Золотого змея».

– Слушай, у него даже выпивки нет! – возмутилась гостья, игнорируя господина Тайрэ со всеми его титулами. – Я замерзла хуже ящерицы по осени, сейчас стану малоподвижная и залягу здесь, в углу, в зимнюю спячку. Тоэль, я погибну во цвете лет на рейде Кумата, если не согреюсь. Ну нет вина горячего с травами – так уж хоть ром нашелся бы! Ты, как дракон, обязан исполнить три моих желания. Это – второе!

– Ничего я не обязан! И хватит уже звать меня драконом!

– Ром? – обретая интерес, уточнил капитан. – И много?

– Бутылку, – сердито пожала плечами Джамии, выдирая из-за спины окончательно потрясенного хозяина каюты висящий в углу штормовой плащ, прижатый креслом, и укутываясь до глаз. – Каждому, раз бокалов и рюмок нет. Иначе достану лязгом зубов, пока изложу свое дело! По рождению я южанка, мерзну я, понял?

– Понял, – он нашел в каюте самый интересный объект и уставился на гостью, вернее – на кокон, внутри которого она бушевала и дрожала одновременно, подперев подбородок кулаками. – Боцман!

– Да, кэп. – Нечто темное и массивное заслонило дверной проем, недоверчиво вглядываясь в ожившее лицо капитана из мрака бороды, сросшейся, кажется, с бровями. – Звали? Неужели что-то наконец надо?

– Девушка желает рома. По бутылке каждому, – с явным интересом пояснил Риэл. – Если у нас нет подогретого вина и бокалов. Я, честно говоря, уже и не помню, что куда выбросил. Хоть ром-то есть? И пару свечей добавь, пожалуй.

– Обижаешь, – вздохнули из бороды неподобающе панибратски. – И вино есть. И посуду ты не всю утопил и перебил сдуру. Госпожа желает ром или вино?

– Капитан желает видеть, как я пью ром, это и слепому видно, – заявила Джамии. – Значит, ром, исполню его прихоть ради выживания. И жратвы хоть какой. Я когда замерзну и разозлюсь, даже покусать могу. Так что берегитесь все.

– А есть другие цели визита, кроме выпивки и укусов? – осторожно уточнил потомок рода Тайрэ. – Кстати, я Риэл, некогда Таирский, наследник рода Тайрэ, к вашим, то есть твоим, судя по тону разговора, услугам. Чем могу быть полезен помимо плаща и рома?

– Я исходно собиралась здесь горько плакать и убиваться, – серьезно сообщила Джамии, усаживаясь за стол напротив сраженного новостью капитана. Тоэль ловко подвинул ей кресло. – Княжеские отпрыски любят наблюдать истеричных девиц, вызывающих сострадание и жалость. Могу начать прямо сейчас. Хотя глупо – или ром, или истерика... В общем, так. Я – Джамии Багдэш, нахальная девица из рода купцов. Мы с мамой чуть не разгромили жилище родича, когда отец был в отъезде и нас решили потеснить, поскольку на моей родине слово женщины стоит недорого. Так мы попали сюда. Увы, меня многие находят симпатичной, а мой дом – богатым. И потому здесь меня опять хотят лишиться кровно нажитого, словно я золотой ключик к сундуку папочки. И я вынуждена свалить, пока сундук цел. – Она томно вздохнула, усердно затрепыхала ресницами, изображая флирт и косоглазие одновременно, добавила слез в голос и закончила: – Укради меня пожалуйста, а? Направление не имеет значения, но с якоря надо сниматься, пока поиски не достигли порта. Тоэль, твоя очередь.

– То есть вы здесь даже по разным поводам? – капитан почти развеселился.

– Меня зовут Тоэль, и, раз тут все решили говорить правду, я дракон. Бывший, конечно.

Айри смиренно переждал шумные визги и охи Джамии: «Кэбир, чтоб мне лопнуть», «Мира-то не дура, нашла, кому загадать», «Все снова получили по рогам, клянусь копытами священного жеребца» и так далее. Убедившись, что Джамии закончила излагать свои восторги, он продолжил:

– И я должен попасть на другой берег океана. То есть предлагаю плыть прямо на запад, а там – как получится.

– Ром, – коротко сообщил боцман, устанавливая на столе три бутылки и столько же рюмок, серебряных и несколько помятых, и добавляя к ним подсвечник на пять свечей. – По поводу состояния посуды – вопросы к капитану. Я за дверью, если что надо. Ужин вроде готов. Пытаются уж точно.

– Бикар, мы снимаемся с якоря и идем в Римас, грузиться припасами, – сообщил капитан, с сомнением изучая рюмки, вмятины на которых ему равным счетом ничего не напомнили. – И далее морские демоны не знают куда, но в целом – на запад.

– Наконец-то, – вздохнул Бикар с облегчением. – И дурни еще говорят, что женщина на корабле к беде! Так ли понял, две каюты для гостей?

– Да. Я поднимусь на мостик...

– Сиди уже, без больных управимся, погода тихая, у магистра Тиссэ бессонница. Он прекрасно выведет «Лебеда», фарватер знакомый. У тебя же гости.

Тоэль присел в третье кресло и, выпустив когти, ловко вскрыл ближнюю бутыль. Джами снова радостно завизжала – про Кэбира, меч прадеда, хваткость слепой Миры и удачу отца. Риэл удивленно следил за движением когтей, пока они не исчезли, втянутые на прежние места.

– То есть – и правда, дракон, – довольно подвел итог своих наблюдений капитан, разливая ром по рюмкам. – Нелетающий и без чешуи. А что это дает, кроме когтей?

– Тоску по полету, которую ничем не вытравить, – вздохнул Тоэль. – Очень долгую жизнь, одиночество, умение работать с мечом, склочный характер. Кажется, ты должен знать одно мое старое имя – Ладимэ.

Джами выпила ром и довольно прикрыла глаза, окунаясь в долгожданную волну тепла. Риэл закашлялся, подавившись очередной новостью. Он, само собой, знал имя. И теперь ловил ртом воздух, заново изучая внешность гостя. Почти сто лет назад Тоэль, как и некоторые айри до него, решил передать людям часть знаний своего рода. И начал благое дело под именем Ладимэ. Он не просто взялся учить моряков обращению с компасом и вручил им секстант, но свел в единое руководство опыт навигации по солнцу и звездам, дополнив его грамотными картами и планом размещения маяков. А когда его знание попытались сделать тайной одного рода, впал в бешенство, как гласила легенда. И, как помнил он сам, на этом передача знаний была закончена: стало очевидно – еще не пришло время. Да и способ выбран неудачный.

– А ты, правда, выбросил всех за борт с нового карвеля Его Могущества, который вроде бы желали назвать фрегатом? – отдышавшись, уточнил Риэл и добавил нараспев: – Они умерли в страшных муках, проклиная свою жадность, запоздало отрекаясь от порока, но никогда более не вернулись в мир.

– *Это* не тонет, сказал тогдашний правитель твоего острова, а у Его Могущества сгорел, действительно, фрегат, – рассмеялся Тоэль. – Людей выловили с лодок, живых, но сильно избитых и помятых, кажется. И даже кое-кому я кости прилично переломал, это точно. Их было много, я – один. В итоге получилась глупая легенда, сплошные суеверия. Так что в мир они очень даже быстро вернулись. Жадность так легко не лечится, увы... Кому ты оставил остров, с горя разбив и помяв всю толковую посуду?

– Сестре и ее мужу, – очень тихо ответил Риэл, разом гася улыбку. – Двоюродной, она потеряла отца, как и я. И лишилась бы большего, не стань наместницей. Ее дом сожгли дотла, корабли тоже. Самое чудовищное – не северянин с Индуза, а мой единокровный брат поднял мятеж знати и заплатил пиратам. Город горел, наш замок горел, корабли горели, поля.

– Братья – та еще головная боль, – согласно вздохнула Джами, хмурясь и сердито шевеля бровями для Тоэля. Нашел, что спросить: капитан-то опять впадает в тоску! – Я бы удавила двоих, так мне казалось лет двенадцать назад. Хорошо, не пришлось.

– Страшно это, – без выражения бросил капитан, почти не слыша ее.

– Наливай, во-первых, – сердито двинула рюмку Джами, удачно выводя Риэла из задумчивости. – А во-вторых, мне было семь лет. Не так страшно, как трудно! Как бы я удавила бугаев, младшему из которых было шестнадцать? Пришлось просто поджечь дом старшего. Проигрались в кости, обкурились дрянью, и шли избавляться от нас, пока в городе нет старших мужчин рода. И, само собой, намеревались поделить богатства семьи Багдэш, объявив отца умершим. Я очень боялась не успеть основательно раздуть пламя и вызвать верных людей. Братья жадные, бросились свое добро спасать, а потом мы уже были готовы. Нет, он безнадежен, Тоэль, налей сам.

– Джами, – попытался одернуть ее айри.

– Слушай, Риэл: я тогда была маленькой и глупой, хотела убить обоих, но не сделала этого, – резко бросила девушка, допив ром. – Не смогла. Ты прав, было бы слишком жутко. Я перед поджогом проверила, нет ли в комнатах детей, но несколько лет просыпалась в ужасе. В моих снах в одной из неосмотренных случайно кладовок погибал ребенок, я не успевала его вытащить. Я знаю, что это лишь сон, никто не пропал и не погиб. Сестренка Мира подтвердила, а ей виднее. Но с тех пор я перестала уважать месть, узаконенную у меня на родине. Хотя год спустя живые братья вынудили нас покинуть город. А что происходит в твоих снах?

– Я принимал прошения от подданных отца в городской ратуше утром и потому собрал людей и почти успел в порт. – На сей раз отрекшийся от правления князь ответил гостю совершенно сознательно, пусть и неохотно, будто говорить оказалось физически больно. – К порту ведет улица почти без поворотов, с холма под уклон, и я видел, как смяли людей отца, и почти сразу – дядю, он привел лучников, и никто не успел занять позиций. Без заслона мечей эти легли еще быстрее. Нам навстречу вверх пошла волна мерзавцев с факелами, поджигающих дом за домом. Их вели двое: Сойдэр, пират, именем которого на островах пугают детей, и рыцарь в крепких сплошных латах. Именно он доставил нам больше всего хлопот. Отменный боец, рубил собранную мной гвардию и небрежно отмахивался от ополчения. Я долго не хотел верить, что убил именно его, пока не поднял забрало и уже не мог больше сомневаться.

– То есть тебе повезло меньше, чем мне, – тяжело вздохнула Джами. – Говори до конца, раз уж начал. Твой брат, да?

– Он был старшим из нас и прекрасно владел мечом. Мой брат, наследник княжеского жезла, вел от порта этих мясников и говорил им, где могут прятаться люди, и какие склады жечь в первую очередь, лишая город пищи. – Риэл закрыл глаза. – А потом пришли сnavи и полил дождь. Их было, кажется, семь, небывало много. И на город легла полная «печать воздаяния». Никто из поднявших мятеж и ворвавшихся из порта более не мог удержать в руках оружия и даже не смел попытаться спастись бегством от гнева жителей. Хотя под печатью и гнев оказался смирен. Выродков связывали и запирали до суда, не было ни одной расправы. Я расселял погорельцев и хоронил погибших. Сnavи лечили раненых и обожженных, впавших в крайнее отчаяние и спасали то, что еще можно было спасти.

– Что за печать? – тихо уточнил Тоэль.

– Они нечто сотворили с самим воздухом. И с сознанием людей – тоже. Не знаю что, но стало очень тихо и пусто в душе. Все угасло: боль, отчаяние, гнев, страх... Каждый делал только то, что необходимо, и все знали, кому что следует делать и где находиться. Старики, дети и раненые ушли в дома и не выходили, пока не кончилось странное время. И город снова не стал обычным. Тишина печати растаяла к ночи, мы услышали дождь и смогли быть собой. Многие плакали. Я пошел в порт. Вода уже смыла пепел и кровь с мостовых. Я осознал, что мое время на Таире истекло, когда увидел у пирса корабль рода Бэнро, синий с серебряным дельфином под бушпритом. Он пришел не захватить остров, как легкую добычу, а помогать. Его флот уничтожил лодки и малые суда пиратов. И когда я это понял, сразу отдал свой Таир этому Игану Бэнро, прямо в порту. Он оказался лучше людей моего рода. Он никогда не звал пиратов резать безоружных на улицах родного города.

– Ты просто был утомлен сверх сил, – жалостливо вздохнула Джами.

– Мне говорили – ты прав, ты спас остров, ты их остановил, – пожал плечами Риэл. – Род моего дяди напрямую в нашем позоре не замешан, и я все оставил его дочери. И свои земли, и замок, и дом. «Лебедь», мой бриг, оказался цел. Из восьмидесяти шести членов экипажа я похоронил двадцать, прочие упрямо потащились за мной. Так от прошлого остался только «Лебедь». И имя. Родовое, княжеское – сестра Рила, я – Риэл. От этого я тоже не смог отказаться.

– Лучше бы он пил, – глубокомысленно заявила Джамии. – Опять впадает в шок, вот ненавижу высокие страсти благородных господ. Ах, он в отчаянии! А я подожгла дом и рванула улаживать дела этих дурней и платить их долги. Мне даже плакать было некогда! Я из презренного рода торгашей, у меня все слезы – по высокому тарифу. Зато я гостей не пою дрянным ромом!

– Что, совсем плохой? – очнулся капитан, уже вполне сознательно попробовал, сморщился. – И правда, не очень. Может...

– Только не предлагай мне дрянное вино! – отчаянно замотала головой Джамии. – Это вообще за пределами. Вино можно пить только хорошее, даже в полном отчаянии. Я лично куплю в Римасе то, что следует.

– Риэл, ты уж запри ее в каюте, раз похитил, – посоветовал Тоэль. – Девушку жених искать будет по всей стране, он, как я понимаю, князю Карна близкая родня, девятый в списке на трон, если ничего не изменилось. А она собирается носиться по городу и закупать вина у знакомых. Я сам займусь. И где, наконец, ужин? Пойду посмотрю.

– Кажется, наш кок сошел на берег еще на Таире, – смущенно припомнил капитан.

– О Боги! – Воззвала Джамии без надежды быть услышанной. – Где этот... камбуз, да? Ладно, молчи, найду по вони горелого, это совершенно не трудно. Как здесь еще кто-то жив, людей кормить надо, капитан! Кормить хотя бы три раза в день, даже у знати с самыми высококородными кровями и тучей предков, известных поименно, желудок требует жратвы! – она бросила на дракона насмешливый взгляд. – Я сама займусь. И будет, наконец, ужин.

Риэл виновато пожал плечами, провожая взглядом девушку. Штормовой плащ улетел в угол, составлять компанию ее промокшему дорожному. И несостоявшийся наместник наконец рассмотрел свою пассажирку. Пасмурную синеву ее глаз, мечущих голодные молнии. Широкий пояс с длинным кинжалом на удивительно тонкой талии. Гриву волос, небрежно перевитую лентой. Крепкие маленькие руки, рванувшие дверь.

– Ладимэ, а я уже почти рад, что похитил ее, – задумчиво сообщил он айри. – В других обстоятельствах живым никак не подойти к этой поджигательнице. Боюсь, убив очередного назойливого поклонника, она и слезинки не роняет. Все до единой на счету и стоят немалых денег, я уже слышал. А что вас связывает?

Тоэль вздохнул. Вот незадача, надо снова рассказывать свою историю. Иначе столь серьезное отношение к просьбе слепого ребенка не объяснить.

Он говорил долго и довольно подробно.

Риэл оказался хорошим слушателем. И – вот радость – капитан знал о птицах! Слышал от одной из снавей: такие, и правда, есть на западе, непомерно далеко. И если пассажиры туда хотят попасть – он только «за». Его на берегу ничто не держит.

– Может, я привыкну к своему прошлому и даже смогу потом побывать дома, – вздохнул капитан. – Сестра очень плакала, когда я сообщил, что не останусь. Но та моя жизнь сгорела дотла. А другую начать все не хватало сил. Ребята меня берегли, это ведь мой бриг. И команда – моя личная гвардия, а не наемные случайные людишки. Они далеко не все хоть сколько-то знатны, но мы очень давно вместе, срослись, вот они и терпели эти глупости с затворничеством в каюте, погромами посуды и мебели. Пока на нас не обрушилась эта... Джамии, да?

– Теперь ты знаешь, почему ураганам дают женские имена, – усмехнулся Тоэль.

– О да! Она, точно, умеет готовить?

– Она из славного рода Багдэш, их караваны торили тропы в пустыне и горах еще полторы сотни лет назад. Что бы ни говорили про иных купцов, эти всегда отменно кормили людей и

скот. И ценили жизнь тех, с кем выпало выйти в дорогу. Я встретил караван у кромки пустыни, после тяжелого боя, а видел бы ты стол в шатре отца Джамии! Восточная сказка. Я думаю, у него есть кувшин с ручным демоном для мелких услуг. У девушки, полагаю, тоже найдется.

Бриг уже некоторое время ощутимо покачивало, теперь характер волнения изменился. Риэл довольно кивнул: они покинули бухту и легли на курс. Ветер слабый, почти попутный, волны невысоки, путь до Римаса легок и, если все сложится удачно, завтра к вечеру они увидят виноградники на склонах гор. Тоэль думал о том же. И снова удивлялся – как странно изменилось его везение, стоило выпустить из рук повод судьбы и довериться ее бегу.

В коридоре звонко рассмеялась Джамии, ей кто-то вторил. Дверь распахнули услужливые руки магистра Тиссэ, знатного владельца замка с удручающе – для запоминания – длинной родословной, обожаемого наставника младшего сына правителя в морской науке, наблюдении звезд, а в свободное время и фехтовании. Сухой и несколько чопорный, невысокий, угрожающе прямой и резковатый в движениях почти седой вельможа под шестьдесят, отменно выглядящий для своего возраста, – вот портрет Григона Адри Тиссэ.

Неузнаваемого теперь, рядом с Джамией. Он склонялся в почтительных и чуть комичных поклонах, сыпал комплиментами, от души смеялся и оберегал супницу в руках девушки, как главное достояние древнего рода. Следом протиснулся уже знакомый боцман Бикар, молча и торопливо устроил на столе блюдо с тушеными овощами и сыром, плавящимся на гренках. Сгрузил тарелки, торопливо грохнул приборами и вышел, прикрыв дверь.

– Сынок, тебя здесь уже никто не помнит и не любит, – пояснил спешку боцмана Григон. – Маленькая восточная принцесса накормила всех, и люди на нее молятся, обретая такую невероятную пищу богов, и сейчас приступят к уничтожению добавки. Мои дворцовые повара – ничтожества, уж поверь на слово.

– Ха, пусть лучше проверит, – гордо подбоченилась «принцесса». – Я бы на месте экипажа давно устроила голодный бунт. Кроткие, как овечки. Жалко ребят. Тоэль, налейте капитану еще рома, пусть наедается и спит, авось поумнеет к полудню. Все глупости от голода. Суп рыбный, все будет есть?

И все стали есть. Джамии довольно кивала на похвалы и подливала в рюмку капитана ром. Она уже слышала от Григона подробности о бессоннице и кошмарах Риэла и полагала, что за вечер он не сопьется, зато согреется, расслабится и отоспится. Джамии ходила с караваном отца почти пять лет и многое умела и знала. Риэла не сделать веселым и спокойным человеком в одночасье, но первый шаг важен. Как бы она теперь ни расписывала свое поведение двенадцатилетней давности, в жизни все было иначе. И со слезами, и с ощущением бессилия перед неотвратимой угрозой, и со страхом и раскаянием. Но – отпустило, осталось позади. Так что за время пути на запад она займется Риэлом вплотную, магистр обещал помочь.

Капитан заснул над гренками, которые то и дело воровато двигал к себе все ближе, и, в конце концов, обнял блюдо и уложил голову на его край. Сон был глубокий и спокоен. Джамии сбегала, принесла чистое белье, привела отряженного боцманом матроса с пуховиком, одеялом и подушками, стремительно устроила постель и попрощалась с мужчинами до утра, лукаво пообещав на завтрак кашу и оладушки. Сказала намеренно громко – в коридоре, реагируя на услышанное, мечтательно вздохнул боцман, явившийся лично проводить гостью до ее каюты. Тоэль вдвоем с магистром быстро раздели беспробудного наследника рода Тайрэ и уложили в постель.

– Я боялся, мы его потеряем, – признался Григон, бережно поправляя одеяло. – Он совершенно непригоден для дворцовой жизни. Слишком открыт душой. А девочка так много

сделала за один вечер! Кстати, она обещала рассказать мне о способах определения путей в пустыне, это совсем новое знание для нас, живущих вдали от песков. И почему-то твердила, что вы, уважаемый господин, и есть Ладимэ и еще какой-то демон, или вовсе дракон... не помню.

– Она умеет выбирать, что кому сказать, хотя может показаться, что говорит без особого смысла и слишком уж много, – развел руками айри. – Вот вам поверила. Удобнее бы говорить – тебе. Все же я довольно долго живу и знаю, как неприятно, когда сперва ребенок говорит «вы», потом взрослый – «ты», а становясь стариком, ждет ответного вежливого обращения. Ладимэ – старое имя, теперь я зовусь Тоэль.

– Вот как... Удивительно все меняется, стоит на старости лет покинуть замок. Либо я наивен, либо выжил из ума, – но я вам обоим верю. И значит, ты, как и полагается существу волшебному, исполнишь мое желание.

– Вы что, сговорились? – почти испуганно охнул Тоэль. – Да не волшебный я!

– И все же ты мне поможешь дописать книгу по навигации, которую сам же начал с моим пра-прадедом! Я захватил из замка только ее черновик и меч, когда получил сообщение о пиратских судах, замеченных близ бухты. И все равно не успел помочь старшему Тайрэ. Его людей, наспех собранных для первого заслона, смяли в порту. Если бы не они, нам бы не удержать город. Это был черный день, наполненный слезами и пеплом.

– Книгу мы допишем, время будет. Уф, хоть не луна с неба, я уже испугался... Пока же надо спать и видеть во сне только оладушки. Это грёза всего экипажа сегодня.

Когда Тоэль проснулся, оладушками пропахло все вокруг. Джами шумно и весело гоняла матросов, униженно выпрашивающих «еще хоть чу-чутьку». Экипаж брига – шесть десятков крепких молодых парней, пять офицеров и боцман с магистром, даже на слух полусонного айри, был убийственно сыт. Голодные так не стонут, ведь стены дрожат!

Последняя порция, донимавшая их жадное воображение и тренирующая голосовые связки, жарилась для пока еще спящего капитана. Беззаботного пассажира-айри завтрак ждал на столе каюты.

Тоэль быстро прикончил пищу, оделся, вышел на палубу. Безупречно чистую, глянцево-гладкую, с горящей медью поручней. Под специально устроенным навесом в кресле сидела Джами, безупречно женственная и прекрасная в блузе тонкого лимонного шелка и темной юбке до пола. Она мелкими глотками пила обещанное вчера вино с травами. У спинки строился магистр и, отдавая должное тому же напитку, деловито пояснял что-то очень морское про вместимость трюмов, мореходность, осадку, корпус... Понятно – деятельная натура привычной к дороге дочери дабби желает разобраться, что за «верблюд» служит основой ее нового каравана. Хороших ли он кровей, и насколько можно такому доверять свою жизнь и жизни прочих людей. И, само собой, груз. Айри наскоро огляделся и обнаружил столик с напитками и сладким, специально поставленный для Джами. Тоэль лениво подумал, наливая себе вина, что девушка уже сегодня, через несколько часов знакомства, могла бы продать парням Риэла за золото даже дохлую крысу. Ее обожали, слушали и слушались. Может, это и есть секрет рода Багдэш – особая торговая жилка. Или она просто очень хороший человек и умеет ладить с другими? Не такое тихое и ясное солнышко, как малышка Мира. Но – тоже источник света. Затмивший явление капитана экипажу.

Джами к тому времени усердно считала, чего и сколько надо взять из провизии в долгое плавание и во что это встанет, советовалась с опытными людьми, то и дело робко намекающими на свои версии ближайшего обеденного меню.

Риэл был, по мнению Тоэля, неузнаваем. Он извел бороду, причесался и нашел где-то в недрах не изрубленного и не выброшенного за борт шкафа или сундука отменные брюки тонкой кожи, белую рубашку с кружевом. И даже – не иначе как припрятанный бережливым боцманом, – добротный пояс с кортиком. Еще он разогнулся и отчетливо помолодел лицом.

Вчера айри готов был приписать капитану возраст, близкий к сорока, а сегодня смущенно скинул лет пятнадцать. Он редко ошибался так существенно, – конечно, младшему сыну покойного владетеля Таира не более двадцати пяти. И в нем есть забавное сходство с Джами: глаза принадлежат северу, а кожа – югу. Под полуденным солнцем море имеет почти тот же тон, что и взгляд капитана. А вчера ночью были едва ли не черными – и взгляд, и море...

– Приветствую госпожу Джами, выставившую меня из порта в десять минут, – поклонился он, пробираясь к креслу. – И напоившую меня до потери памяти. Небывалые дела творятся! Магистр, где мы вообще находимся? Из всего вчерашнего вчера отчетливо помню только гренки, которые кто-то бессовестно доел без меня.

– Десять миль до Римаса, прямо по курсу.

– Рада видеть князя Тайрэ и так далее, до окончательной скуки, сколько у тебя там титулов и предков, – недовольно буркнула Джами. – Что это ты с утра не помнишь, а? Обещал идти на запад, как только мы распишем все необходимое в трюме. Ты хоть в курсе, что спьяну похитил меня? Голова Кумата с ночи мается головой в отчаянии: «ах, наши денежки уплыли», мама дома усердно плачет, а голос у нее звонкий...

– И тоже слезы по тарифу? – Прищурился насмешливо Риэл.

– Не только, – вздохнула Джами. – Мы всю жизнь отца провожаем и ждем, это трудно. А теперь ей ждать двоих, и я вернусь не скоро. Добрый дядюшка Григон обещал отослать к ней нарочного с письмом. Ну напишет, что и как, – ты вроде человек приличный, он тем более, – так что пусть зря не волнуется за девочку.

– По-моему, надо за нас волноваться, – вздохнул без тени огорчения Риэл. – «Дядюшка»! Вот дожили!

– Мы тренируемся, – терпеливо пояснил магистр. – В Римасе девочка сойдет на берег, как моя сводная племянница Криста, твоя троюродная кузина, кстати. Мы уже и прическу ей подобрали, и в хороших манерах разобрались. Явное сходство хоть замечаешь?

– В манерах? Да Криста прямо в лицо смотреть не умеет, ее взгляд вечно искоса так подкрадывается, мягко гладит и намекает, аж тошно. Она тиха и благовоспитанна с виду, улыбается не разжимая губ, льстит шепотом, дышит с охами – чистая патока.

– Я запомню, но пока до берега далеко, – обнадежила его Джами, улыбаясь указанным способом и вздыхая всей зоной декольте. – И, по плану магистра, липнуть патока будет к тебе. Капитан должен делать закупки, а в торговом деле ты... Ну, скажем, младенец. Садись, читай список продуктов.

– А что мне за терпение будет?

– Жаркое из ягненка.

– Это за вздохи, а за патоку в целом?

– Он не безнадежен, – приятно удивилась юная Багдэш. – Пара лет тренировки, и сможет сносно торговать. Слушай, не наглей уже, тебе даром загружают корабль продуктами – причем под завязку. Тоэль платит.

– До тебя мне далеко, – рассмеялся Риэл. – Рассчитаться без обмана чужими деньгами – хорошенькое дело! Это надо суметь. Джами, почему я не просто терплю этот жуткий тон общения, но и сам на него перешел? И магистр, вот никак не мог подумать, туда же! Это ненормально. Все-таки я, хоть и лишенный власти, а князь. «Моя светлость», «моя милость», «мое владычество» и прочее в том же духе. В крайнем случае – просто в третьем лице, и обязательно – «От ничтожной и недостойной созерцать»...

– Ты другим рассказывай, что прежде на корабле тебя хоть когда звали этой самой «милостью». А я – не дура, давно все уточнила. Тебя звали...

– Нет! Они не могли...

– Они мне все выболтали за два десятка оладушков, наперегонки, – хищно прищурилась Джамы: – величают они тебя бродяга Тай.

– Предатели.

– Угорь.

– Я их убью.

– Нельзя, ты их уже морил голодом почти месяц, так что смиренно терпи ответное издевательство. Не расстраивайся, я ведь совсем не принцесса. В караване меня звали Гашти, есть такая ядовитая змея. И еще – Верблюжья колючка, но это длинно на вашем языке, и потому не звучит. И я тогда была совсем тощая, черная от солнышка. А вот добрая малышка Мира называла меня Ширали – одинокий цветок вьющейся розы.

– Розы? – Усомнился Риэл.

– Ее плети поднимаются по деревьям и решеткам на две-три сажени и создают сплошные колючие заросли. Вот если цветок один и на самом верху, это и есть Ширали, – спокойно пояснил Тоэль, отбирая у капитана список припасов. – Нечто уникальное и трудное в достижении. Всю одежду изорвешь, руки исколешь, а цветок будет очень далеко и так же красив. А на первый взгляд казалось – до него пара шагов. Миратэя умеет давать имена, хоть и слепая. Так... на какое время рассчитывала запас, Гашти?

– Полгода кормежки на убой и еще два месяца резерва, – сердито буркнула девушка. – Обидно. Я вот ядовитая, а он – просто скользкий. Как тут обзывать?

– Морские угри южных рифов ядовиты, их еще называют змеями соленых вод, – обнадежил Джамы магистр. – Я впишу в лист закупок пергамент для своей книги и хорошие чернила.

– И лимонный сок, смешанный со спиртом, – добавил Тоэль. – От болезни, расшатывающей зубы и покрывающей язвами ноги.

Магистр заинтересованно кивнул, внося новую запись.

И проследил насмешливый взгляд айри. Пара «змей» – морская и пустынная – прогуливалась по палубе, привыкая к роли троюродных родичей. Получалось у них подозрительно хорошо. Григон с тоской подумал, что как бы мальчик ни отрекался от имени, он князь, и теперь – последний в роду. Раньше хотя бы числился младшим и имел право чудить, доводя невест до полного отчаяния. Он презирал весь их список – от указанной под первым номером Кристи до значащейся восьмой Айрис. Глупых, вздорных, лживых – и достаточно знатных по праву рождения для княжеского альянса. Если бы настоящая Криста имела хоть малую толику обаяния этой странной девушки, которая покорила их бриг за один вечер! Да что бриг, – и старое сердце Григона, которое он считал давно усохшим до размера фасолины и таким же жестким.

Криста и прочие семь, увы, теперь потеряли остатки своего глянца на фоне Джамы. И по-прежнему остались единственным возможным выбором того, для кого Таир – родная земля. Рила, его сестра, не приняла документов на замок и прочее имущество. Она вытребовала себе право сидеть не в кресле наместницы, а ступенькой ниже, «исполняя обязанности в отсутствие его светлости Риэла Миттора Тайрэ». То есть рано или поздно кровь потребует от Риэла еще одной жертвы. Его слишком любят дома. И это он тоже знает, хотя вроде бы не желает помнить. Тоэль прищурился, разбирая во взгляде Григона его размышления.

– Зря ты заранее переживаешь, – мягко шепнул айри. – Я с некоторых пор стал больше полагаться на случай. Если люди делают то, что должно, многое меняется в их жизни.

– Только не говори, что настоящий отец девочки – незаконнорожденный брат Игана Бэнро. Это бы, и правда, все меняло, внесли бы кого нужно в список за девятым номером.

– Нет, конечно. Но мы еще не начали нашего пути. И я не знаю, что будет иметь значение в обратной дороге, а тем более – по возвращении. И даже доживем ли мы до того времени.

– Так или иначе, приятно видеть Риэла живым и способным общаться с нами совершенно нормально. Смотри: потащил «розу» на мостик. В Римасе превосходная гавань, всегда тихая, при любом шторме. Но восточный вход довольно узкий, и фарватер надо знать до мелочей. А мальчик помнит все порты побережья наизусть. «Лебеда» спустили на воду девятнадцать лет назад, он Джами ровесник. И княжич плавал под моим началом семи лет от роду, он был отменным юнгой. Потом – лоцманом. Самый молодой лоцман Таира, и, пожалуй, лучший. Он чувствует корабль, течение, ветер. И словно видит дно сквозь воду.

– А еще он отменно плавает, – добавил Тоэль догадливо.

– Да. И хорош на мечях. Знает восемь языков, легко сходится с людьми. А еще к нему ходили без страха и не считали просьбу – унижением. Риэл помнит добрую половину горожан чуть не по именам. Кому-то он помог купить лодку, иным устроил ссуду на дом. Или дал обеспечение под товар начинающему торговцу. Нашего боцмана достал из долговой ямы, дрянная была история, но все обошлось. Все перечисленное не сделает его счастливым правителем. Но именно потому его безмерно любят. Такое отношение накладывает обязательства.

– А он очень ответственный?

– Именно так. Ты видел Римас с моря хоть раз?

– Нет.

– Тогда смотри, он за скалами. Полагаю, капитан намеренно провел бриг, вплотную прижимаясь к мелководью, чтобы бухта открылась с лучшей точки и внезапно. Вечер начинается, и это – сказка. Город парит над портом, днем белый, потом – золотой, и постепенно тон уходит в лиловые сумерки. Думаю, мы пойдем к пирсам медленно, чтобы ничего не упустить.

С мостика донеслись восторженные визги и охи Джами. Тоэль был готов поддержать ее. Он и прежде знал, что Римас в переводе с ирнасского наречия – «вечерняя отрада». Теперь понимал, насколько это верно. Со дня утраты крыльев ни разу он не находил для глаз столь совершенного, сияющего вида. Белый город строили настоящие мастера, знающие, что его будут наблюдать издали, с воды. И все дома, даже самые маленькие и скромные, были вписаны в единую картину. Улочки создавали прихотливый узор из цветного булыжника. Богатые особняки украшали ажурные шпили и галереи. А над всем склоном парил замок князя Ирнасстэа, владельца этих земель. В зелени парков, золоте и багрянце дикого винограда, прихотливо завившего стены, в мягком сиянии отделки и ярком радужном – крыш.

Тоэль вздохнул полной грудью, благодарно принимая подарок судьбы – красоту бухты, которую удалось увидеть в лучшее время и с лучшей точки. Затяжные дожди укутали порт легким туманом и оторвали от земли видение дивного города, медленно меняющее цвет, как перламутровая раковина. От сияющей горячей белизны дня к многоцветию вечера.

Вот только, увы, в тихой бухте Римаса не оказалось ни одного крупного судна, откуда хоть кто-то еще смотрел бы на лучший закат всего побережья. Купцы пока лишь добирались с юга, даже те немногие, кто решался на риск пути на север, где стало пугающе много охотников, жадных до чужих богатств. Пока еще никто не знает, что пираты и их подручные – контрабандисты – сгинули. Тех и других планомерно вылавливала эскадра Бэнро, заходя в порты лишь пополнить припасы. Некрупные гребные нифферы с севера, из глубоких узких заливов Туннрэйз, тоже участвуют в деле, проверяя мелководье и заливы, так что и этих моряков здесь пока не ждут. Жаль, вся красота досталась экипажу «Лебеда». Жаль? Кому как: Джами довольно потирала руки, рассчитывая сбить на торге цену, покупателей-то иных нет, а продукты лежать не могут слишком долго, не теряя в цене и качестве.

Тоэль покорно выслушал ее нелепые и торопливые доводы об удачной маскировке, насмешливо глядя в блестящие азартом глаза, когда решался ненадолго отвести взор от ежеминутно меняющегося города. Пусть гуляет по городу и забавляется. Капитан ее в обиду не даст, не зря берет с собой в неотлучное сопровождение свиту из десятка крепких и не слишком

похожих на тонкокожую знать моряков. Айри отдал круглый от обилия монет кошель с золотом и проводил до шлюпок всех, кто собрался развеяться. То есть экипаж целиком – за вычетом вахты. Магистр желал лично заняться запасами пергамента и чернил. Он уже бормотал сосредоточенно, что на улице Лоз есть вполне достойная внимания лавка с книжными футлярами. А возле рынка, если припомнить толком и не спеша, так и вовсе – продают карты, тоже следует просмотреть и поговорить с книжником. А еще важно попытаться раздобыть кока, и у магистра есть один на примете, он не без странностей, но готовит отменно и к своему теперешнему месту вроде ничем не привязан, одинок и не имеет собственного дела.

Айри остался на борту.

Он не стремился сегодня к новым впечатлениям, желая досмотреть закат до самого последнего луча. А потом отдохнуть в тишине. С утра же самое время чуть поразмышлять, пристально изучить детали предстоящего пути. Все ли учтено, нет ли в сроках и планах ошибки? Да и бриг следует осмотреть до похода. И лучше – пока капитан и боцман на суше и не воспримут с обидой его чрезмерное любопытство, лишенное должной восторженности в адрес «Лебеда».

Судно, на взгляд айри, выглядело довольно примитивным, хоть и крепким. Еще в роли Ладимэ он начинал исследовать конструкции лодок, галер, малых и средних парусных судов, боевых и торговых, флагманских кораблей Архипелага. И нашел немало возможностей их усовершенствовать. Ладимэ был недоволен сто лет назад обводами корпусов, не обеспечивающими хорошего хода; малой площадью парусов и их примитивным набором, делающим крупное судно почти беспомощным при ветрах, близких к встречному; само управление парусами тоже оставляло желать лучшего. Кое-чем поделился, хоть и весьма второстепенным, и уже заметил – они запомнили и используют его советы. Но прочее осталось невысказанным. Хорошо хоть, он успел рассказать им про стекло, как простое, так и прочное. Мастера Мрайса сохранили только для себя секрет производства, но, может, так и лучше? Архипелаг не богат и нуждается в уникальных товарах. Темные каюты с крохотными оконцами, забранными слюдой, были ему памяты. В этом отношении «Лебедь» вполне хорош.

Вахтенный нашел Тоэля после полудня в трюме, за вдумчивым изучением состояния набора корпуса. И попросил подняться и принять гостей: «этих» он не решился заставлять ждать капитана. Тем более, сегодня все снова ночуют в городе, уже оповестили запиской, переданной с офицером сменной вахты. Айри заинтересованно кивнул и поднялся на палубу.

Их было трое, удобно устроившихся у мачты. Две женщины и мужчина. Все одеты добротно и по-дорожному, с легкими мешками опытных путников. И с ярким даром Говорящих с миром, зачатки которого айри приметил у Миры. Именно так, зачатки. Странные люди, именуемые снавьями, буквально лучились от своей способности видеть мир и быть его частью. Удивительно... Как он мог не ощутить их раньше? Наверное, не прислушивался и не всматривался.

Ему кивнули приветливо и чуть удивленно, воспринимая как необычного – не-снавь, но при том умеющего общаться на уровне сознания. Старшая из женщин, северянка лет шестидесяти, рослая и крепкая для своих лет, поднялась и шагнула навстречу.

– Приветствуем тебя и просим нас выслушать. Деяна мое имя, а это Фрисс и Ками.

Она указала на младшую из женщин, явно из народа степных илла, смуглую и маленькую, а затем – на мужчину с очевидным присутствием восточных кровей, темного, сухого, невысокого и отрешенно-спокойного. Оба продолжали сидеть, полностью предоставив вести разговор старшей. Тоэль взгляделся – одежда в грязи и пыли, лица выдают утомление долгого дня в пути.

– Идемте, у нас осталась каша с утра. Вы ведь, как мне говорили, не любите мясные блюда? – он дождался подтверждающего кивка. – Еще есть хороший чай. Капитан не обидится, если мы устроимся в его каюте, раз есть дело, там две комнаты, и первая – для серьезных разговоров.

– У нас именно такой, – вздохнула Фрисс.

Вахтенный согласно кивнул на поворот головы Тоэля – все слышал, сделаю. Хороший экипаж на «Лебеде», равнодушный. Гости прошли в каюту и расселись по креслам. Ели они быстро и жадно, пили чай с удовольствием и уже не спеша. Деяна нехотя отставила в сторону пиалу, пережившую буйство князя не без потерь – щербатую, и откинулась на спинку кресла. Ей было трудно начать разговор.

– Не знаю, есть ли смысл в нашем визите. Нам слишком уж необычное нужно.

– Только не надо про волшебство дракона, – предусмотрительно и опасливо ограничил их запросы айри. – Я решаю лишь посильные людям вопросы.

– При чем тут Великий дракон? – Дрогнул бровью Ками. – Он проводит нас по пути обучения, но не оказывает иной помощи. Так заведено, люди сами в ответе за свои дела и судьбы. То, в чем мы нуждаемся, посильно людям, если ты и правда человек, в чем я сомневаюсь.

– Я айри, это иное племя.

– Нам надо попасть на западное побережье за океаном, о айри, решающий посильные вопросы. – Без дальнейших проволочек изложила дело Деяна. – И мы, увы, за это не сможем заплатить, но дело срочное. И если...

– До завтра-то терпит? – рассмеялся Тоэль. – На ночь глядя я никого на борт уже не соберу. Даже до послезавтра: пока загрузим припасы, воду и нового кока, пока всё проверим и разместим. Раньше и не надейтесь.

– На что? – тихо уточнила Деяна.

– Уже полтора месяца я с удивлением привыкаю верить в судьбу, маскирующуюся под случайности. Я не успел толком рассмотреть ворота Кумата, как уже покинул город с девицей, спасающейся от неудачного брака на бриге князя, умирающего от обострения родовой чести. Им уже лучше. Мы все собираемся плыть на запад, я ищу Огненных птиц, потому что обещал одной девочке, что она сможет испытать чувство полета. И тут появляетесь вы!

– У тебя есть основания верить в судьбу, – рассмеялась Деяна. – И я подумаю, не загадать ли тебе еще парочку желаний. В расчете на приписываемое сказками драконам волшебство. Хоть ты и не дракон.

– Загадай каюту, – посоветовала Фрисс. И добавила мечтательно: – И ванну, ведь равно невозможно то и другое.

– Давайте по очереди, сначала ванну осуществим, а потом – каюту? То есть вернемся в порт, и я вас поселю на постоялом дворе, где сегодня отдыхает почти весь экипаж. Познакомлю заодно с капитаном, а то неудобно получается, это же его бриг. Пусть выслушает дело с самого начала и сам примет решение.

Спустя пару часов, в быстро густеющем тумане позднего вечера, Тоэль с трудом обнаружил «Сплетение лоз» – постоялый двор в верхней, наиболее богатой и тихой, припортовой части города. Конечно, ему говорили многие, где и как искать – Джами, Риэл, магистр Тиссэ, даже бесподобный боцман. И, само собой, у всех были разные приметы и ориентиры. Зато сами они, все, кроме Бикара, сидели за одним столом и, вполне предсказуемо, слушали очаровательную синеглазую «ядовитую змею»...

– Восточные сказки? – уточнил Тоэль, придвигая дополнительные кресла и рассаживая своих новых спутников.

– Не мешай! Я рассказываю, как мы с Мирой потерялись в самом центре ужасной пустыни Кэ-рабих, пока ты опять кого-то, кажется, спасаешь...

– Вроде того, и даже почти спас. Уже придумала, кстати, как вы потерялись? – догадался Тоэль по тревоге на лицах слушателей.

– Верблюд взбесился, его укусила змея, – неуверенно пожала плечами Джами, поняла, что этого слушателя ей не провести, блеснула глазами. – А что, было ужас как ужасно!

– Страх как страшно! Сколько времени потребовалось Мире на лечение верблюда от твоего укуса, о ядовитейшая Гашти? – хмыкнул Тоэль.

– Я же ей полностью поверил! – Искренне возмутился Риэл.

– Зря. Если бы эта змея укусила верблюда, его бы уже никто не спас. Капитан, вот еще три пассажира, им надо на тот берег, как и мне: Деяна – Фрисс – Ками. Возьмешь?

– А куда я денусь? К тому же я уже имел честь встречать госпожу Деяну ранее, и многим ей обязан, – чуть напряженно добавил он. – Но и без того, Говорящим отказывать не принято, их дела слишком серьезны.

– Князь? – Женщина встала, вежливо кланяясь, и неуверенно села вновь, более пристально присматриваясь к лицам сидящих, которых прежде почти не заметила, утомленная до предела долгим днем. – Магистр Тиссэ? Вот уж чего совершенно не может быть. Я вас искала, его светлости нельзя было уходить в плавание в таком состоянии. Мы все боялись, это дурно закончится. Но ему стало много лучше без всяких усилий снави, – она обернулась к айри и уверенно добавила: – Чудеса – ваша специализация, господин Тоэль?

– В данном случае нет, просто Дж... Криста, когда замерзнет и проголодается, способна и полумертвого сделать гостеприимным, – рассмеялся Риэл. – У меня не было выбора. Меня напоили, накормили, обругали и вообще до сих пор относятся к моей светлости крайне непочтительно. Некоторые еще по привычке обращаются к Григону на «вы», но и это – удивительно. Так что привыкайте.

– Что случилось на том берегу столь плохое и опасное? – негромко уточнил магистр, воспользовавшись паузой. – Вы все собирались из столицы Таира вернуться в Карн, а затем уйти на восток, вроде бы в степи...

– Все так, но почти от самых гор повернули назад, – кивнул Ками, смущенно ошипывая зелень с расставленных на столе блюд, посуда для прибывших не спешила появиться на столе. – Нам неизвестно, что произошло за океаном, но там погибли снави. Кажется, четверо, а прочие не отзываются даже нашему наставнику. Передать сообщение он смог лишь нам троим, иные далеко, заняты или полностью лишились сил и узнают позднее, восстановившись. Война на островах нас вымотала и истощила. Слишком много крови, слишком тяжело отчаяние людей и велика их боль. Да и вызывать дожди и затем приводить природу в порядок – не шутка. Но мы не надеялись найти помощь так быстро. Один корабль в порту – и он уже готов в дорогу.

– Еще нет, завтра загружаем припасы, – деловито отметила Джами, она уже с опасной ловкостью голодной тигрицы метнулась к служаночке и, решительно оттеснив ту от стойки, лично выбрала вино и три бокала. – Я их научу быть расторопными! Ишь, пять минут ждете внимания, учту при расчете. Эй, хозяин, слышал? Умрут с голода гости – я и тебя добыю! А не умрут – по миру пушу, каждый купец будет знать, что ты вороват, а знать заподозрит, что вино разбавлено, так и запомни! Слухи – наша семейная игра, и мы в них играем отменно. Я уже выхожу из себя...

– Не надо, благородная госпожа Криста, умоляю. – Хозяин возник буквально из воздуха. – Вы и без того пустили меня по миру, лишив повара. Вот посуда. Закуски несут, основные блюда готовят. Что еще изволите?

– Кажется, есть две пустые комнаты, я их даже оплатила, чтобы никого не селили кроме нас. Так?

– Память снова не подвела вашу милость.

– Знаю, – чуть смягчилась Джами. – Тоэль, Ками, вы селитесь наверху, там гнусно и жарко, терпите.

– Вы несправедливы! – в отчаянии возразил хозяин заведения. – Один вид из окна...

– ...и позволяет брать хоть малую плату за этот тесный уголок пустыни, – насмешливо закончила «Криста». – Они к жаре привычные, выживут. И если надумают мыться, смогут спуститься во внутренний двор, там все приготовлено. Женщин селим внизу. В комнате вполне сносно, обеим – немедленно приготовить ванны. Нормальные, не ту пиалу, в которую вы осмелились попробовать запихнуть меня! Полотенца тоже должны быть крупнее носового платка. Гораздо крупнее.

– Да, госпожа, все будет исполнено, – он более не возражал.

– Всех троих переодеть. После ванны люди не трясут старую пыль дорог. Вещи выстирать и почистить. Мы же хорошо поняли друг друга?

– О да. Я немедленно сам распоряжусь и лично прослежу.

– Извольте, – Джамми проводила дрожащего хозяина совершенно неподражаемым взглядом княгини, обнаружившей во дворе замка приبلудного беспородного щенка. И жаль убогого, и удавить-то надо непременно, нагадил ведь... – Магистр, как мы могли остановиться в этом клоповнике? Я знаю массу приличных заведений в Римасе.

– Но повар-то хорош.

– Да. Завтра у гостей не останется последнего повода навещать в эту дыру. Итак, еще трое, – задумчиво кивнула она, изучая снэвей. – Я должна добавить вас в расчет припасов. Тоэль, мы славно сторговались, список исчерпан, а твой кошелек еще довольно пухленький. Наша «милость», князь, изволили оказаться скользким типом, явно могли бы далеко пойти в торговом деле.

– Джамми! – фальшиво возмутился магистр. – Разве пристало так говорить о его светлости, милости и так далее?

– Я вообще-то была близка к этикету: в третьем лице и с должным завистливым унижением, – отмахнулась она и насмешливо фыркнула. – А вот вы назвали меня не тем именем. Позор падет на вашу еще не слишком седую голову! Меня, свою дорогую Кристу, близкую родственницу, не узнали, дорогой дядюшка!

– И правда, нехорошо, – пожал плечами магистр, пристально изучая глиняную бутылку. – Полагаю, это означает, что вино здесь все-таки не разбавляют. Пойду-ка я. Желаю приятного вечера, господа.

И он ушел, напоследок с усмешкой осмотрев еще раз странную и пеструю группу за столом. Снави торопливо ели. Смуглая Фрисс улыбалась и вздыхала – ей очень хотелось принять ванну, а мечта, как выяснилось, так близка к исполнению! Деяна недоверчиво косилась на князя Тайрэ, которого помнила черным от боли и сломленным как предательством брата, так и гибелью родных. Ками из-под ресниц наблюдал за айри, примечая его необычную манеру двигаться – мягко, легко и вроде бы медленно. Тоэль углядел и усмехнулся.

– Ты родом из-за гор Лэй'ян. И потому видишь отчетливо, что я проходил там обучение в свое время. Да, так и было.

– Вот что меня беспокоит, – кивнул Ками, – ты его проходил у мастеров, школу и технику которых мы утратили два поколения назад. Основатель почти не брал учеников. Его последователи поступали, увы, так же. Меня учил последний из них. Но снави не принадлежат себе, я вынужден был покинуть родину слишком рано. Потом вернулся, а его уже не стало. Я мечтал завершить обучение. Всегда, и вот – вижу тебя теперь, когда так нелепо сбываются невозможные пожелания. Неужели и это станет явью, куда более трудное, чем бессмысленное требование луны с небес?

– Я не получил от Бир’ги право учить, – вздохнул Тоэль. – Он говорил, моя душа не наполнена. Но, возможно, твоя полнота Говорящего с миром искупит нарушение его воли. К тому же ты из родного ему племени ш’ати. Наш путь долог, и время найдется.

– У него тоже есть к тебе вопрос, даже почти желание, – вмешалась в беседу Джамии. – У нас двоих с айри. Девочку зовут Миратэя, ей десять, она слепа от рождения. Лишена глаз, так точнее: только сросшиеся пустые веки. Но у нее, мы уверены, есть дар снани. Что в таком случае вообще можно сделать?

Ками долго молчал. Потом стал говорить, и его время от времени дополняли женщины. Говорил он тихо и неспешно, бережно подбирая слова не слишком привычного языка княжества Карн.

Он начал жизнь у озера в горах. Ничтожный подкидыш, не знавший родителей, слабый и больной. Может, потому его и оставили у тропы. Там редко бывали люди, и мальчик, еще не умевший толком даже ползать, был обречен. Но учитель нашел его и подобрал, истратил дюжину лет на лечение травами и иглами, гимнастикой и массажем. Не выгнал и позволил изучать мастерство, закрытое для прочих. Неполный год он, пятнадцатилетний Кха’мии, пробовал даже работать с оружием, когда пришли Говорящие и сказали – ты должен выбрать. В тебе дремлет дар, позволяющий помогать людям, но он не обещает ни легкой жизни, ни славы, ни достатка. Только непосильный труд и дорогу. А еще – спасение для многих, кто гибнет от засух, наводнений и смерчей, мора, лихорадки, врожденных уродств. Сейчас можешь решить: жить здесь и быть прежним – или отказаться от всего и получить дар целиком.

Он не хотел оставлять учителя, уже слишком старого для своего одинокого житья. Он, что уж там, порой думал о славе бойца и достатке. Но учитель отказался от этого, и остался лучшим. И учитель хотел видеть его помогающим людям, а не убивающим их во славу школы или ради золота. А еще кто-то должен помогать иным детям, брошенным недобрыми людьми на обочине жизни. Потому он принял дар и все его ограничения. Не жалел об этом, нет. Столько, сколько увидел с тех пор Ками, иные не рассмотрят за десяток жизней. А так видеть мир не сумеют и через сотню. Не встретят подобных друзей и не научатся исцелять от неизлечимого.

Выбор дал ему первую, ученическую, ступень владения пробудившимся даром. Прочее он получил от второго своего учителя, живущего в мире так долго, что его знали все поколения снани, наверное. И, кажется, нечеловека, люди так долго не пребывают в теле живых, даже святые.

Потом он начал работать, как все, – спешил туда, где зовут из последних сил в безысходной беде. Такой горькой, что снани слышит голос их душ издалека и отзывается.

Он лечил и больных слепотой. Однажды, лет шесть назад, пробовал исцелить женщину, от рождения незрячую. Безуспешно: она начала различать свет и тень, но рассудок отказался от непривычного и сознавал зрение, как мучительную и непроходящую боль. Женщина не смогла научиться видеть мир, хотя очень старалась. Ее глаза пришлось усыпить снова. Еще он лечил мальчика, младенца не старше полугода. И все получилось. Ребенок плакал несколько дней, но постепенно дело пошло на лад, год назад Ками видел исцеленного: совершенно здоров и уже подрос, бегает.

Деяна кивнула – ее опыт говорит, что вернуть зрение можно лишь детям до полутора-двух лет. Увы.

Ками чуть помолчал и неуверенно продолжил свои мысли. Если девочка имеет зачатки дара, ее можно попытаться провести через посвящение. Первое даст ей немного, но есть и второе, которое он прошел пять лет назад.

Оно раскрывает дар очень глубоко, позволяет существенно переоценить свои взгляды на жизнь и точнее найти в ней место. Более того, меняет человека внешне, полностью соединяя его с миром и создавая облик, точный и естественный для нового сознания. И он полагает, что

если внутренне Миратэя видит мир, она сумеет открыть глаза. Но сказать, так ли это, способен по-настоящему лишь учитель снавей, древний Рин. Тот, кто чувствует всех Говорящих с миром и кто направил их троих за океан, где гибнут носители дара.

– Значит, раньше шестнадцати, а скорее всего, даже восемнадцати лет, она не сможет стать одной из вас, – кивнула Джами. – Хотя какая-то ясность, спасибо за рассказ.

– И вашего учителя мы едва ли решимся беспокоить иначе, как решив проблемы на том берегу океана, – добавил Тоэль.

– Славная госпожа Криста, все исполнено по вашему слову, – отлип от стены хозяин, терпеливо ждавший там паузы в общей беседе. – Одежда приготовлена, ванны наполнены, я раздобыл восхитительную вытяжку из мыльного корня с ароматом кнэйрских роз, дивные полотенца с мягким ворсом петельками – чудо из чудес. Еще имеются масла для массажа, халаты тонкого мягкого льна с узором, костяные гребни, удобная дорожная одежда и...

– Я учту и халаты, и гребни тоже, – кивнула Джами. – При окончательном расчете и в разговоре со знакомыми. Если мои спутницы будут довольны, само собой. И... более сегодня я вас не задерживаю.

Он удалился, униженно кланяясь и рассыпаясь в извинениях и пожеланиях. Фрисс торопливо встала и, едва кивнув всем, почти бегом заспешила навстречу мечте. Ками уточнил, где двор, и есть ли там полотенца, и тоже ушел. Неугомонная Джами, за день превратившая «клоповник» в приличное заведение, где умеют ценить гостей, решила лично убедиться в качестве ванн. Риэл устало улыбнулся, удивляясь неисчерпаемой энергии девушки, и пожелал остающимся за столом двоим – Тоэлю и старшей снэви – спокойной ночи.

Деяна качнула головой, поставила локти на стол, сплела пальцы и поместила на них подбородок. Ее серо-зеленый взгляд, нацеленный на Тоэля, оказался тяжел и задумчив. Женщина спокойно и сосредоточенно искала контакта с его сознанием. Нащупала, и снова качнула головой, словно не вполне охотно соглашаясь с обдуманной ранее идеей.

– Я убеждена теперь, что наш учитель тоже айри, – совсем тихо сказала она. – Он слушает, как и ты, и понимает нас без слов. Хотя его сознание теплее, полнее и старше твоего, молодой дракон.

– Не скрываю причастности к роду крылатых, – вздохнул Тоэль. – Я – бывший дракон, уже почти семь веков, как разучившийся летать. И пока еще не повзрослевший, ты права.

– Иначе бы знал, что разучиться летать невозможно, – улыбнулась снэв. – Куры от альбатросов отличаются не размахом крыльев. Просто одним надо ловить ветер и обнимать крыльями мир, а другим вполне достаточно ловли червяков и высоты ближайшего плетня для полного счастья.

– Вот я и чувствую себя еще хуже, чем курица, – смущенно кивнул Тоэль.

– Ты, глупый недоросль неполных семисот лет, точно не курица, – рассмеялась она. – Ты стриж. Слишком большие крылья, очень короткие лапки – всегда должен быть в воздухе. Стрижи с плоской поверхности не могут подняться сами и гибнут, однажды угодив на землю. Чтобы взлететь снова, тебе нужна помощь. Я не знаю, как и кто может тебя поднять на крыло. Ты сам разберись, ладно?

– У меня получится?

– Уже получается: ты оказываешься там, где нужен, раз за разом. Вот хотя бы – я была уверена, что князь умирает, а он возмутительно весел и безнадежно крепко здоров. Месяц назад погибал от истощения сил – и физических, и духовных. К тому еще я пролечила у него довольно тяжелую рану с большой потерей крови.

– Как это было?

– Брат Риэла решил поссорить всех и дожидаться, пока война сожжет сильных и согнет прочих, – усмехнулась Деяна. – Он все делал тихо и гнусно. Несколько лет выкармливал пиратов, давал деньги для найма новых головорезов и строительства судов. Подстраивал гибель знатных и уважаемых людей и бросал тень подозрения на соседей. Бэнро едва поспевал охранять свои гавани да приглядывать за самыми основными путями купцов вдоль берега. В общем, уже минувшей зимой никто никому на островах не верил и каждый искал вокруг лишь врагов и повод для усобицы. Дополняет картину странная болезнь старшего князя Тайрэ, якобы случайное отравление рыбой, очень тяжелое. По сути, юг островного края остался без присмотра правителя, на что и был расчет. Риэл спас, не побоюсь сказать так, весь Архипелаг. Никого другого они бы и слушать не стали. Он умудрился вернуть в здравое состояние рассудка семнадцать знатных родов из двадцати, твердо стоявших за войну. Это более семи десятков замков, больших и малых. Один, с малой свитой из своих безумных матросов, готовых идти за ним к демонам океана, он просто приезжал или приплывал к каждому и разговаривал. В каменные мешки пяти-семи, а то и десятисаженных стен, под стрелы, нацеленные из всех бойниц. Его принимали по-разному, порой пытались выгнать и даже унижать, потом все же слушали. И признавали правоту. Ему верили на слово – если прошлое забыто, значит, забыто. Если Риэл обещал нечто сделать, это сделано. Род Тайрэ в его лице снова признавали своими правителями и отказывались от участия в страшном и позорном, ведь пираты никому не могут принести пользы. Замок за замком, порт за портом. Его предки от начала памяти правят на Таире, но и соседний Кимиз, и мелкие острова – их исконные вассалы, а Мрайс разобщен внутренним раздором и никого не слушает. Его выслушали и там.

– Архипелаг фактически надвое поделен между Бэнро и Тайрэ, я знаю, – кивнул Тоэль, медленно приходя в себя после странного разговора о птицах, когда он твердо осознал: женщина напротив в десять с лишним раз младше его и во столько же раз мудрее, – бывает, оказывается, и так.

– И наконец наступил жуткий час, когда тайное вскрылось, перед рассветом к гаваням подошли пираты и сторонники его брата, не сумевшего заполучить всю власть. И решившего для начала взять под контроль юг, вернуть себе поддержку бывших сторонников войны, а уж затем приняться за Бэнро не таясь. Пожар войны разгорелся в полную силу. Мы вмешались поздно, я в этом себя часто корю. Должна была почуять беду раньше.

– А в чем винит себя он?

– В том, что не сумел разглядеть чудовище под забралом лжи, прикрывавшем мысли и дела брата. И что не сумел опознать брата в закованном в латы монстре – тоже. И добавлю: Таир оказался очень жесток к своему обожаемому князю. Они обязаны были отпустить его, убитого горем, хоть и на время, но не смогли. Сестра испугалась, что ее не примет знать. Знать и того сильнее испугалась, что любой другой правитель припомнит, кто кого поддерживал и подначивал до большой крови. Они требовали, давили, угрожали, умоляли его, совершенно изведя. А еще бессонница из-за тучи бед более простых людей, потерявших всё. До них в первые дни, кроме Риэла, никому дела не было. Он и расселял, и кормил, и выслушивал. В ночь после похорон отца и дяди князь Тайрэ исчез без следа, оставив завещание на имя сестры.

– И забился в дальний вонючий угол чужого порта, где его и обнаружила наша змейка Гашти, лучшее лекарство для душевных ран.

– Пока – да, – согласилась Деяна. – Но я с трудом верю, что эти двое могут остаться просто друзьями, как это выглядело сегодня. Она далеко не «торговка», хотя временами намеренно ведет себя слишком резко. Это привычка и маска. Там, где мужчине достаточно лишь положить руку на кинжал, слабую заведомо женщину послушают лишь после подкрепленных чуть ли ни кровью угроз. Она умеет быть убедительной. И достойной восхищения. Вот он, полагаю, однажды и окажется готов никогда не возвращаться домой, лишь бы сделать возможным то, что никто не простит князю.

– Так уж и не простят?

– Увы. По мужской линии – он последний в роду Тайрэ, сестра – приемная дочь дяди от первого брака его жены. И, как правящий наследный князь, он может взять в жены лишь женщину, имеющую весьма знатное происхождение, или хотя бы – что на грани приличия – уроженку Таира, но обязательно по личному соизволению Бэнро, нынешнего верховного правителя Архипелага. Лишиться родины для него очень страшно, это значит предать свой долг. Так или иначе, но любое решение сделает его несчастным.

– Вот страсти-то на ночь глядя! Ванна остывает, кстати.

– Ты прав. Но я еще не загадала своего желания, а ты все-таки дракон, и прочим уже помогаешь, – лукаво блеснула глазами Деяна.

– Давай, – обреченно кивнул Тоэль.

– Придумай способ дополнить имя отца нашей Багдэш званием магистра, это сделает их семью равной в правах с уроженцами островов. Джамы не слишком нужна торговля. А мальчику очень важно хоть немного расширить список из восьми знатных дур. Магистр – не родовой титул. Его можно получить лишь за особые заслуги. Вернемся – ты к тому времени и прикинь, чем Багдэши смогут заслужить, а? Уж больно хорошо эти двое смотрятся рядышком.

– Я жалею, что никто не запросил луну, – усмехнулся Тоэль, – было бы проще.

– Спокойной ночи, стриж. Хотел бы жить, как проще, – не сидел бы с нами.

Он кивнул и вышел в темный внутренний двор. Пустой и тихий, плотно выстланный во много слоев теплой прелой влагой тумана, пахнущей старым сеном и факельным дымом. Сел возле многочисленных емкостей с водой, умылся и задумался надолго. Что может дать Архипелагу уникального и бесценного славный дабби Амир Багдэш? Он прекрасный человек, его дочь совершенно очаровательна, умна и добра, у нее сильный характер. Увы, этого мало, как и денег, услуг или подарков. Возможно, Деяна права, решать задачу вообще рано: еще ничего не случилось, и пока капитан и его гостя вполне мило и невинно дружат. Он понимает свой долг. Джамы вполне отчетливо осознает, как ей далеко до претензий на место княгини, да и не мечтает она о родовом замке! Вот только дело не в месте, а в человеке.

Еще недавно Тоэль не решался всматриваться в души пристально, а теперь попробовал и удивился. Сверху он видел мир и любовался его красками. Здесь, внизу, он получает не меньшее удовольствие, оказывается, от созерцания душ. И началось все с маленькой Миратэи, показавшей ему свое видение окружающего. Слепое, но полное доброты и внимания.

Он ковал клинки, думая о составе сплава, легирующих добавках и форме, о закалке и отпуске стали, о полировке. Но не о руке и душе будущего владельца. Каким был бы клинок, решишь он создать оружие для Джамы? Тоэль устроился поудобнее, откинувшись на стену дома. Прикрыл глаза.

Конечно, сабля. Легкая, упругая, и с хорошо защищенной гардой. Северного типа, с узорным лезвием почти ровной ширины по всему клинку, относительно небольшой кривизны, как у конников народа...

Нет, не то. Он и прежде делал оружие для красоты и прочности. Любой девушке сложения Джамы – невысокой, хрупкой, тонкой, – он бы предложил именно саблю. Но ведь сейчас он думает про бесподобную Джамы Багдэш, а не какую-то незнакомку, похожую на нее внешне. Трудно представить иную – и похожую... Кто такая Джамы и от чего ей нужна защита? Или для «одинокого цветка розы» первично нападение?

Словно подслушав мысли, синеглазая возникла рядом. Не замечая Тоэля, устало прошла через двор, опустила руки в воду по плечи, выбрав глубокую бочку, окунула лицо. Резко выпрямилась и встряхнулась, тихонечко рассмеялась. Ей нравилась новая жизнь: бриг, люди капитана, обожающие своего «бродягу Тая» и готовые оберегать его; безмерно знатный и совершенно не кичливый магистр; снани, так неожиданно пришедшие, и очень простые в общении;

личный дракон, решивший помогать маленькой сестренке – Мире. Здесь ей было легко и интересно. Куда интереснее, чем за столами таверн, где обсуждались сделки, в лавках купцов, показывающих диковинные чужеземные товары, даже в караване. А еще ей очень нравилось море.

Джами зябко вздрогнула и обернулась, осознав постороннее присутствие – то ли в своем сознании, то ли во дворе. Подошла и пристроилась рядом.

– Снави добирались сюда без отдыха, – сказала она совсем тихо. – Очень трудная у них жизнь. Я бы не смогла отказаться от всего ради чужих людей.

– Неблагодарных, – добавил Тоэль.

– Увы, да. Семь лет назад в Кумате был мор, и их звали, как последнюю надежду. Клялись все отдать за спасение. А потом даже к столу городского головы на праздничный ужин в честь спасения от недуга не позвали. Он – голубых кровей, князю родич. А у девчушки, лечившей нас, не было даже толковых сапог. Ее от слабости качало. Голова бросил в осеннюю грязь кошель и ушел. За деньги сыну жизнь купил, вот как он решил. Женишку моему, который весь в папу, – душу-то ему купить забыли.

– Ты ее хоть накормила?

– Мы с мамой. Накормили, одели, в дорогу собрали. Уговаривали зиму переждать, но она спешила. И, совершенно как Мира, не желала огорчаться из-за людской глупости. Говорила: дети живы – значит, все удалось. Нет, я бы так не смогла и не стала. Я другая.

– Снавей и не может быть много. А прочие должны жить иначе. Хлеб растить, скот пасти, править, голове вашему мозги на место вставлять, раз сердца нет. Или его выставлять из города. У тебя есть иной дар, ты умеешь людям помогать, даже когда они делают вид, что в помощи не нуждаются. Как та снавь без сапог или наш князь, попытавшийся отвернуться от жизни. Ты замечательная, Джами Багдэш. И я рад, что мы поплывем вместе.

– Спасибо.

– А пока – иди спать. Завтра целый день грузить и крепить, таскать и размещать. Ты же станешь приглядывать и опять не отдохнешь.

– Я выносливая. И мне очень нравится «Лебедь». Он красивый и быстрый. Не зря он здесь ценится, как хороший конь в степи, не на золото, а как кровная родня...

– Именно так, флот для Архипелага – это... идеальное решение нерешаемой проблемы! Вообще-то их корабли весьма убоги и медлительны, что нам на руку, – Тоэль рассмеялся. – Именно так. Джами, гонец к матери уже уехал?

– Утром отправляется. Бикар сам из экипажа выбрал юнгу, мальчишка чуть не плачет – без него поплывем.

– Пошли. Ты должна помочь мне описать отцу один маршрут, который обязан остаться для прочих тайной. Мне следует кое-что поручить Амиру, и очень важное.

Письмо он писал долго. Сперва Джами усердно зашифровала маршрут со всеми ориентирами в понятную лишь их роду систему обозначений. Прочее Тоэль дописал потом, в одиночестве, проводив девушку до комнаты и поднявшись в свою. Там и правда было жарко, и к тому же влажно, под самой-то крышей. Но Ками духота спать не мешала, люди народа ш'ати вообще весьма легко переносят превратности погоды. Айри испортил несколько листов бесценного пергамента, подбирая слова и наиболее грамотно и точно составляя инструкции. Времени мало, едва ли у них получится, но все же! Вот вернется обратно – и узнает. Будет интересно поглядеть! А уж как удивится Деяна...

Утром начался нормальный «ужасный ужас» по определению Джами, единственной из всех – абсолютно спокойной и собранной в водовороте дел, несущем крупные бревна опасных проблем и еще более противные мелкие щепки ссор, спешки, путаницы, неразберихи и суеты. Невысокая, способная яростно спорить и ехидно доводить собеседника, она потрясла экипаж

иным, неожиданным и редкостным, умением: знать о погрузке все и замечать даже ничтожные проблемы. И держать в крепких руках весь процесс, оставаясь вопреки любым склокам и неприятностям совершенно ровной в поведении.

Нанятые дополнительно грузчики работают небрежно. Кто старший? Немедленно заменить тех троих, они кряхтят за шестерых, а грузят неполную меру одного. Нет, не надо говорить, кто и при каких обстоятельствах способен исправиться, за святость она не доплачивает, только за перемещенные мешки, тюки и бочки.

Вместо коричневого риса предложили шлифованный белый, он куда дороже, в чем же недовольство? Заменить, или через час рис будет получен у иного торговца, с хорошей памятью. Нет, муку такого качества она тоже не могла оплатить. Мешки должны быть плотные и с целыми швами. Иного размера, она точно помнит, что и где видела вчера, эти с другого склада.

Чеснок прошлого года в таком количестве подойдет, но не этот, в верхних частях косиц явная гниль. Нет, синий плоский лук не нужен, хоть он и сладкий, очень плохо хранится. Заменить, это еще вчера оговорено. Пряности пусть проверит Тоэль, ему можно доверять.

Что тут делают моряки, которым пришло время обедать? Еда заказана, и голодные, щелкающие зубами попутчики ей не нужны. Уже вызвана смена, марш в трактир!

Да, бочковые вина именно такие, все подвезено в соответствии со списком. Спасибо, если есть еще три бочки – она возьмет и доплатит. Ром пересчитан Бикаром, хорошо. Он следит за загрузкой и развесовкой?

Солонина вполне аппетитна, устраивает. Проверять? Она еще не сошла с ума и знает, за кем не требуется приглядывать, уважаемый Литропос всегда исполняет свои обещания. Копчения – в дополнительную упаковку, обязательно.

Ящики в верхние трюмы, отдельно.

Если капитан прекратит шуметь, он скорее будет понят. Да, это подозрительно похоже на товар: шелк, фарфор, цветное стекло, пряности, несколько клинков, пушнина. А с чем он, князь, собирается показаться на берегу, если придется общаться с местными властями? Нет, можно не извиняться, вид и так жалкий.

Посуду грузить отдельно, бережно, сдать коку эту и еще ту. Серебро? Да, тоже на корабль, это она вечером прикупила у знакомого мастера для каюты князя, стыдно пить из мятого. А сам-то так уютно молчит, и спасибо: не его деньги истрачены...

Паруса заиграли сиянием слепополуденного солнца.

В это никто не верил, но Джами умудрилась загрузить совершенно пустые трюмы за несколько часов. И теперь устало переругивалась с князем, забавляя сनावей и магистра. У них нашелся такой интересный повод!

Ризл обнаружил на борту собаку.

Зачем ему морской пес? Мелкий, злобный и уродливый! Ловить крыс и воспитывать очень грубого капитана... ну, если так, то ладно, но кормить его будет Джами из своей доли припасов. Деяна дождалась окончания очередной порции извинений и, пока не высказаны новые претензии, включилась в разговор. Она предложила использовать дар для ускорения путешествия: паруса наполнять не слишком трудно. Когда ветер будет уходить от нужного направления или ослабевать, снави помогут. Можно уже начинать? Хорошо.

Сनावь уселась с полным удобством на носовой надстройке, вроде бы лениво изучая горизонт неспешно перемещающимся по синей кромке моря и неба взглядом. Через несколько минут ветер усилился и чуть сместился, вливаясь в паруса всем своим потоком. «Лебедь» с шелестом раскрыл все дополнительные «крылья», набирая ход.

– Двенадцать узлов! – гордо сообщил боцман.

– Для своей конструкции «Лебедь» неплох, – сдержанно кивнул Тоэль на оптимизм капитана.

– И насколько лучше мог бы сделать конструкцию Ладимэ? – понятно прищурился тот.

– По ходу – вдвое, полагаю. Но меня куда более беспокоит примитивность нашего парусного снаряжения, его площадь крайне мала, а размер паруса, наоборот, велик и затрудняет работу с ним. Далее: избыточная валкость и рысканье, низкие мачты в три стеньги. Впрочем, глупые опасения, когда на борту одаренные.

– Я бы хотел увидеть настоящий корабль с таким ходом, – вздохнул князь.

– Ты, кажется, последний, кто мне еще не загадал желания. Как дракону, – лукаво уточнил Тоэль. – Это оно и было?

– Почему бы нет, – задумался Риэл. – А пока что я сам расскажу о нашем путешествии. Я почти ничего не знаю о водах вне прибрежной зоны. Но обсуждал нашу цель с Ками, а он прежде общался со снавями того берега. Птицы переносят их через большую воду, сильно забирая к югу, там есть длинные цепочки малых островов, их Ками назвал как «жемчужную нить дня», поскольку тянутся от восхода к закату: птицы и знакомые им сnavи считают от своего берега. Птицы делают даже с седоками четыре-пять сотен миль в перелет, огромное расстояние, нам на такой путь потребуется неделя при среднем ветре. И одолевают океан за пару недель, посадки и отдых я исключил для простоты подсчета. Зато добавил рифы, вроде есть по словам Ками, отметил наше незнание пути, случайности. Итого – самое малое три месяца.

Тоэль кивнул согласно. Он с любопытством наблюдал, как крепко сбитый уродец на четырех коротковатых лапках обходит поочередно вахтенных, боцмана, рулевого, Ками – и постепенно приближается к капитану, бочком, умильно шурясь и пытаясь заискивающе растянуть уголки губ. В зубах рыже-черный малыш сжимал два крысиных хвоста, трупы тащились по палубе. До самого княжеского сапога. Короткие рваные уши гордо встали, тощий хвостик-нитка, укороченный в драках наполовину чужими стараниями, приветливо дрожал.

Джами подобрала это пятнистое безобразие возле мусорной кучи. Погладила, нарекла Рифом и принялась спасать: жалкого, голодного, порванного более крупными собратьями в неравном бою – схватке одного чужака со всеми местными. Ками вылечил. Фрисс накормила. А хозяином в итоге оказался избран – вот чего только не случается в жизни – капитан, недовольный своим беспородным пассажиром. Риэл долго смотрел на крыс, затем нагнулся и потрепал их убийцу по тощей – ребра видны – но мускулистой, спине. Хвост заработал в полную силу, вовлекая в движение все тело Рифа.

– Боцман, трупы «пиратов» выбросить за борт, – строго распорядился князь. – Пса зачислить в экипаж и поставить на полное довольствие.

Следующие два часа Риф блаженствовал, устроив морду на облюбованном левом сапоге хозяина. Затем бушприт «Лебеда» уперся в закатное солнышко, подталкивая его дальше, на запад, и утомленная Деяна отпустила ветер до утра.

Бриг замедлил ход. Джамии пригласила офицеров и пассажиров на вечерний грег.

Три месяца день за днем будет так или почти так, – лениво подумал Тоэль. Утром он станет заниматься с Ками под хищными взглядами магистра и капитана, которые рано или поздно присоединятся к урокам. Неплохие бойцы. Князя не зря прозвали Угорь, явно имея в виду морскую змею, – гибок, текуч, силен и мягок в движении. У него длинные мышцы опытного пловца и отменная реакция. Опасный боец, обманчиво легкий и неспешный на первый взгляд.

После тренировок, спланировал дальше свой день Тоэль, – пара часов общения с благородным Тиссэ, упорно пишущим книгу по навигации. Интересное дело, нужное. И человек подходящий, этот не станет скрывать знания и делать их достоянием только своей семьи.

Отдаст Бэнро в переписку для всех капитанов и морской школы в столице Индуза. После обеда – пара часов на свои дела и мысли. Потом еще одна тренировка – и день окончен.

Закат. Он привыкнет смотреть закаты день за днем, всегда разные и удивительные. Особенно приятно: смотреть он будет не один, а напару с Джамми, уже накрепко влюбленной в океан. Даже осенний, с быстро остывающим хлестким ветром, пасмурный, он будет великолепен. Пустыня вод куда как изменчива, пески не могут тягаться с ней в капризном разнообразии тонов, узоров и фактур. Деятельный характер Джамми очень сродни морю. С утра солнышко блестит на мелкой ряби, затем из тонкого штриха далекого облачка возникает шквал и уходит, оставляя потрясенных и не верящих еще в свою удачу уцелевших моряков смотреть на дивный закат и ловить в его цветах и формах намеков на завтрашнее настроение погоды, не напрасно причисляемой к женскому роду.

Он не ошибся в ожиданиях. Плыть на «Лебеде» оказалось приятно и интересно. Фрисс и Деяна отдыхали, им было непривычно иметь столько времени для себя. Они уверенно поддерживали ветер и ловко выводили бриг из зон плохой погоды, предвидя штормы и швалы осени и порой смягчая их.

Джамми, неугомонная и часто замечаемая разом в двух или трех местах, пекла пироги и блины, собирала травяные настойки на основе рома, подначивая к этому безобразию снэвей и используя их лекарский запас. Еще изучала хорошие манеры с магистром и даже танцевала с офицерами, училась работать с парусами и взбиралась на верхний рей. Риф деятельно таскал крыс, упорно укладывая их на левый сапог хозяина, а ночами – под дверь его каюты. Постепенно Риэл пришел к неутешительному выводу о засилье серых «пиратов» на своем корабле, с которыми бороться способен лишь один член экипажа, достойный, наверное, офицерского звания. Пес оказался настоящим сокровищем: он не лаял и не выл, знал место и охотно забавлял матросов, прыгая на задних лапах, выманивая подачки с умильным видом, охотно и легко обучаясь самым нелепым командам. А еще был драчлив, обладал убийственной хваткой и уникальной прыгучестью.

Все были при деле и довольны. Холодало медленно, погода словно решила вернуть тепло, не отданное за лето, и побаловать солнышком, усердно прятавшимся за облаками весь июль.

Берег они увидели на восемьдесят седьмой день пути. Его появления ждали: уже приметили альбатросов, чаек, мелких птиц, уже цвет воды изменился, несколько раз показывались поодаль острова и скалы. Говорящие с миром снова и снова советовали чуть подправить курс, ориентируясь на свое чутье, упорно ведущее к месту, где последний раз их учитель воспринимал сознание погибших. Ночами хоть один обладатель дара постоянно дежурил на палубе, вслушиваясь в мир: темно, нельзя упустить мелководье. Ночи ноября холодны, хоть за время плавания бриг сместился к югу даже относительно теплого климата Римаса. Но зима и здесь готовилась установить свои порядки.

Неведомый край оказался приветлив и открылся ранним утром, в солнечный день. Он встретил гостей поздним блеклым золотом незнакомых деревьев, светлыми скалами из мягкого песчаника, зябким и очень красивым туманом. Деяна уверенно указала на юг – там есть город, недалеко, неделя морского пути. Потом одаренные образовали круг, соединили ладони и вместе принялись искать здешних снэвей. Тоэль подошел и встал четвертым. Хоть всего он и не умеет, сейчас нужен каждый, кто способен помочь.

Он же порвал кольцо рук.

– Не понимаю, – нервно вздохнула Деяна. – Один поблизости, но нас не осознает, просто присутствует. И есть нечто иное...

– Айри, – тихо пояснил Тоэль. – И они нас, то есть вас, могли опознать.

– Они помогут? – неуверенно уточнила Фрисс.

– Если спешишь на тот свет – то да. Охотно, – скривился Тоэль. – Капитан, в скалах есть узкий проход, я успел рассмотреть, когда наши сознания объединились. Там бухта, надо срочно спрятать корабль. Это возможно?

– Так сразу – спрятать? – нахмурился Риэл. – «Лебедь» вполне крепкий, у нас есть оружие. И сами мы не дети.

– А они – не люди, – еще более хмуро добавил Тоэль. – Одного я узнал. Уж скорее нелюди. Сто тридцать лет назад я почти убил его. Жаль, оттащили... Я не входил в наш высший свет, в свое время сам не захотел, когда звали, тошно это. Он – как раз собирался туда попасть. Хотя был молод, неполных двести, но уже вполне хорошо разобрался, насколько ему не нужны крылья. Деяна, помнишь историю про альбатросов и кур? Так вот, этот – крыса. Как его крылья-то носили! Да разворачивайте посудину, ради всех Богов, драконов и демонов!

– Я помогу, – коротко кивнул Ками, и течение подтолкнуло бриг в корму.

– Покажу дно, – добавила Фрисс.

– Шлюпки на воду, заводите канаты, – согласился князь. – Готовьте кранцы, шесты, страхуйте борта, скалы пройдут близко.

– Деяна, – поймал ее Тоэль. – Я правильно понял, что ваш не отозвавшийся друг в горах? Чуть к северу и довольно далеко.

– Да, по моим оценкам – три-четыре пеших перехода.

– Мало. Мы не успеем, – резко бросил Тоэль. – Они быстро доберутся, за час, не более. Увидят бриг.

– Туман? – предложила она. – Можно проливной дождь и «жуткую жуть», как говорит Джами. Все условия по погоде есть.

– Самую «жуткую жуть», – чуть более спокойно кивнул Тоэль. – Быстрее!

Час спустя, промокшие насквозь и продрогшие до костей, моряки зло и стремительно крепили нервно ворочающийся бриг врасяжку на якоря в узкой бухте. Серая пелена задевающих макушки туч истекала ледяным ливнем, ветер крепчал и рвал с плеч куртки.

Тоэль вдруг резко поднял голову и указал князю на странное движение в прогале водяных смерчей и струй. Двигалось непонятное: подобное капле, матово-стальное, неживое. Скользнуло и пропало без звука и следа. Айри устало сел.

– Не заметили, – выдохнул он. – Всё, ушли. Не вернутся, я их услышал и понял.

– Они тебя?

– Нет, чем ты более крыса, тем хуже воспринимаешь сознание. Полчаса – и можно разгонять «жуткую жуть», Деяна! Уж больно удачная она получилась.

– Не смогу, – виновато вздохнула сnavь. – Перестаралась. Условия погоды располагали к шторму, я его с ночи придерживала. А затем усилила и ускорила. Успокаивать погоду надо втроем. Можно пытаться погасить, но едва ли получится. Зато нас смогут снова услышать.

– Ладно, – кивнул Тоэль, – раз так, я пошел. Два дня туда. День на изучение. Два дня обратно. Ждите.

– Мы пошли, – мягко уточнил Ками.

Айри вскинулся спорить – и не стал. Ками умеет ходить по горам, он силен и быстр, а его дар яростен. Вдвоем будет вернее. В каюте их уже ждала тихая и серьезная Джами, с сухими вещами, продуктами, оружием, штормовыми плащами, веревками... Она успела продумать, собрать и принести все необходимое для двоих. Неоценимый человек в трудные моменты. Даже грог у нее готов. Переоделись, согрелись, уговорились о встрече и действиях в случае невозвращения.

Риф торопливо запрыгнул капитану на колени и вертелся, выискивая врага, тихо и зло урча. Что почуял он? Может, их общее настроение. Но Риэлу суета маленького защитника пошла на пользу – князь чуть успокоился и обещал не делать ничего пять дней, считая от полуночи. Шлюпка отвезла айри и его спутника на берег и мгновенно исчезла в сером потоке воды, льющейся из переполненных небесных озер, покинувших берега туч. Тоэль довольно кивнул: бриг никто не увидит здесь. Хорошее место.

Они разобрали легкие мешки, укрепили оружие и проверили снаряжение. Первым вверх по скале пошел Тоэль, для его сильных и опытных когтистых рук подъем по иссеченной, глубоко разрушенной ветром, круче был делом простым и быстрым. В сумерках оба уже стояли наверху, пытаясь разобрать дорогу. Над бухтой начиналось плато, изломанное трещинами и разделенное провалами. Без дара Ками искать проход пришлось бы долго. А так – они относительно легко миновали побережье и начали подъем в горы. Тучи лежали на самой поверхности океана, прижимая волны своим брюхом, и четырем десяткам сажень выше уже оказалось не так сыро и мерзко. Можно было бы отдохнуть и вздремнуть. Но останавливаться близ брига обоим не хотелось, и они упрямо ползли все выше. Пока не увидели чистое небо позднего вечера и не осознали, как мучительно мерзнут. Ками молча указал направление: там пещерка, пустая. Плащами завесили вход. Достали почти насильно втиснутый в мешки упрямой Джамии древесный уголь и разожгли его, спасибо еще раз дару, рождающему пламя. И дочери дабби, впихнувшей в мешки белье из невесомого тончайшего пуха. Часом позже оба спали, уже в относительно сухом. И в тепле. Под скалами хрустко охали молнии, кроша камень и зло споря с сезоном, совершенно не подходящим для гроз. Сквозь дрему Тоэль отметил: непогода, благодарение небу, упорно стоит на месте. Очень удачно, никто ничего не заметит. А потом будет легче: он хотя бы попытается понять, что же здесь происходит. Почему его сородичи, безразличные к миру, но обожающие комфорт, в гнусный предзимний сезон покинули свои привычные горы ради этих, незнакомых. И насколько велика вина айри в гибели снавей.

Полночь принесла с собой ужас, острый, как лезвие. Сон распался под его клинком болью свежей раны.

Тоэль тяжело встряхнул гудящую голову, вынуждая ее к бодрствованию. Сознание было мучительно раздвоено и затуманено, ему стоило немалых усилий прорваться в явь. Пещера, сумрак, боль в основании черепа, духота. Сам он в паре шагов от расстеленного плаща, на камнях, в странной позе уклонения от удара, мешок раскрыт, вещи разбросаны... И, что гораздо хуже, – Ками рядом нет. Вообще в пещере нет. Даже мешка Говорящего не оказалось. Убедившись в неприятном, Тоэль окончательно пришел в себя. На затылке обнаружилась причина тупой боли – здоровенная ссадина. Если бы он не жил среди людей так долго и не привык к их мерзкому обычаю убивать спящего «демона», сегодня бы и не проснулся, пожалуй. Морщась, ощупал рану. Трехгранный кинжал, оружие ш'ати? Нет, всего лишь острый камень. Срезана кожа и довольно глубоко проколота шея у основания свода черепа.

Больше айри не торопился, аккуратно промыл и обработал рану, остановил кровь. Осмотрел пещеру повторно, пользуясь светом лучины. Внимательно проверил снаряжение, оделся, заново собрал и укрепил на спине свой небольшой груз, убедился в удобстве расположения рукояти меча. Он умеет видеть след и на камнях. И двигаться быстро тоже умеет. А волнение и спешка – роскошь непозволительная. Ну вот, он готов, в путь!

Ками следа не прятал. Видимо, он шел, так и не очнувшись от сна, который правильнее назвать кошмаром. Спотыкался, падал, ронял вещи и уже не нагибался их подобрать. Бросил свой короткий клинок... А вот и его ножи.

Впереди наметился спуск в долинку, Тоэль прибавил шагу. С верхней точки, у перелома рельефа, он различил далеко внизу фигуру Ками, с нелепой слепой поспешностью бредущего по камням вниз. Вот он не удержался у опасного поворота тропы, упал на колени, пополз, ощупывая путь. Сорвался и посыпался, даже толком не группируясь, руки опасно раскинуты.

Тело замерло у подножия скал, неподвижное и бессознательное. Тоэль мягко прынул вперед. Он вырос как бескрылый именно в горах, и умел двигаться по камням с удивительной скоростью. Пару минут спустя он уже склонился над разбившимся человеком.

Жив, слава Богам. И, даже лишившись сознания, пытается ползти куда-то, цепляясь разбитыми пальцами за мелкие выступы камня. Айри уже сбросил мешок, открыл его и теперь доставал на ощупь, привычно, лекарские принадлежности, мази, повязки... а сам внимательно прослеживал взглядом направление, которого придерживался бессознательно его спутник.

Когда ночной бархат вытерся до серой прозрачности предзорья, Ками затих, прекратив вялые попытки двигаться неведь куда. Его раны под повязками уже не кровоточили, швы на разорванном камнями боку и вспоротой руке легли удачно. Кости оказались достаточно прочны, а два ребра – мелочь. Он снавь, восстановится быстро.

С первым лучом восхода Ками очнулся. Улыбнулся солнышку, кривясь от боли, поднял раскрытые ладони, приветствуя день, как делают все снави по утрам, если имеют хоть несколько мгновений. За время морского пути Тоэль не помнил дня, когда все трое Говорящих не поднялись бы на палубу встретить зарю. Ками совершил привычный ритуал и лишь затем до конца очнулся, словно солнышко прогнало туман из его сознания. Снова прикрыл глаза, вслушиваясь в себя.

– Что со мной было, Тоэль? – прошептал он.

– Сам жду ответа от тебя. Ты ушел из пещеры в полночь. Кажется, даже приложил меня здоровенным камнем в затылок, чтоб я не помешал. Спасибо, не мечом хоть. Куда шел, а вернее, куда тебя вели?

– Был зов, – Ками непонимающе уставился на свои перебинтованные руки. – Кто-то умирал далеко и нуждался в помощи. Еще он желал, чтобы мне никто не мешал в пути. Мне впечатали в сознание идею: кругом враги, надо вырваться и бежать, спасать... И требовалось еще отозваться и указать свое место. Я не знал места, оказался в странной непроглядной темноте, совершенно не мог сориентироваться. Но пошел в его сторону... Сильно я тебя?

– Я – как спящая собака, которая успевает вывернуться из-под тележного колеса, – фыркнул Тоэль. – Полез бы с мечом, вышло бы хуже. Во сне я и убить могу, не разбирая, кто напал. А так – откатился и врезал тебе по лицу, не просыпаясь. А может, ты меня все же достал, и я некоторое время был без сознания. Точно могу сказать: бил я на выключение зрения, это в таких случаях моя нормальная реакция, ты на некоторое время буквально ослеп. Вот и не отозвался им. Повезло нам обоим, что ни говори. На бриге могли слышать это безобразие?

– Да.

– Женщин остановить было некому. Плохо. Идти можешь?

– Я почти в порядке. Ребра на ходу подлечу. Назад?

– Вперед. Не уверен, что Фрисс и Деяна еще у берега. Они наверняка отозвались и свое место смогли указать. Если так, их забрали. Далеко ли до источника зова?

– Нет, кажется. К вечеру будем там.

– Хорошо бы. Вторую ночь ты переживешь труднее. Может быть, они включают эту дрянь регулярно. Подобных вам зов буквально сводит с ума. Я и сам его разобрал, жутковато звучит в сознании.

Ками кивнул, мысленно извиняясь и виня себя в слабости. С поклоном принимая меч и ножи. Покорно и еще более пристыжено позволил Тоэлю взвалить на плечо оба мешка. Поднялся, морщась и шипя от боли, неловко сделал первый шаг, второй, третий. Айри хмуро и одобрительно следил за упрямым спутником,двигающимся все увереннее и свободнее. О передыхах Ками не просил.

К полудню они первый раз остановились на привал, напились и поели. Ками уже мог почти нормально дышать и говорить, его ребра начали срастаться. Пища отвлекла от боли, отдых чуть восстановил силы. И чутье снави, способное видеть мир более полно и глубоко, изучая скрытое от глаз, вернулось к привычной работе. Немедленно сообщило: есть новости, и, увы, неприятные. Впереди, несколько южнее, Говорящий ощущал мертвое поселение. Некоторое время спутники решали: посетить или обойти? Договорились чуть уклониться в сторону и потерять час, но глянуть, что там случилось.

Каменные домики оказались невелики, но устроены грамотно и умело. Мягкий песок в ровных блоках образовывал стены, глиняная черепица веселых тонов охры и багрянца осенним листопадом покрывала двухскатные крыши с неровными «плечами». Под длинным помещался вход в жилье, обращенный к улице. Широкой, мощеной булыжником. С аккуратными клумбами, но давно не знавшими полива, сухими. Погибли и огороды за высокими изгородями, выложенными за долгие годы из собранных с участков камней. Много поколений люди трудолюбиво очищали землю, откатывали валуны, выбирали до последней крохи мертвый щебень, корзинами носили ил с дальних низинных ручьев. Удобрляли почву, поливали ее. Теперь все осталось без хозяйских рук и погибло.

Ками озирался, невольно опуская плечи и горбясь. Его сознание мучило эхо боли погибших. Их убили здесь, одного за другим, жестоко и расчетливо. На небольшой площади в центре поселения звенел ручеек. Единственный живой голос в некогда шумной деревне. Путники напились и умылись.

– Видишь оплавленный камень? – Тяжело вздохнул айри.

– Да. Молния?

– Мои родичи. У нас есть такое... Не думал, что из него сделают оружие. Всех, кто стал не нужен, сожгли. Давно, я полагаю. В начале лета.

– Да, их поля засеяны, но до прекращения полива даже не отцвели толком. Месяцев пять назад тут было вполне мирно и благополучно. Когда здешние снави были тоже живы и мы занимались Архипелагом. Двое прилетали с этого берега.

– Полагаю, хотя сказанное – лишь домыслы, тогда еще не было создано фальшивого и злого зова, безотказно действующего на вас. Говорящих сюда заманили, чем-то отравив или заразив деревню. Жители позвали и им пришли на помощь... Потом селение уничтожили, знать бы почему. Впрочем, своих соплеменников я давно не понимаю, а это – их рук дело, без сомнения. Можешь попробовать понять, снави здесь лечили?

– Не могу, – виновато покачал головой Ками. – Слишком много смертей. Почему уверен, что твоим родичам понадобились именно одаренные?

– Потому что ночью именно вас и звали. Это как раз очевидно. Идем, здесь уже ничем никому не помочь. Но я впишу деревню в счет. И я найду того, кто этот счет оплатит.

Ками согласно кивнул. Впервые ему не показалась дикой и неправильной мысль о неизбежном пролитии крови. И о мести. Хотя как можно мстить тем, кто убивает так хладнокровно? Они – нечто вроде мора или урагана, от таких надо лечить мир. Обычная его работа.

В сумерках долина осталась позади, и с гребня окружающих ее скал открылся вид на широкий длинный каньон, прорезающий горы в направлении с запада на восток, к океану. По его дну змеилась не крупная речушка, на ее зеленых берегах росли низкие изломанные деревья и невысокие кусты. В нескольких верстах от ближнего склона начинались шатры и пологи временного лагеря – огромного, на две-три тысячи человек, окруженного стадами скота, изрядно вытоптавшего зелень. У окраинных шатров было заметно бурное и организованное движение.

В центре лагеря, наоборот, оказалось безлюдно. Здесь разместилось странное и непривычное глазу Ками сооружение – подобный гигантской белесой и пухлой шляпке гриба шатер, матово, неярко лучащийся в ранних отсветах скорого заката. Айри вид не удивил. Тоэль лишь тяжело кивнул, соглашаясь с ожидаемым.

– Временное жилье моего народа, своеобразный навес, – пояснил он. – Точнее – шатер, он же наверняка каркасный. Внутри... скажем так, двор, склады, комнаты для отдыха и проведения работ, помещение для летающих... пусть зовутся лодками, что ли, раз невелики. У вас пока нет слов для такого средства передвижения. Ты отсюда снавей не ощущаешь?

– Нет. А вот люди в лагере воспринимаются очень странно. Словно они нетрезвы. Слишком много радости, гнева, восторга, иступления и нет простых повседневных мыслей и мягких тонов в настроении. В сознании читается прямо-таки горячечный бред. Возможно, ночью я был на них похож. И еще. Полагаю, в подобном состоянии долго находиться опасно, они буквально выгорят за несколько месяцев, а то и недель. Не понимаю, что они тут делают, такая толпа?

– Их собрали, чтобы помешать подобным тебе пройти к центру лагеря незаметно или пробиться с оружием, если вы сможете понять угрозу и объединиться. Видимо, мои сородичи понимают, что снавей немного. И что бессмысленное убийство – не ваш путь. Губить людей только за то, что они обмануты и пьяны, вы не сможете. Между тем, их очень много и они критически опасны в нынешнем состоянии.

– А если усыпить? Не с помощью слишком приметного дара, совсем по-простому. У меня есть нужные травы и вытяжки. Не могут же они не есть и не пить.

– Не могут. Смотри-ка, значительная часть лагеря снимается. Не хочу оказаться слишком уж догадливым, но полагаю, они пойдут к берегу и станут искать нашего «Лебеда». Если женщины пропали, Риэл высадится и начнет их пытаться обнаружить. Плохо.

– И меня отправлять назад нельзя, я ночью опять за себя не возьмусь отвечать, – вздохнул Ками. – Князь человек неглупый, будем рассчитывать на лучшее. Корабль в море горцам не по зубам. А своих родичей ты, надеюсь, найдешь чем занять. Я их почти не ощущаю, но уверенно могу сказать – их немного. Полагаю, три-пять.

– Уже что-то. Я схожу гляну, что у них с охраной. Не спорь, мой опыт больше, и я здоров. Ты пока выбери место поближе и поудобнее, устрой времянку, чтобы отдыхать и, если придется, ночевать в тепле и сухости: того и гляди, дождь начнется. И приглядывай: как суета уляжется – мы узнаем, сколько горцев остается в лагере.

Ками согласно кивнул, принял оба мешка и указал на холм, где собирался пробовать строить логово. Айри запомнил, на ощупь проверил еще раз снаряжение и попросил снотворное для горцев. Вдруг да пригодится?

Пятью минутами позже, хмурясь от сложной информации по расчету дозировки, полученной вместе с мешочками и склянками от не желающего нечаянно навредить людям Ками, он спускался к реке. Люди лагеря, и правда – странные. Первый дозор он ощутил раньше, чем рассмотрел, хотя не мог похвалиться чуткостью снави в опознании живых на дальнем расстоянии. Аккуратно обошел, подкрался с тыла и пристроился рассмотреть жителей иного берега океана.

Люди оказались невысоки, смуглы и темноволосы. Издали они сильно напоминали сложением и лицом Ками – сухие, легкие, гибкие. Вблизи чуть отличались разрезом глаз, более длинным и узким, тоном кожи, более золотистым, даже желтоватым. Пожалуй, еще формой носа – чуть плоского и широковатого. Говор их был несколько криклив, в нем преобладали высокие ноты. Хотя кто знает – может, это следствие их состояния? Вблизи особенно отчетливо была приметна их болезненно-нервная болтливость, чрезмерная суетливость. Руки их непременно перебирали стебли травы, то и дело без необходимости опраивали одежду, трогали без

конца рукояти кинжалов. Видимо, пьяное состояние диктует свои правила поведения, и они сильнее воинской выучки. Сами дозорные полагали, что сидят тихо и незаметны с двух шагов. Это айри тоже осознал вполне отчетливо.

Второй замеченный Тоэлем дозор был неотличим от первого – пьян, шумен, и тоже пять воинов – двое приглядывают за местностью, трое отдыхают.

Третий оказался еще беспечнее: он ведь внутренний, откуда здесь могут появиться враги?

Следующий дозор оказался иного типа: группа из семи всадников на низкорослых горских лошадах с непривычно мощными задними ногами и приподнятым выше холки крупом. Тоэль мельком подумал, как меняют представление о правильном сложении лошади условия жизни. Высокий круп – это вечно перегруженные передние ноги, слабая выносливость и далеко не лучшая резвость. Но именно благодаря ему лошади обладают хорошей прыгучестью и способностью к работе в горах, на неровных тропах, особенно при подъеме с грузом на холмы. Еще айри подумал, как приятно, что пока нет собак с их нюхом и зрением. И запоздало вздрогнул: а вдруг у них не собаки, которых он высматривает по привычке, а, положим, свиньи или хорьки? Вроде бы таких не видно... Но расслабляться не стоит. Пьяное сознание караульных и его самого, как выяснилось, настроило на избыточную самоуверенность.

Помощники караульных оказались похожи на хорьков или даже – крупных белок.

Он рассмотрел их чуть позже, в пятом или шестом дозоре. Гибкие, пушистые, относительно некрупные и длиннотелые, на коротких лапках, пышнохвостые. С отменным нюхом и зоркими глазами на крысиной мордочке. Его присутствие «хорьки» заподозрили довольно быстро, но – без пользы для дела. Верещания, треска, щелчков и писка своих друзей, прирученных еще до прихода сюда, в сознательной жизни, люди слушать не желали. Пьяная бодрость требовала глядеть поверх голов и реагировать лишь на очень, ну о-о-чень явную и серьезную угрозу. А где, скажите на милость, сотня страшных великанов и морское чудовище в придачу? Нет их! Вот и не нойте, паникеры!

Хорьков жестоко драли за хвосты, били по мордочкам и трясли за лапы, принуждая к молчанию. Самого крупного и бдительного зверька владелец ткнул в спину ножом, не сумев заставив молчать иными способами. Брезгливо сбросил с седла скулящего малыша, скрученного болью в петлю. И ускакал прочь, не обернувшись на отчаянные визги верного до конца любимца, так и не укусившего руку, кормившую его прежде. В лагере горцы забыли о прежней дружбе. Новая наполнила их радостью и сознанием силы.

Когда дозор скрылся, Тоэль подобрал пушистого караульщика, дрожащего, перепачканного кровью, жалобно и обиженно всхлипывающего. Уже обреченного – ведь широкий нож разорвал верткое тело почти надвое, перебив позвоночник.

– Ничего, Крыс, – утешил его Тоэль почти беззвучно. – Ками тебя соберет, вот увидишь. Он умеет. А пока я тебя устрою здесь, лежи тихо. Ты умница, ты уж дыши, постарайся. Дождись меня, я быстро.

Крыс покорно затих и слушал, повернув ухо и стараясь приподнять мордочку, чтобы рассмотреть и обнюхать нового знакомого. Тоэль устроился в овражке, перевязал малыша, как смог. Уложил тельце в подобие лубка, наскоро собранного из куса коры, стянул края раны. Еще раз успокоил себя: Ками кроху наверняка вылечит. Пока можно лишь надеяться на его живучесть, опустить на траву и погладить, снова успокаивая и обещая не бросать в беде. Коричневый бисер глаз закрыли золотистые бархатные веки. Малыш любил ласку и привык к ней, ведь прежде хозяин никогда не обижал своего друга. И теперь умирать стало вдвойне обидно: чужой человек, наверняка враг, перевязал нанесенную хозяином рану и пожалел. Двигаться не было сил, и зверек остался лежать там, куда устроили добрые руки.

Тоэль приметил место. На обратном пути надо забрать раненного.

За непродолжительное время, пока он обходил дозоры и возился с Крысом, лагерь изменился до неузнаваемости. По крайней мере, три четверти людей свернули свои палатки и теперь строились в небольшие походные отряды по два-три десятка. Такими группами они уходили на восток. Тоэль разобрал: до трети каждого отряда составляли носильщики без оружия, более мелкие по сложению и с относительно светлой кожей. Их пинали и грубо подгоняли. Слуги? Пленные? Так или иначе, пьяны не менее, чем остальные, и попыток бежать не предпринимают. А еще странно и достойно внимания то, что в лагере почти нет женщин и совсем нет детей и стариков. Мужчины в большинстве молоды, крепко и ладно сложены, привычны к оружию. Примечательны их плотные шерстяные плащи, окрашенные в разные цвета и отделанные в разных стилях. Признак племени? Вывод напрашивается сам: здесь собрались воины нескольких вождей. Что же, пришли они сознательно и по доброй воле? Ох, слишком трудно все понять за несколько часов.

Вдоль русла реки поле оголилось, на месте палаток и шатров темнели проплешины вытоптанной земли. Тоэль поморщился. Как живут? Осень, сырость, горы – того и гляди, снег сорвется. А они спят на голой земле в холоде. Привычные? Скорее, пришли давно, еще по теплу. Вон и одеты кое-как. Перемерут они здесь через несколько недель, а божки и не поморщатся...

Все палатки оказались собраны в объемные вьюки, занявшие место на спинах носильщиков. И те начали свое перемещение к побережью. Число оставшихся в лагере Тоэль оценил в три сотни. Пока он приглядывался и считал, отряды перебрались за реку, окончательно освоившая путь почти до центра лагеря. Он улыбнулся вполне радостно, замечая, наконец, одну из намеченных целей разведки и принимаясь ее изучать. Кухня! Три огромных котла с пищей для оставшихся возле «гриба» – жилища айри. Варевое кипит непрерывно. Люди подходят один за одним, им безразлично выдают одинаковые и явно очень небольшие порции. Молча и не глядя плюхают половником в чашки, взятые из горки посуды. Голодные торопливо и жадно жрут, выхватывая куски руками и обжигаясь. Ставят посуду в стопку, и в те же плоскости, не мытые неизвестно как давно, жирные и заросшие грязью, снова плещут варевое, и руки новых голодных тянутся к кипятку. Люди грязные, тощие, со спутанными неопрятными волосами и синюшно-бледные. Ушедшие на восток выглядели куда лучше. Эти, скорее всего, здесь давно, и близки к тому, чтобы «выгореть», как и предупреждал Ками. По мнению Тоэля, некоторые не дошли бы живыми до берега. Они дышали через силу, не закрывая рта, кашляли надсадно и горбились, обхватывали себя руками, стараясь унять озноб. Их стертые в кровь ноги много раз промокали и покрывались нарывами и язвами, руки непрерывно дрожали. Жалкое и страшное зрелище.

Тоэль вжался в землю. Вот и сородич. Совсем молоденький, лет сто, как без крыльев – отметил опытным глазом разведчик. Бога из себя строит, недоносок. И ему действительно поклоняются! Голодные и сытые вперемежку, побросав плоскости, на коленях ползли к чужаку, пытались целовать ноги. Выкрикивали невнятное слово, катящееся одним вздохом над толпой: нечто вроде «уго-йхо».

Молоденький айри подошел к одному из котлов, уже почти пустому. Знаком приказал вылить на землю остатки варева, с насмешкой проследил, как голодные дерутся и лижут вытоптанный грунт, через силу глотают смешанную с остатками пищи пыль. Котел не стали мыть, торопливо наполнили заново. Айри высыпал в холодную еще речную воду содержимое небольшого мешочка и пошел прочь, к своему жилью в центре лагеря. Ему снова кланялись, кое-кто бился в истерику восторга.

Тоэль скривился и пожал плечами. Вполне нормально для айри счесть себя высшими и использовать прочих, как скот. Живут, и ладно. Сдохнут от холода и недоедания – им найдется замена. Очевидно: не этими людьми здесь занимаются, не ради них установлен временный лагерь.

Они пришли сами. Некто – вожди, правители, князья, – прислали своих людей, и не просто так. С посольством, дарами или в обучение. Хотя спустившемуся на землю божеству можно отдать лучших воинов и по его требованию, дабы спасти прочих. Судя по деревне за скалами, гнев свой и силу боги уже проявили, наказав непокорных. Насилие – более простое и эффективное средство контроля, чем разумная договоренность и доброта, особенно для толпы. Ему ли не знать! Скольких он лечил и спасал, а помнят и уважают лишь наказание. Кэбира помнят, о нем слагают песни и легенды. Его восхваляют: ужасного, непобедимого, жестокого, вызывающего трепет – и восторг. Когда-то он не мог простить людям того, как легко они воспевают зло, возводят на пьедестал коварство и уважают кровожадную мстительность. Теперь успокоился. Слабым надо уметь прощать их слабость. А для дружбы выбирать сильных. Не мышцами, а духом. Вряд ли маленькая Миратэя, Ризл или Джамы станут поклоняться местным жестоким божкам. Даже безумие поддавшегося зову одаренного длилось не более нескольких часов. И, находясь в его власти, Камы не взял в руки меча, отведя непокорную руку и подсунув ей вместо оружия камень, куда более безопасный. А потом и вовсе выбросил меч и ножи, явно борясь с одолевающей его чужой волей.

Но здесь собрались пустоглазые. Готовые поклоняться грубой силе, обработанные давно и полностью. Хотели контролировать долину глазами своих марионеток? И сделали их зрение бесполезным. Смешно, хоть и сквозь слезы! В наползающих сумерках Тоэль решительно вздохнул, поднялся, одернул куртку и нагло пошел к котлам.

Пусть все смотрят. Он – айри.

Пусть ползают и поклоняются, очень кстати. Высших не спрашивают, почему они оказались тут и что собираются делать.

«Уго-йхо», – послушно вздохнули люди. Склонились, усердно приникли к вытоптанной земле, потянулись дрожащими руками к одежде, чтобы прикоснуться к его могуществу хоть кончиками пальцев. Благодарно закивали, скаля больные десны, у многих – беззубые. Торопливо наклонили котлы для удобства «уго-йхо» и принялись торопливо помешивать варево, куда он решительно высыпал сонные травы и вылил вытяжки, не напрягая память и мозг расчетом дозировки. Как ее считать, не зная режима питания, размера порции и числа людей в лагере? Хуже горцам не станет, они уже и без того на грани гибели, и многие перешли черту, за которой обратная дорога в жизнь слишком длинна для идущего.

Тоэль уверенно развернулся и зашагал прочь, в серую влажную тьму речной поймы. Ему не препятствовали и не смели идти следом. За божками не подглядывают.

Пушистый крысеныш еще дышал. Тоэль подобрал его, укутал в куртку и заспешил к Камы, опознавая сознание снави довольно близко. Говорящий явно решил устроиться не на облюбованном ранее дальнем холме, а у ближней группы деревьев, правильно оценив убыль людей в лагере. Камы всплеснул руками, увидев раненного, и кивнул – можно вылечить. Не заметят, расход сил очень небольшой. Пока он работал, Тоэль коротко изложил свои наблюдения.

– С дозировкой ты явно перестарался, им не очнуться и завтра к обеду после такого, а при полном истощении, боюсь, кое-кто вообще не выйдет из сна. Заснут самое большее через полчаса от приема пищи, – недовольно сообщил Камы, почесывая нос счастливого малыша, свистящего что-то приветственное и ободряющее: пусть хозяин не расстраивается! – Но это пока не худшая из проблем. Что дальше?

– Темно уже. Можешь нахально занимать крайний шатер. Этот Крыс очень хорош в охране, учись его слушать. Я попробую посетить родню. Не хочу еще раз получить по голове к полуночи, знаешь ли. И за наших женщин переживаю.

– Будь осторожен. Их пьяное сознание подначивает на глупости. Да, учти, я решительно против того, чтобы такую милую мордочку звали Крысом! Лой’ти – «пушистый малыш». Хорошее имя?

– Хорошее. Я буду осторожен, и ты – тоже. Сам не вполне трезв, раз на имя Крыса обижаешься. Жди. Если до полуночи...

– Не переживай. Лой меня укусит, и я буду колодой лежать полчаса. Он, к слову, ядовит. Вернее, способен парализовать жертву, так что будь повежливее с его именем.

– Оба вы ядовиты, – ворчливо отмахнулся Тоэль, критически изучая куртку, перепачканную кровью Крыса. – Пойду.

Он вернулся в лагерь уже глухой ночью, безлунной и хмурой, как и положено поздней осенью. Люди спали. Кое-кто нервно и неглубоко дремал после обхода, а прочие уже приняли свою порцию вечерней еды и успокоились на сутки.

Матовый «гриб» жилья айри приближался и рос. После визита в лагерь он казался больше похожим на вздувшийся нарыв, требующий скорейшего вскрытия.

Такие поверхности выдували и гнули из особого полимера. Легкие, прочные, возводимые за пару часов, непроницаемые для звука, сберегающие тепло, почти не поддающиеся разрушению примитивным оружием людей. И запертые на стандартный «замок сознания». Знаешь код – и пройдешь без проблем, чуть коснувшись контактного прямоугольника. Тоэль не знал. Но упорно шел к раздвижной двери и наивно верил, что ему обязательно повезет. Последнее время случайности стали так ловко подбираться в цепочки везения! Надо лишь не упускать своего шанса и не отступать.

У прямоугольника двери на коленях стояли несколько местных. Покорно, устало и неподвижно. Ждали? Тоэль замедлил шаг, а потом и остановился в непроглядной тени последнего полога.

Дальше – кольцо холодного голубого света, происходящего из другого мира. Там, в кольце, – его прошлое, где живут замечательные и умные технологии, а айри... они только перемещаются в пространстве с холодными и пустыми глазами. В горах его сородичи в полном и истинном смысле слова не живут, лишь существуют. Сам он едва не замерз там от бездушия окружающих. Главный стержень их мира – сухой иерархичный порядок. Старейшие управляют общиной, ученые развивают то, что сочтено перспективным, младшие подчиняются и не задают вопросов.

Он задавал.

Сперва ему объясняли, потом били, наказывали, выгоняли. И в конце концов обреченно смирились, спасибо учителю. Впрочем, он тогда уже умел драться и был признан имеющим редкое право на странности – все же гений, заслуживший право именоваться тремя уникальными в своем сочетании слогами А-эр-то: «универсальный – гений теории – воплощающий идеи в практику».

Позже дозволили и брать учеников, такое не часто допускают для айри, не входящих в число старейших. Но он – основоположник всех трех различных принципов полета, известных айри. Простейшего, для малых высот до восьми-десяти верст. Тьфу ты, привык – километров, само собой! Того самого, что поднимает в небо летающие лодки, подобные каплям. Низко-орбитального, сугубо вспомогательного, без сожаления сданного в доработку и практическое воплощение иным мастерам.

Ему и без прочих забот едва хватало сил и времени на продвижение и развитие третьего и любимого, – рассчитанного на дальний космос.

Пять сотен лет работы! Это было замечательно, пока жил в горах учитель. Но со временем все хорошее иссякло. Он думал тогда, наивный, что железными крыльями вернет себе полет. Напрасно. Звонкая радость дракона умерла, застыла камнем, как и его прежнее тело.

Настоящий полет – в душе! Деяна увидела это с первого взгляда, а он, «гений», истратил на понимание простой истины семь сотен лет без малого. Триста лет назад стало совсем плохо. Его старый добрый учитель, главный свет для Аэрто в мире айри, ушел неизвестно куда. Друзья – да полно, бывают ли у айри друзья? – они оказались лишь шпионами старейших. Кроме двоих – Хиннра и Юнтара. Но Хиннр в последние годы жизни в горах слишком редко спускался с орбиты, он безмерно обожал свой корабль. А второй друг – тот и вовсе предатель! Ушел, можно сказать, вспоминая бриг Риэла, в боцманы к единственному звездному капитану народа айри. Уже полторы сотни лет Тоэлю остается лишь смотреть в небо звездными ночами, надеясь приметить огни их корабля. Характерные и яркие – два золотистых и мигающий пульсом лунно-белый. Сегодня смотреть некогда, да и небо с его звездами и золотой луной далеко, за многими ярусами холодных туч.

Внизу, в лагере – лишь бездушный синий свет прошлого перед ангаром.

Дверь скользнула вбок, выпуская знакомого уже недоросля-айри. Снова он задержался, с ухмылкой явного удовольствия принимая поклонение. Наверняка, ученик, сам перед старейшим спину гнет. А здесь – вот радость для ничтожества – ему целуют ноги. И снова к котлам? Нет. Замер на кромке светлого поля. Ждет.

Минуту спустя подъехали конники. Отчитались перед божком на незнакомом языке, привычно падая в ноги и бесчисленно кланяясь, снова и снова твердя хором «уго-йхо». Отползли прочь, в тень. Айри развернулся и величаво двинулся к матово-белой стене. Когда опытный мастер касается контактного поля, уловить его мысль невозможно. Но этот – не мастер, а по чуткости сознания – тем более ничтожество.

Тоэль превратился во внутренний слух, мягко прикрыв глаза и повторяя ощутимый чутьем, как свой собственный, жест сородича, вплоть до порядка касания пальцами поверхности. Большой – основание ладони – мизинец – легкий удар тремя остальными... и образ-ключ. «Тайная для старейших», если он разобрал верно. Или «от старейших»? Осталось пойти и проверить. Ключ сознания, если прост, терпит многие неточности и небрежности. Еще когда он был Аэрто, порой забавлялся, обманывая коды и наблюдая белеющих от бешенства старейших. «Ах, здесь было заперто? Я так задумался, что и не заметил, простите, право, неловко вышло...»

Круг света опустел, люди разбрелись по своим холодным лежанкам. Значит, прочие боже-ства обычно не появляются в это время.

Тоэль уверенно миновал пространство, отделяющее его от стены, и быстро мазнул пальцами по контактной плитке, повторяя старую шутку. Отданные наспех, в задумчивости о большом и важном, приказы-образы старших обычно воспринимаются охотно и при наличии большой погрешности, система очень старая, многократно отлаженная, гибкая, ей невесть сколько веков. Вот и подстроилась к наиболее умным и распоряжающимся ею привычно, с полнотой права.

Он думал о полете, вроде бы мельком вспомнив необходимость указать ключ. Он не сомневался в своем праве на вход, у него слишком большой счет ко всем, кто вырастил здесь этот гнойник. И его впустили.

Ангар внутри был теплым, ярко освещенным и чистым. Аккуратным рядком выстроены три «капли» готовых ко взлету лодок. А за ними вторая стена, вертикальная, и дверь в основной блок. Тоэль миновал двор, на миг остановился, проверяя, есть ли иные айри поблизости. Ками прав, их тут немного, всего четверо. Незнакомые, молодые и довольно примитивные в своем сознании. Ученики кого-то из старейших. Обычное дело: кто встретил на земле только что утратившего крылья, тот его и считает своим подмастерьем до срока. Впрочем, иногда срок не наступает вовсе, если нет таланта, характера, способности и желания отстоять свое право жить независимо. Тоэль уверенно толкнул дверь и мягко ступил в коридор, стараясь не разбудить

уснувшие на ночь звуки. Двое отдыхают, они дальше и левее. Там, похоже, жилой отсек. Один копается на складе, его тупое монотонное шевеление без единого блика творческой мысли заметно издали. Другой сидит и составляет некий отчет. Уже хорошо... Хоть в общих чертах понять бы, что здесь творится.

Тоэль скользнул вперед. Снова замер у двери, прислушался. Ученик так занят, что даже сопит от усердия. Вошел, в несколько беззвучных длинных мягких шагов достиг кресла и погасил сознание младшего. С кем не бывает? Устал, забылся сном. Даже сам потом не подумает иного. Одно легкое касание в нужной точке, любимая хитрость старого мастера Бир'ги.

Шар, на который ученик писал отчет, лежал в контактном гнезде – это старый способ передачи знаний айри, хранение образов и данных во внешней памяти, делающее их доступными каждому, умеющему такую запись читать. В гнезде шар пока молочно-желтый и матовый, то есть фактически пустой. На полке выстроились в рядок две дюжины ярких, прозрачно-искристых, заполненных. Разница внешнего вида – не более чем зрительный эффект, упрощающий возможность отличить использованный от незанятого.

Итак, посмотрим.

Тоэль устроился в соседнем кресле, бережно извлек первый по порядку шар из ряда и согрел в ладонях. Под прикрытыми веками знакомо замерцали блики, разбегаясь кругами волн и достигая берега его сознания. Некоторые, и набравшись опыта в восприятии подобного знания, не могут прочесть в день более двух-трех шаров. Их подводит не желающая напрягаться и впитывать новое ленивая память, вялый и разучившийся мыслить мозг устает, чуткость падает ниже порога приема, сознание двоится, цепляясь за бессмысленное и отыскивая в записи отпечаток личности ее создавшего. Тысячи отговорок, маскирующих недостаток усердия в работе над собой. Он сразу заставил себя читать много и сортировать информацию грамотно и быстро. А память – штука вполне тренируемая. С тех пор всегда глотал информацию жадно и не морщился, ожидая последствий. Две дюжины шаров – вполне приятно, мозг устал без нагрузки. Что тут? Дневник работ... данные, убогие выводы с кучей детских ошибок в логике и фактуре, выкладки первичного анализа, описание экспериментов во всей их мерзости... Ага, вот и зов, его вариации и схема сборки. Можно улучшить, если не быть убогим, разучившимся думать и искать. И, слава Богам, здесь собрались исключительно неумехи. Страшноватое знание, опасное и вредное умение, что тут еще скажешь!

Получасом позднее он знал точно: ключ на входе – все же именно «тайна от старейших». И для секретности есть основания. Личная свобода младших в поселении айри довольно условна. А если научиться контролировать сознание прочих, то она станет недоступной роскошью для всех, кроме группы избранных. И править миром его сородичей начнет тот самый ублюдок, до сих пор носящий на шее память об их, мягко говоря, споре. Самый молодой из живущих ныне старейших. Мразь, быстро набирающая силу. Он прилюдно мог забить ученика едва не до смерти, а прочие лишь смотрели и молчали. Аэрто не стоял. У него и тогда было свое мнение о праве сильного. И опыт жизни в мире людей, пусть небольшой, от случая к случаю, но тоже имелся. С тех пор он и Илгри не разговаривали ни разу. Старейших Аэрто убедил ограничить волю учителей разумным пределом, это была большая и трудная работа. Он говорил о блокировании жестокостью таланта, снижении общего потенциала младших при грубом и невнимательном к ним подходе, отсутствии грамотной и обоснованной методики подачи базовых знаний... Нудно, умно, доказательно. Несколько лет ушло на пробивание глухой стены нелепых и злых традиций.

Пяти секунд стычки с Илгри хватило, чтобы основательно познакомить того с болью и свалить, вопреки усилиям медиков, в постель на несколько месяцев. Смешно: общество древних и очень технически грамотных айри отменно отреагировало на самые простые и зрелищные методы убеждения, обычные для Кэбира. С того дня стоило ему появиться в селении, как все наказания младших прекращались сами собой. Практически того же эффекта и тем

же методом добился чуть позже Хиннр. И оба не смогли ужиться с родней. Один забрался на орбиту, второй – покинул горы и спустился в мир людей.

Итак, шарики закончились. А для воспоминаний он найдет более спокойное время и место. Пока можно коротко подводить итог.

Илгри и его ближние занимались в безлюдной долине тем, что он не хотел выносить на общее обозрение старейших. Кажется, это касалось манипулирования сознанием и, похоже, дела двигались вяло. До тех пор, пока случайность не привела в горы снавей. Двое одаренных навестили побережье после снежной зимы, когда стали грозить бедой ползущие вниз селевые потоки. Природные аномалии удивили айри и вынудили к более пристальному наблюдению за «дикарями». Двоих необычных людей среди прочих обнаружить оказалось совсем просто, как и оценить их способности, а затем сонными доставить на базу. Позже он пополнил группу еще одной пленницей.

Чего Илгри ждал от снавей, оказавшихся в его распоряжении? Довольно-таки многого. Узнал этот червь об их способности воспринимать и менять сознание иных людей, скорее всего, тоже случайно. И сперва заинтересовался лишь этим свойством дара, используя пленников как своеобразные природные усилители мысли для формирования ярких команд-образов, подчиняющих сознание. Потом ситуация вышла из-под контроля, Говорящие сумели выбраться из полубезумного состояния, в котором их держали, и обрести свободу. Ангар пришлось строить заново после их побега. Увы, снави не понимали совершенно, с кем имеют дело. Не позвали иных Говорящих немедленно, не применили всех своих возможностей, чтобы скрыться. Просто не могли представить невероятных для людей способностей айри – умения летать и мощи оружия дальнего боя.

Они погибли четыре месяца назад. Тогда старейший встретил неожиданные проблемы: преследовать и убивать случайных подопытных оказалось весьма непросто, хотя свой перевес в технологиях и возможностях он справедливо оценивал как абсолютный. Если ничтожные полудикие люди могут совершать такое, решил он, что мешает ему возвыситься по-настоящему и усилием мысли рушить стены, сжигать врагов, ускользать из ловушек, становясь невидимым, вынуждать противников принимать его мнение и служить своему новому господину? Надо лишь раздобыть несколько новых дикарей с похожими способностями. Как – он уже догадывался.

Охота началась.

Он собрал первичную информацию по языку и обычаям, горным тропам и перевалам, путям движения вдоль берега. И начал обрушивать на жителей гор бедствия, требующие призыва снавей. Записывал на шары, хранящие мысли, отчаяние, усиливал его, используя новых пленников, отстраивал сигнал. А вожди уже спешили к новому гневному божеству с подношениями, просили покровительства, усмирения напастей и притеснения соседей, у которых и луга зеленее, и скот жирнее.

Он обработал и их, собрав собственную небольшую армию. Ее воины гибли, не выдерживая постоянного давления на сознание, в неполные три месяца. Но на их место находились новые. Кто-то по доброй воле, желая получить кусочек власти. Иные под принуждением. А многие приходили издалека слепо поклоняться могучим чужакам, едва узнав об их существовании. Все оставались, впитав пьяную радость с пищей и ночным голосом, умеющим теперь не только нести снавям чужое отчаяние, но и шептать обычным людям о покорности и счастье служения. Те и служили, забыв себя.

Сейчас в бессознательном состоянии в ангаре находятся девять Говорящих с миром. Где? Это еще предстоит узнать, но позже. Тоэль заторопился. Везение не может быть вечным. Скоро полночь, надо помнить об этом.

Он покинул комнату, с сожалением оставляя на местах все шары с записями. Прикрыл дверь, торопливо миновал коридор, пересек двор и вышел из ангара. Лагерь спал. Травки

Ками оказались угрожающе могучими. Айри миновал голубой свет, кольцом опоясывающий жилище сородичей, и со вздохом облегчения погрузился в холодный мрак ночи. Усмехнулся. Мир людей с некоторых пор стал ему ближе прежнего, родного.

Вовремя он выбрался: несколько минут спустя с неба упала серебряная капля-лодка. Тоэль похвалил себя за расторопность и продолжил путь к шатру, занятому Ками и Крысом. То есть Лой'ти, надо привыкать. Не то, и правда, укусит.

Звереныш пискнул почти неслышно, опознавая нового друга. Он выглядел вполне довольным жизнью: вычистил испачканный кровью и грязью мех на боку и спине, привел в порядок восхитительный хвост, темно-бурый, с тонкими более светлыми штрихами. И, кажется, поужинал. Облизывались уж точно оба – и Ками, и его приятель. Говорящий щедро поделился пищей и с айри: Лой'ти оказался ловким добытчиком и утанул из запасов лагеря орехи в мешочке и сушеные фрукты. Немного, он же и сам невелик. Но зато охотно проводил хозяина безопасной тропой к складу, где есть и иные богатства, а глупые злые люди спят. Полный мешок съестного стоял в центре шатра. Голодный айри охотно присоединился к дегустации меда, лепешек и сухого копченого сыра. С набитым ртом делиться новостями трудно, но он очень старался. Лой'ти пищал рядом, деловито выкладывая на подставленную ладонь золотистые поджаренные орехи. Он усвоил мгновенно, что такие другу нравятся более всего, с удивительным проворством отыскивал их в припасах и чистил своими ловкими крошечными лапками. Четыре пальца были подобны человеческим и имели коготки, более похожие на безобидные ногти. Зато пятый, расположенный ближе к основанию ладони и короткий, оказался оборудован крупным когтем. Прямо-таки кривым кинжалом, в одно движение вскрывающим прочные орехи. Тоэль улыбнулся: и правда – не крысеныш. Уж скорее белка, пожалуй. Большая умная когтистая белка, обожающая быть центром всеобщего внимания. Хороши когти: скорлупу рвут – только так!

Он благодарно погладил малыша по шерсти, любуясь переливами коричневого ворса и золотистым узором-маской на мордочке. Лой'ти довольно заурчал и свернулся клубком, перебирая лапками мех собственного хвоста.

– Понятно, – кивнул Ками, дослушав историю. – Если бы первые погибшие осознали серьезность происходящего, они бы могли вызвать остальных и даже обратиться к Великому. У прочих не хватало ни сил, ни времени, их всех сгубил зов. Наши женщины там?

– Нет, представь себе. Видимо, капитан Тайрэ очень большой умница, и нам несказанно повезло. Их присутствие вчера ночью заметили, раз на поиск выслали почти все население лагеря. Но пока ни следа, ни самих Деяны и Фрисс у айри точно нет. Скоро полночь, кстати.

– Знаю. Я хочу попробовать с этим справиться. Если оплошаю – Лой'ти знает, что делать. Но, думаю, второй раз будет проще. Я уже понял, что зов фальшивый.

– Смотри сам, тебе виднее. И, раз у нас появилось время, расскажи-ка мне толком, кого ты все время зовешь Великим?

– Ты, дракон, не знаешь о его существовании? – откровенно изумился Ками. – Ладно, слушай. Я расскажу легенду, какой ее в свое время поведали мне.

Ками чуть помолчал, собираясь с мыслями, и заговорил неторопливо и несколько даже напевно. Именно так на его далекой родине излагали предания. Сейчас он использовал даже родной язык: ведь айри знал его отменно.

В нашем мире живет немало чудесных существ, – начал Ками. – Но превыше всех и удивительнее – Великий дракон. Может, жил некогда первый человек, но кто его помнит и кто ведает, отличался ли он от прочих умом или талантами? Были ли лучшими и несравненными первый тигр или первый орел? Мы не помним.

Но дракон, именуемый Великим, был всегда. И он – первый среди своего племени, старейший и уникальный.

Он так долго живет, что впитал всю мудрость мира.

Он так давно смотрит на нас, что научился болеть душой за каждого.

Он столь могуч, что способен помочь в самой безнадежной беде.

И он помогал, слушал беды и делился мудростью. Но не стало от его трудов ни легче, ни лучше людям. Слабые сделались еще слабее, надеясь на защиту. Трусые не обрели мужества, рассчитывая отсидеться за могучей спиной. Мудрецы не пожелали думать, рассчитывая на чужое знание. Лекари отказались лечить, – ведь дракон может все.

Когда дракон увидел это, его душа наполнилась печалью. И он отвернулся от мира, не желая делать живущих в нем – детьми неразумными, не отвечающими за свои поступки, слабыми и ничтожными. В бедах не только угроза гибели, но и основа роста. Сильные куют характер в кузнице трудностей и проблем. Слабые обретают веру в себя, а трусы – шанс стать смелее. И еще понял дракон, что засухи и ураганы не ведают, накален ли горн или уже от всей кузни не осталось и щепки. Значит, не помогать людям тоже невозможно.

Великий решил отдать право решать проблемы мира живущих – им самим. Не всем, лишь самым сильным и добрым. Тем, в ком он находил отзвук своей большой и яркой души. Их со временем стали звать Говорящими с миром, хотя поначалу говорили они и с самим драконом. В давние времена все было проще и ближе. Но и теперь снани могут позвать своего покровителя в самый трудный день, когда мир находится под угрозой, неодолимой без помощи свыше.

Но всегда они должны помнить: он придет лишь в самой тяжелой и непосильной беде, угрожающей всему живому. Прочее – их удел. Может быть, с риском для жизни, и на грани исчерпания сил. Но для того и даруется особая благодать дракона, право быть Говорящим с миром. Право спорить с судьбой и помогать там, где иные бессильны.

Ками вздохнул, погладил замершего столбиком и внимательно слушающего Лой’ти и поднял взгляд на айри. Тоэль сидел очень задумчивый и даже чуть отрешенный. Вздрыгнул, отвлекаясь от своих мыслей.

– Красивая легенда. Мы его знаем, но говорим проще, называя основателем рода. В горах считают, что древний прародитель давно спит и нами не интересуется. Оно и понятно, на айри Великому смотреть тошно. Терпит, наверное, из последних сил позорную родню... Почему его не позвали?

– Ну, трудно как решиться, так и докричаться, – покачал головой Ками. – Более или менее прямо с ним могут общаться лишь наш учитель по имени Рин, тоже айри, как мы теперь понимаем. Он нас сюда направил, не сообщая о беде Великому. Деяна может его позвать. Она, как ты наверняка заметил, мудрее и сильнее нас с Фрисс, – и по способностям, и по характеру. У нее есть частица души дракона, его дар в особой форме. Но мы не знаем, имеем ли право, и настало ли время. Гибель людей – тяжкое преступление, но его разбирать следует нам самим. Убийство снани – трагедия. Но миру в целом ничто пока не угрожает. Нельзя перекладывать на чужие плечи свои заботы только потому, что так можно разогнуться и отдохнуть. Иначе однажды он не станет более помогать. Я не решаюсь пробовать звать. У нас пока есть шанс и есть ты, Тоэль. Дракон, хоть и не Великий, но вполне талантливый.

– Понятно. Я во многом с тобой согласен. И, может быть, знаю, что надо делать. Здесь бесчинствует один из наших... скажем так, князей. Младшенький. И метит он на место правящего. Такой вот вырисовывается внутренний конфликт. Если айри отвезти домой и сдать со всеми их записями, произошедшее уже никогда не повторится. Общее решение Совета наших старейших – штука жуткая. Оно блокирует сознание сородичей, попытка преодолеть его ведет к гибели. Весь раздел знаний о подчинении сознания окажется под запретом и будет вычеркнут

из их памяти. Если же план не сработает, будем звать Великого. Потому что потеря свободы воли – очень серьезная угроза, и не нескольким племенам, а всему миру.

– Полночь миновала, – отметил Ками чуть нервно. – Зова не было. Только мерзкий шепот о подчинении и служении – для одурманенных горцев.

– Я слышал и, признаться, на это надеялся. Влияние на вас, скорее всего, будет ослабевать с утратой внезапности нападения. Они попробуют найти женщин силами горцев, а обнаружив, подключатся к делу сами. Как ты ощущаешь айри в куполе сейчас, кстати?

– Спят, полагаю.

– Славно, я чувствую то же самое. Пошли. Зубы Лой’ти – наше главное оружие. Его не услышит даже самый бдительный из моих сородичей, зверек мелкий и вполне безобидный, я и сам его так воспринимаю. К тому же он умеет замечательно бесшумно двигаться, подойдет вплотную. А меня этот Илгри, увы, опознает наверняка. Старые счета, знаешь ли.

– Хочешь добавить новые? – усмехнулся Ками.

И они пошли.

Лой’ти, гордый своей значимостью, сидел на плече нового хозяина и победно подпрыгивал время от времени, норовя перебраться на макушку. Тоэль двигался впереди, вслушиваясь в сонный лагерь. Ключ сработал, дверьпустила их. Айри облегченно вздохнул. Он более всего опасался, что код могут обновлять каждый день.

Пушистый малыш справился с работой безупречно. Через час пять связанных айри скрипели зубами и ругались сквозь тряпичные кляпы во ртах. Мстительный Ками подобрал для «князей» самые грязные и вонючие тряпки из лагеря.

Тоэль был почти уверен, что так nepотpeбно вонять могли только обмотки с ног, пораженных язвами почти у всех горцев. И, кажется, айри думали о том же, давясь рвотными позывами. Тоэль подобрал необходимые шары с записями и уничтожил прочие, несущие опасную информацию. Пояснил: не все сведения можно восстановить. Данные опытов этого гнусного лагеря будут утрачены теперь полностью, а сохраненные выводы примитивны, во многом ошибочны и годятся лишь как доказательство для старейших. К утру удалось разыскать и пробудить от похожего на смерть сна всех девятирех пленников. Им пока предстояло есть запасы, добытые благодаря Лой’ти, и отдыхать.

Пленных айри Тоэлю пришлось вдвоем с Ками на руках переносить в умеющую летать лодку. По оценкам Тоэля, добираться до долины его рода предстояло через океан, и при самой высокой скорости на перелет в один конец ушло бы не менее десяти часов. Сколько надо истратить сил и времени на разговоры со старейшими, айри вообще не брался предсказывать, и от своих мыслей все более мрачнел. Где-то в горах идут к берегу полторы тысячи одурманенных людей. Рядом, за полимерными стенами ангара, медленно переходят из затянувшегося сна в смерть еще три сотни. Судьба «Лебеда» и его экипажа неизвестна, девять Говорящих едва способны дышать...

– Ками, ты тоже полетишь, – предупредил Тоэль. – И Лой’ти, само собой. Эти типы опасны, за ними надо приглядывать.

– Понял. Занятно – я увижу ваш поселок. А там нет лекарей, умеющих помочь Мире?

– Желających помочь уж точно нет. Но я и сам хочу поговорить со своим знакомым, он лучший из наших лекарей. Готов?

– Вполне. Я никогда не летал. Можем мы истратить немного времени и пройти над побережьем? Я бы попытался окликнуть Деяну.

Айри согласно кивнул и разбудил лодку, наполняя ее чуть приметным шелестом механической жизни. Лой’ти пискнул предостерегающе и взлетел на знакомое плечо. Мало ли что,

надо сообщить хозяину – а он явно тяготел к Ками в своих симпатиях – о непонятном и быть рядом! Получил заслуженную ласку за бдительность и просьбу внимательно следить за врагами. Охотно перепрыгнул на связанных айри и защелкал со злобным присвистом, потом деловито напоил парализующим ядом длинные крайние когти на передних лапках и забегал, приносясь, вглядываясь и щекоча носом вену на шее то одному, то другому. Кажется, все пятеро не сомневались, этот малыш способен вскрыть ее одним движением зубов или когтей. Ками охотно пояснил: вообще-то Лой’ти имеет в распоряжении два вида ядов. А когда тот, что на когтях, смешается в крови с тем, что в полых передних зубах... Он сделал длинную трагическую паузу и закончил фразу: смерть жертвы станет неизбежной, но не слишком быстрой. Ни крика, ни движения, полный паралич. И боль, час за часом, до двух суток, – вздохнул Ками отворачиваясь от связанных айри и усмехаясь презрительно. Его выслушали, понятное дело, внимательно. И замерли, прекратив ругаться сквозь тряпки и дергаться.

Тоэль чуть приподнял лодку и начал ее выводить из ангара, принаравливаясь к полузабытым приборам и с трудом сохраняя на лице спокойствие. Как же, два яда! Мог бы и третий приплести. От одного описания предстоящих мук сородичи так приятно зеленеют и замирают в неподвижности! Пусть и маленькая месть, а очень занятная.

Вот и ворота. Тоэль удивленно вскинул бровь и заставил лодку снова лечь на грунт. За кольцом голубого света метнулась фигура, ничуть не похожая в движениях, а тем более сознании, на обитателей лагеря. Лой’ти свистнул, забавно всплеснув лапками, и столбиком замер, глядя вслед тени горца. Ками одновременно дернулся, намереваясь просить о посадке.

– Их не более дюжины. Все очень осторожны и явно удивлены сном лагеря, – пояснил свой жест Говорящий. – Лой их опознал, его племя.

– Поговорим?

– Я не знаю их языка.

– Он был расшифрован айри и для подобных мне записан под прямое подключение к памяти. Хоть и довольно примитивно, но я могу попробовать общаться. Идем?

– Стрелять начнут, – поморщился Ками.

– В меня не попадут, а о себе ты, надеюсь, позаботишься. И я полагаю, они не станут воевать со снавью. Лой, стереги этих гадов!

Короткий решительный писк подтвердил намерение пушистого караульщика не упустить случая применить яд. Вздох Ками чуть позднее – его согласие с планом. Тоэль в два движения заставил двери обоих бортов скользнуть вбок и втянуться в стены, оголяя проемы. Пару стрел айри поймал почти сердито, короткое копьцо отбил, а потом рядом из пустоты возник Ками, своим даром вынудивший еще три стрелы неуклюже клюнуть грунт, и нападение иссякло.

После короткой заминки, наполненной воплями и шелканьем Лой’ти, возмущенного вероломством напавших, горцы выбрались из тени. Двое. Хмурясь недоуменно, сложили на видном месте оружие и подошли вплотную. Одеты они были в брюки и куртки из мягкой кожи, невысокие сапоги на гибкой подошве, короткие плащи из тонкой темной валяной шерсти. Вооружены длинными кинжалами. У старшего имелся также короткий клинок сабельного типа, с довольно широким кривым лезвием. Тоэлю понравилась работа мастера-кузнеца и не менее – изготовителя ножен, украсившего кожу сложным тиснением и узором нитей. У младшего набор дополнял длинный мощный лук, уложенный наземь с явной неохотой. На плече невысокого, легкого и гибкого юноши верещал родич Лоя, интересуясь у пушистого обитателя летающей лодки новостями и ничуть не отвлекаясь на уговоры друга, уже пару раз дернувшего его за хвост, пытаясь восстановить свой благопристойный образ «горца в разведке».

Старший воин, куда более рослый и широкий в кости, с усмешкой наблюдал за спутником. Он верил хвостатому хулигану, в полном восторге прыгающему на макушке несчастного и окончательно смущенного разведчика, и уже знал: их ждут не враги.

Тоэль вздохнул и принялся складывать чужие слова в корявые фразы.

Он приветствует гордых детей гор. Он зовется Тоэль и спутник его – Ками, оба пришли с миром и желают помочь, а более того – сами нуждаются в поддержке и информации.

Воин вскинул руку открытой ладонью вперед, подтверждая понимание. Уже что-то! Развернулся и коротко бросил таящимся в темноте: выходите. Их оказалось, как и предупреждал Ками, двенадцать вместе с уже знакомыми двоими. Точнее, пятнадцать, – нельзя ведь не считать родню Лоя! Двое немедленно бросили хозяев и оказались на шеях пленников, ничуть не обрадовавшихся столь пристальному к себе вниманию. Третий шумно ругался с владельцем лука, требуя немедленно отпустить его хвост. Церемония встречи все более утрачивала рамки приличия. Владельцы зверьков уже сунулись в проемы и теперь трещали громче своих питомцев, делясь с оставшимися снаружи, в неведении, впечатлениями от необычного вида пленников. Прочие с детским любопытством шупали материал корпуса и дверь ангара, крутили головами, изучая источники голубоватого света...

Старший воин тяжело вздохнул, недовольно тряхнул головой, но не стал мешать младшим. Пришла его очередь говорить.

Он зовется Ргиро и происходит из рода гвинов, живущего выше в горах. Он управляет остатками воинов общины. Злые нелюди уго-йхо взяли в плен более половины жителей его селения, угнали скот, опустошили запасы. Под его рукой две сотни уцелевших мужчин, хотя настоящих бойцов и разведчиков – не более трех десятков. А еще в скалах их женщины, старики и дети. Холод грозит гибелью, скорой и неминуемой, ведь всю пищу забрали, и поселок сгорел дотла.

Уже месяц воины следят за лагерем, но чужаки сильны и многочисленны. И они поят ядом сознание людей, губят даже одаренных. Лишь сегодня удалось застать их спящими, теперь он понимает, почему. Он готов помогать, но новым союзникам стоит помнить, сколь безрадостна предстоящая зима, отягощенная войной и голодом. У него теперь появилась небольшая надежда, потому что один из пришедших – одаренный и он, возможно, сумеет хоть что-то изменить. Никто не желает напрасно убивать безумных слуг уго-йхо, еще недавно бывших нормальными людьми. Соседями, друзьями, родными...

Ками кивнул, ловя торопливый перевод. Он и без того многое понял, благодарно вслушиваясь в открытое сознание айри и на ходу заучивая самые простые слова. Как только наберут силу прочие одаренные, можно попробовать разбудить сознание людей лагеря – пообещал Ками. Если бы удалось позвать Деяну, но это далеко, к тому же она не отзывается и даже, странное дело, не опознается...

Тоэль зашипел от обиды – ну почему он не подумал раньше! Просто забыл среди людей, что такое дальняя связь. Одичал, можно сказать! Айри бесцеремонно выдернул из кресла пилота самого любопытного горца и пробежал пальцами по контактной пластине.

Экран оставался серым несколько томительных минут. Потом вспыхнул, ожил, вызывая охи и ахи любопытных жителей гор, старающихся не упустить ничего нового.

Космический боцман, некогда его друг, променявший спокойную старость и уют своего домика на корабль и ежедневные ссоры с Хиннром, принял вызов не глядя. Он сидел, презирая весь мир бескрылых своей широкой спиной. Зовут? Пусть говорят, что им надо, и проваливают. Разве у мелких дурней, не способных ценить настоящие дела, могут найтись серьезные вопросы к экипажу?

– Юнтар, ты мне нужен здесь через полчаса, посадка по пеленгу. Тут очень, очень много голодных, тебе понравится.

Тоэль счастливо пронаблюдая стремительное движение кресла и полный набор вариантов недоумения, столь непривычных на сдержанном и чуть хмуром обычно лице. Седой боцман был пожилым даже для айри. И всегда оставался возмутительно незыблем в своих убеждениях. Он пережил шесть сотен лет их общего прошлого, не меняя имени и позволяя его сокращать до короткого «Тар» слишком немногим. Он ценил порядок и регулярно доводил обожаемого капитана нравоучениями на указанную тему. Он был непростительно суеверен для уважающего науку айри. И еще он умел готовить, так что любой спор на борту неизбежно стихал к ужину. А еще Тар замечательно организовывал любое дело. Вот и теперь, одним взглядом оценил невообразимую картину – десяток грязных дикарей, рамкой оформляющих экран, зеленых от тошноты и страха за свою драгоценную жизнь пленников, победно щелкающих и свистящих родичей Лой’ти. Его самого, умильно взирающего на экран, сложив лапки на груди...

– Паршивая манера выражать свои мысли невнятно! – посетовал боцман, придавая лицу привычное выражение хмуроватой сосредоточенности. – Пеленг есть, и то спасибо, от большого ума ты вечно все путаешь. Сколько голодных? На какой период их необходимо обеспечить жратвой? Я не намерен без серьезного повода сажать эту, чтоб тебе одичалому было понятнее, демонически здоровенную штуковину, вызывая абсурдные сплетни местного населения. И вообще, три часа – наш минимум по срокам, так и знай.

– Думаю, до весны надо продержаться... Выживет тут до полутора тысяч, а если повезет, и две... – начал прикидывать Тоэль, изучая потолок на предмет внезапного озарения, и чувствуя себя очень маленьким и ребячливым, – У нас сейчас конец осени...

– Чушь несешь! Никакой подготовки, никакого владения ситуацией, паршиво у тебя все, – снова возмутился Тар. – Ладно, капитана я уже вызвал. Сядем мы, не ищи благих знаков свыше над экраном, там только обшивка, и наверняка грязная. Учти: я открою люки при условии, что ты приведешь себя в порядок, оденешься, как нормальный айри и станешь чистить зубы и причесываться. А этих, нахальных, с грязными лапами, я на борт не пушу! Ни хвостатых, ни бесхвостых!

– Да, непререкаемый.

– Уже лучше, – усмехнулся Тар, – пригляди, чтоб на месте посадки дурни не околачивались, всякие бараны и коровы – тоже, подсвети нам хоть чем ориентиры, корабль-то не маленький. По координатам выходит, предгорья... Уже неплохо, скальные площадки предпочтительны.

– Слушаюсь.

– Не сиди столбом со сладкой улыбкой больного на голову, найди наручный коммуникатор и марш работать! Сядем через три часа сорок две минуты, погрешность в три минуты, я все посчитал. Конец связи.

Экран погас, Тоэль остался сидеть с той самой блаженной улыбкой беззаботного дурачка, окончательно вскипятившей гнев далекого Тара. Ками искоса поглядывал на него, удивляясь странному тону разговора и непривычному поведению друга.

– Что это было? – осторожно уточнил он. – Помощь?

– Они прилетят на восходе, – встряхнулся айри. – Тар тут всех построит и заставит мыть головы и чистить грязь из-под ногтей. Его будут бояться до судорог и обожать до трепета, это неизбежно. И он накормит всех, на борту имеется белковый... Ох, что это я! В общем, попростому если, еда будет.

– Хорошо. А «Лебедь»?

– Ргиро! – позвал Тоэль.

Воин возник рядом с люком, он уже подобрал свой клинок и прилаживал на пояс. Морщась от невнятности произношения айри, выслушал предложение очистить ровную площадку в верхней части долины от людей и скота и разложить три костра на холмах. Склонил голову, подтверждая понимание. Вообще-то в его роду принято в знак согласия со старшим складывать на груди руки, чуть сжимая их в замок, но привычку чужих кивать, подтверждая слова, он уже уловил и перенял. Еще Ргиро верил: Говорящие с миром всегда помогают и не просят лишнего и неправильного. Значит, надо исполнять, а уж выяснить, зачем с удобного луга требуется немедленно сгонять скот, он постарается позже.

Повторно и куда более охотно Ргиро кивнул, принимая пленных на попечение трех своих лучших разведчиков. Их маленькие друзья – упчочи, как их зовут в народе гвинов, будут караулить и укусят при первом подозрении, они очень внимательны. Вождь позволил себе истратить время на вопрос, уточняя, как попал к новым хозяевам Онг, которого слепым малышом подобрала его дочь и до свадьбы отдала в дом жениха, как принято. Тяжело вздохнул, прикрыв глаза, с трудом веря в ответ. Ему казалось, обидеть упчоча горец не может. Это священное животное, дарящее дружбу немногим и никогда не предающее выбранного хозяина. Но Онг отзывается на новое имя – Лой’ти – и деловито лезет по куртке на плечо снави, гордо утверждаясь на законном месте, деловито цепляясь за ухо человека и ласково подергивая его за волосы. Значит, все правда...

Вождь стоял, провожая взглядом странную летающую лодку и гадая, что лучше – живой жених дочери, оскорбивший упчоча или он же, но мертвый и сохранивший честь? И как сказать матери о поступке ее сына, который трудно будет оправдать затуманенным сознанием. В его собственной семье родилось три дочери. Боги, насмехаясь над гордыней первого воина племени, не дали сыновей, а потом еще и отняли старшую и любимую девочку – Бьер. Но средняя, Кьенс, их запоздалое прощение, стоит рядом, лучшая лучница рода. Она, бывшая хозяйка Онга, тоже ела отраву и слышала вкрадчивый голос злых духов уго-йхо, но нашла в себе силы перебороть его и уйти в горы. И никогда не помышляла поднять оружие на малыша, почтившего ее дружбой. На этого, отданного ей женихом.

Ками слышал обрывки размышлений Ргиро уже в полете. Почесал шею своего Лоя и пообещал ему найти по возможности прежнего друга и разобраться, как случилось столь неприятное и недопустимое. Да и Ргиро сейчас нельзя огорчаться попусту, ему и без того хватает забот. Воин обещал устроить своих людей во дворе ангара и оберегать полуживых снавей, если лагерь начнет просыпаться. А пока надо смотреть вниз и искать бриг.

Полет ощущался слабо, мягкая обшивка гасила шум ветра, прозрачных элементов в лодке не было, а экраны показывали непонятное.

– Шли мы от берега чуть не два дня, а долетим обратно за полчаса – сообщил айри, проводя кораблик по пути их пешего движения к лагерю. – Скучные у нас летающие лодки. Ни окон толковых, ни вида из них. Ночь, тучи, дождь повсюду. Разве это – полет?

– Признаю, я ожидал большего, – сознался Ками. – Что это за пятна на стене?

– Экран. Показывает то, что под нами, режим ночного зрения. Вот тут, смотри – мертвое селение. А дальше склон, с которого ты сыпался вниз, сломав ребра.

– Непривычно выглядит и как-то незнакомо, – пожаловался Говорящий. – Плоско и серо.

– Зрение людей и айри чуть различается. Для меня экран цветной. Мы вообще не склонны делать красивое, зато все работает надежно, – оправдал детище айри Тоэль. – И движется быстро. Скоро океан. Полагаю, одурманенные горцы до него еще не дошли, это очень хорошо. Бриг не можешь засечь?

– Попробую, – Ками прикрыл глаза и охнул, хватаясь за голову.

Деяну, бесцеремонно, в полную силу своего дара, ломящуюся в сознание, расслышал даже айри. Она нервничала и шумела во всю. Лой’ти тоже услышал и ободряюще пискнул в ответ, глядя висок друга: он на страже, если что – всех врагов положит. Он – охранник! Тоэль покосился на малыша и представил полнейшее истребление крыс эффектной парой – Рифом и Лой’ти. Нет сомнения, пушистого зачислят в состав экипажа без колебаний. Впрочем, здесь, на берегу, его дом... А капитану пока не до серых «пиратов», оказывается...

Переключка снавей закончилась, о ней напоминал лишь шум в ушах и неприятное ощущение своей глухоты и убогости. Он понял не более десятой части их торопливого общения. Над кромкой берега уронил лодку к самой воде и прибавил скорость, уверенно выбирая направление. Ками согласно указал рукой на юг. «Лебедь» должен обнаружиться через пару минут. Живой, со знакомым экипажем.

– Деяна сказала, что Риф плох, но выживет, как я понял. И наш капитан тоже очень плох. Подробностей не знаю. Горцы на берегу, они весьма агрессивны. Пока их немного, передовой дозор заметили заранее и вывели бриг из бухты. На «Лебеде» полагают, что горцы ждут подкрепления. В океане бриг в безопасности.

– Фрисс очень переживает?

– С тобой трудно недоговаривать. Что еще понял?

– Если бы в беспамятстве за оружие взялась Деяна, бриг бы пошел ко дну, полагаю. Ты прав, она необычная. Ей наверняка хватило небольшого толчка, чтобы сбросить с сознания захват зова. Кто углядел беду?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.